

В. Волина

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

ПОЭТЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Екатеринбург
АРД ЛТД
1997

ББК Ш 141.2-922.8
В 67

Хрестоматия для младших школьников
Автор-составитель ***В.В. Волина***

Книга содержит фрагменты из произведений великих русских писателей, изучаемых в начальной школе на уроках литературы. Предназначена учителям начальных классов и младшим школьникам для работы на уроках и внеклассного чтения, а также родителям, которых данная книга освободит от утомительных поисков нужных литературных произведений.

Предлагаемый материал удачно сгруппирован по разделам: «Поэзия XIX — начала XX вв.», «Рассказы о природе», «Рассказы о животных».

ISBN 5-89396-049-1
ISBN 5-89396-056-4 (серия)

© В.В. Волина, 1997
© «АРД ЛТД», 1997
© «АРД ЛТД», оформление

Часть I

ПОЭЗИЯ

XIX — начала XX вв.

От составителя

В этот раздел включены стихи лучших русских поэтов-классиков XIX — начала XX вв. Это стихи о родине, природе, жизни людей. Придет время, вы станете взрослее, и вам захочется глубже познакомиться с творчеством того или иного поэта.

Пусть эта книга станет для вас настольной. Учите стихи наизусть, размышляйте над ними.

Заразительность чужого творчества такова, что чем больше вы будете читать стихи, пытаться проникнуться их содержанием, смыслом, любуясь их гениальностью и простотой, тем больше вам захочется сочинить что-то самому. Попробуйте, дерзайте!

В добрый путь, друзья, в чудесный мир классики...

ЖУКОВСКИЙ
Василий Андреевич
(1783—1852)

* * *

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Мальчик с пальчик

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазенки,
Как пух волосенки.
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный¹
Лилеи прекрасной...

¹ Атласный — гладкий, блестящий.

Море

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твоё необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряжённая грудь?
Иль тянет тебя из земная неволи
Далёкое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льёшься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются тёмные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя, —
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращённых небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойный скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

Лесной царь (Из Гёте)

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги¹ мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы² и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне.

¹ Чертог — дворец.

² Перл — жемчуг.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Перчатка (Из Шиллера)

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,

Придворных дам являлся пышный ряд.
Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный царь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прянул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.
И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она опала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит

Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Жаворонок

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны...

Летний вечер

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задёрнув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей, тем свету дай
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнёздышке согрей.

И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зелёный сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку тёмную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на тёмный луг и лес.

А где под острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.

Итак, совсем не мудрено,
Что разгорелось оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: «Добрый сон».

И вот сошло, и свет потух;
Один на башне лишь петух
За ним глядит, сияя, вслед...
Гляди, гляди! в том пользы нет!
Сейчас оно перед тобой
Задёрнет алый завес свой.

Есть и про солнышко беда:
Нет ладу с сыном никогда.
Оно лишь только в глубину,
А он как раз на вышину;
Того и жди, что заблестит;
Давно за горкой он сидит.

Но что ж так медлит он вставать?
Всё хочет солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло в сумерках оно.
И вот он всходит; в дол глядит
И бледно зелень серебрит.

И ночь уж на небо взошла
И тихо на небе зажгла
Гостеприимные огни;
И всё замолкнуло в тени;
И по долинам, по горам
Всё спит... Пора ко сну и нам.

Колосик

Будто солнцу улыбаясь,
На сололке молодой
Дремлет, медленно качаясь,
Ржи колосик золотой.

ПУШКИН
Александр Сергеевич
(1799—1837)

* * *

... Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!..
(Из романа «Евгений Онегин»)

* * *

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы́ державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла¹,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

¹ Адмиралтейская игла — шпиль на крыше здания Адмиралтейства в Петербурге.

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных¹ Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни² дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.
Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут

¹ Потешные Марсовы поля — площадь в Петербурге, где проходили «военные потехи» — военные смотры.

² Твердыня — здесь: Петропавловская крепость в Петербурге, где в полдень стреляет пушка.

И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!..
(Из поэмы «Медный всадник»)

* * *

... Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых...

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь¹ нисходит к весёлым долинам,

¹ Пастырь — пастух.

Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьётся о берег в вражде бесполезной,
И лижет утёсы голодной волной...
Вотще!¹ нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

¹ Вотще — напрасно.

* * *

У лукоморья¹ дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей² прекрасных
Чредой³ из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет⁴ грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа в Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кашей над золотом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

¹ Лукоморье — морской залив, бухта.

² Витязь — в Древней Руси отважный, доблестный воин.

³ Чредой — один за другим, по очереди.

⁴ Пленяет — здесь: берёт в плен.

И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил...

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег¹
Отмстить неразумным хозарам:
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне²,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник³,
Покорный Перуну⁴ старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?»

¹ Олег — один из первых русских князей, правил в Киеве в X веке. По преданию, был он мудрым (вещим) и храбрым; победил хозар — враждебный Руси кочевой народ.

² В цареградской броне — в броне, сделанной в Царьграде (современный Константинополь). Броня — одежда из металлических пластин или колец для защиты воина от стрел, ударов копья, меча.

³ Кудесник, или волхв, — так назывались у древних славян колдуны, волшебники, предсказатели будущего.

⁴ Перун — бог грома и молнии у древних славян.

Открой мне всю правду, не бойся меня;
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда¹;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

¹ Твой щит на вратах Цареграда. — По преданию, Олег, покорив столицу греческого царства — Царьград, в знак победы прибил свой щит на воротах города.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ¹, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча² ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время.
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,
Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевой поите».

² Пращ, или праща, — древнее оружие для метания камней.

¹ Сеча — битва, сражение.

И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.
Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...¹
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...
«А где мой товарищ? — промолвил Олег. —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу²: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.
Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доньше носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.
Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.
Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне³, уже недалёкой,

¹ Курган — высокий холм земли, который насыпали древние славяне над могилами своих воинов.

² И внемлет ответу — и слышит ответ.

³ Тризна — обряд похорон у древних славян; на тризне убивали любимого коня умершего.

Не ты под секирой¹ ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!
Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Конь

«Что ж ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачёны стремяна?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальний,
Трубный звук и пенье стрел;

¹ Секира — топор.

Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять,
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмёт
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерёт,
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака¹
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

* * *

Румяной зарёю
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек;
Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.
Седые туманы
Плывут к облакам,
Гусей караваны
Несутся к лугам.
Проснулись люди,
Спешат на поля.
Явилось солнце,
Ликует земля.

¹ Чапрак, или чепрак, — подстилка под седло.

* * *

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдёт:
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенётся и поёт.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман и непогоды
Осень поздняя несёт;
Людам скучно, людам горе;

Птичка в дальние страны,
В тёплый край, за сине море
Улетает до весны.

(Из поэмы «Цыганы»)

Осень

(Отрывок)

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъездие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы...

VII

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы...

* * *

...Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,

Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.
(«Евгений Онегин», гл. четвертая)

* * *

... В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.
Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины¹, кровли и забор,
На стёклах лёгкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок весёлых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом...
(«Евгений Онегин», гл. пятая)

¹ Куртины — группы деревьев, кустарников, декоративно оформленные.

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную¹ землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась.
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

¹ Алчная— жаждущая воды, влаги.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;

Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

* * *

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.

Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчёлка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветёт черёмуха душиста.

* * *

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют,
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

(«Евгений Онегин», гл. седьмая)

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

Зимний вечер

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка¹,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?..

... Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;

¹ Старушка — няня поэта Арина Родионовна.

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Узник

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,

Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты¹
Попадают одна...

* * *

...Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница зима.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега² с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки-зимы...

(«Евгений Онегин», гл. седьмая)

¹ Вёрсты полосаты. — В старину вдоль проезжих дорог для измерения расстояния ставили столбы — вёрсты, окрашенные белыми и чёрными полосами.

² Брега — берега.

* * *

... Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядёт, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

(«Евгений Онегин», гл. четвертая)

* * *

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё тёмно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

БАРАТЫНСКИЙ
Евгений Абрамович
(1800-1844)

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.
Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне...

Осень

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.

Седая мгла виётся вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол¹;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоюет роща, дол
Покроет лист её падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Весёлый сон минутных летних нег!
Вот эхо, в рощах обнажённых,
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убелённых,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток² туманно отразит...

* * *

Чудный град порой сольётся
Из летучих облаков,

¹ Эол — бог ветров у древних греков; здесь: ветер.

² Ток — здесь: поток, ручей.

Но лишь ветер его коснётся,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

* * *

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,

Лишь ветер злой,
Бушуя, воеет
И небо кроет
Седую мглой...

* * *

... Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;
Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нём гранит пирамидальный...

(Из поэмы «Эда»)

ТЮТЧЕВ
Федор Иванович
(1803-1873)

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

* * *

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон¹ —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

Весенние воды

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идёт! Весна идёт!

¹ Нудит Зиму вон — всё гонит Зиму вон.

Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд».
Весна идёт, весна идёт —
И тихих тёплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба¹,
Кормя Зевесова² орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

¹ Геба — в сказаниях и мифах Древней Греции одна из дочерей Зевса, богиня юности. На Олимпе, когда собирались все боги, Геба наполняла Зевсу его кубок нектаром и другими божественными напитками.

² Зевс — в сказаниях и мифах Древней Греции главный бог. Его трон находился на горе Олимп. Зевсу подчинялось всё на Земле и в небесах, прежде всего гром и молния. Его часто изображали с орлом, сидящим около трона.

Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!

Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, среди общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своём минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркальце стальное...

Час от часу жар сильнее,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искрится река
И поля дышать на зное...

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдём и сядем над корнями
Дерев, пойманных родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены, —
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины.

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнией струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.

Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но век не свежа.

Мы ж, лёгкое племя,
Цветём и блестим

И краткое время
На сучьях гостим.

Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры¹ ушли.

Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!

Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!

* * *

Ещё земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,

¹ Зефир — теплый, легкий ветер.

И мёртвый в поле стебель колышет,
И елей ветки шевелит.
Ещё природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она
И ей невольно улыбнулась...

КОЛЬЦОВ
Алексей Васильевич
(1809-1842)

Песня пахаря

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зёрна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжёлых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Лес

(Посвящено памяти А.С. Пушкина)

Что, дремучий лес,
Призадумался, —
Грустью тёмною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою, —

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь¹
С мимолётною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зелёный шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

¹ Ратовать — бороться, биться.

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурей
Разговор пойдёт.

Распахнёт она
Тучу чёрную,
Обоймёт тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою, —
И несёт свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зелёная?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, тёмный лес,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень чёрная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

* * *

Весною степь зелёная
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими —
Певучими полным-полна;
Поют они и день и ночь,
То песенки чудесные!..

Косарь

.....

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её, —
И прости-прощай,
Село родное!

.....

В края дальние
Пойдёт молодец:
Что вниз по Дону,
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылём-травой
Расстиляется!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,

К морю Чёрному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришёл:
Я пришёл сам-друг
С косою острою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньёй, коса,
Засверкай кругом!

Зашуми, трава,
Подкошённая;
Поклонись, цветы,
Головой земле!..

Раздумье селянина

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла тёплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

ЛЕРМОНТОВ
Михаил Юрьевич
(1814-1841)

* * *

Москва, Москва... люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин¹
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец; ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
(«Сашка», гл. третья)

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,

¹ Чуждый властелин — здесь: Наполеон I.

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз,
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно.
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Парус

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:

«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут¹.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»²
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета³,
И слышно было до рассвета,

¹ Редут — полевое укрепление, обнесённое валом.

² Добраться до картечи — начать обстреливать врага картечью — артиллерийскими снарядами.

³ Лафет — станок, на котором укрепляется пушка.

Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак¹ открытый:
Кто кивер² чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,

¹ Бивак — стоянка войск в поле для ночлега или отдыха.

² Кивер — старинный высокий головной убор у военных.

В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё¹;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнёшь рукой...

¹ Бранное житьё — боевая военная жизнь.
Брань — битва.

Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Дары Терека *(Отрывок)*

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утёсистых громад,
Буре плач его подобен,
Слёзы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

Тучи

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая!

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные листья лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

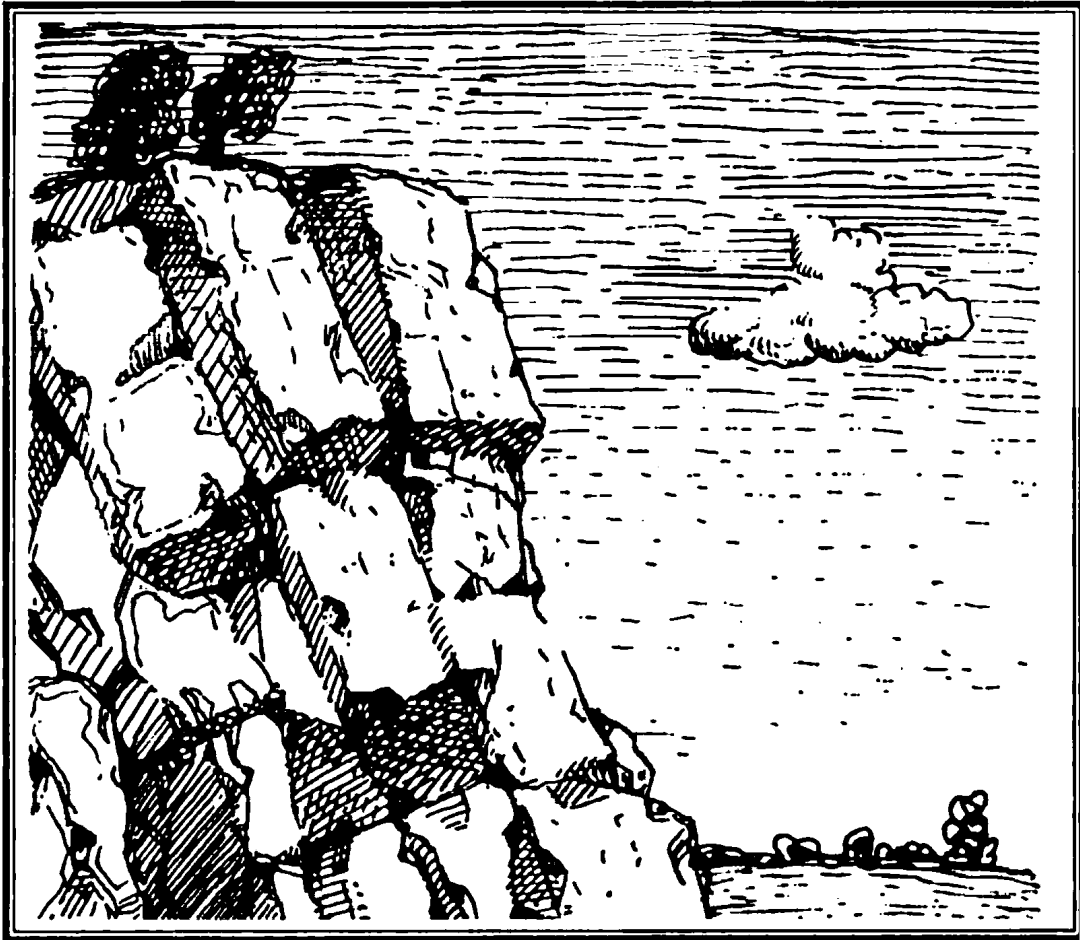
И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных». —

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

Утёс

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,

И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

* * *

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят...
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

ТОЛСТОЙ
Алексей Константинович
(1817-1875)

Илья Муромец

Под бронёй с простым набором¹
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

¹ Под бронёй с простым набором — в броне, просто, скромно украшенной.

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир¹, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживёшь?

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

Но обнёс меня ты чарой²
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

Душно в Киеве, что в скрине³,
Только киснет кровь!

¹ Владимир — киевский князь.

² Обнес чарой — не первому предложил на пиру чару вина и этим обидел старого богатыря.

³ В скрине — в сундуке.

Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

Вновь изведу я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет тёмный бор.

Колодники

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперёд тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни.

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют.
День меркнет всё боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой,
А куда? не знаю!
Он учёным ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!..

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы,
Весёлый ведут хоровод.

«Дитя, подойти к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

* * *

Клонит к лени полдень жгучий,
Замер в листьях каждый звук.
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук.

А из камней вытекая
Однозвучен и гремуч,
Говорит, не умолкая,
И поёт нагорный ключ.

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там, на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

ФЕТ
Афанасий Афанасьевич
(1820-1892)

Ещё майская ночь

Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат, так деве новобрачной
И радостен и чужд её убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить.
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

Рыбка

Тепло на солнышке. Весна
Берёт свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком, —
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

Голубоватая спина,
Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна¹,
Багряное перо.

Идёт, не дрогнет под водой,
Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке!

Первый ландыш

О, первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

¹ Бурмитское зерно — жемчуг.

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нём нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Бабочка

...Не спрашивай, — откуда появилась,
Куда спешу;
Здесь на цветок я лёгкий опустилась,
И вот — дышу.
Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

* * *

Я пришёл к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой.
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришёл я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

* * *

Ещё весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Ещё овраги полны снега,
Ещё зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей ещё не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролётных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

Весенний дождь

Ещё светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,

И будто в золотой пыли
Стоит на ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистых мёдом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы...

* * *

... А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колеблется, как будто дремлет он,
Так резко сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подёрнуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело, —
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом всё гудёт и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листья!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекасти-поле
Прыгает, как мяч.

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

* * *

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —

Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый¹
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

¹ Тороватый — щедрый.

* * *

Печальная берёза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

* * *

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждой минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

НЕКРАСОВ
Николай Алексеевич
(1821-1877)

Тишина
(Отрывок)

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем
И не нашёл я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!
Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слёз!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьётесь о сердца людские,
Как волны об утёс.

* * *

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донёс,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слёз.

Сеятелям

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперёд!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Плач детей

...В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живёт,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берёт.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колёса
Мы вертим — вертим — вертим!
Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдаёт,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьётся, всё кругом идёт:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки...

Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
«Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!»
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы возвратиться...
Но зачем идём мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!..

Дедушка Мазай и зайцы

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слёз!

Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут¹, —
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки

¹ Гинут — гибнут.

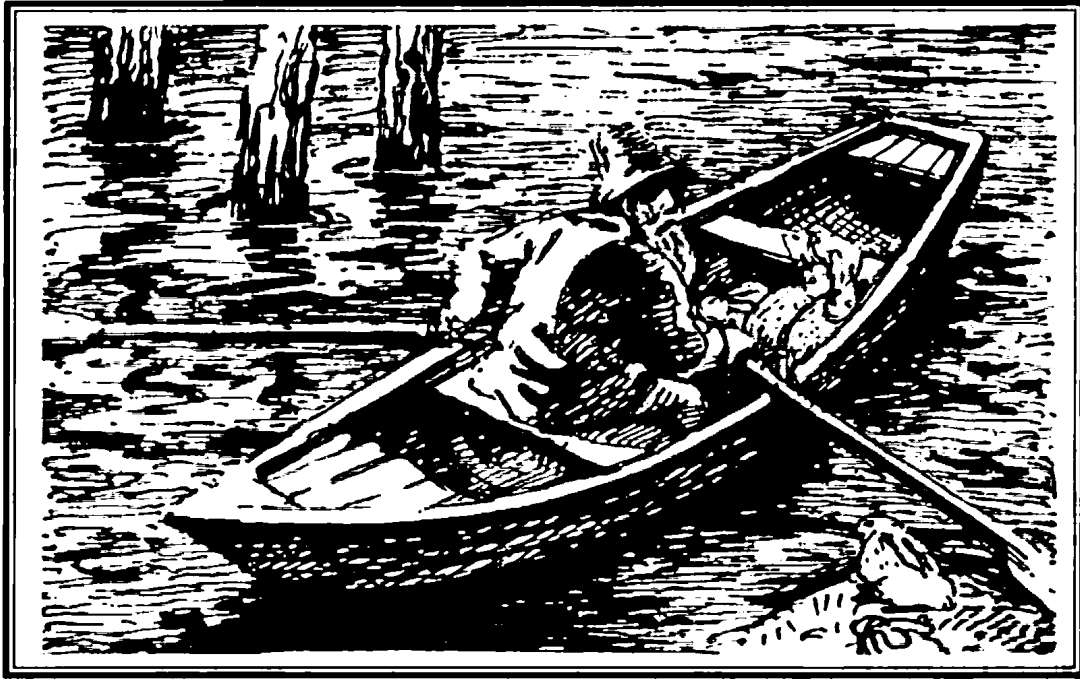
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает,
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина¹ земли в ширину,
Меньше сажени² в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я. — Не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя³, плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном⁴ —
Сильно дрожала... Не рано уж было,
Мимо бревно суковатое плыло;
Сидя, и стоя, и лёжа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нём.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»

¹ Аршин — старинная мера длины, немного меньше метра.

² Сажень — старинная мера длины, немного больше двух метров.

³ Гуторить — оживленно разговаривать, болтать.

⁴ Зипун — старинная крестьянская одежда из грубого сукна.

Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Клянъ-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...
И во весь дух
Пошли зайчишки.
Я им: «У-ух!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,

А чур — зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х...»
Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись,
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом:
Шкура плохая — линяет косою...»

Крестьянские дети

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русских голов над речкой пустынной,
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косою,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагали и мух, и козявок,

Корней молочко ему отдал своё —
Не пьёт! отступились...
Кто ловит пиявок
На лаве¹, где матка колотит бельё,
Кто нянчит сестрѐнку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню² ведѐрko кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит на песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок,
Всѐ беленький, желтенький, бледно-лиловый,
Да изредка красный цветок.
Те спят на припѐке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку³:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рождѐнной
И в фартуке с поля домой принесѐнной,
Бояться смиренной лошадки своей?..
Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница⁴ поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом⁵, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

¹ Лава — деревянные мостки на реке или на пруду.

² Пожня — луг, покос.

³ Ловит лукошком лошадку — приманивает лукошком с овсом лошадь, пасущуюся на лугу.

⁴ Черница — черника.

⁵ Сodom — беспорядок, сильный шум.

Мужичок с ноготок

Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.

Соловьи

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас бурёнку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдём соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Готорят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал наш дед,
Весна, а роща, как немая,
Стоит — гостей залётных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был,
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей¹
И без рекрутчины² нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Всех на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки...»

Школьник

— Ну, пошёл же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невесёлая дорога...
Эй, садись ко мне, дружок!
Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славный путь.

¹ Подати — налоги на крестьян при царском правительстве.

² Рекрутчина — тяжёлая воинская повинность в старой России.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идёшь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош...

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик¹
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезёт в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко,
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

¹ Архангельский мужик — Некрасов имеет в виду ученого и поэта М.В. Ломоносова.

* * *

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! Где ты?
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнёздышка...
Ни птенчиков!.. Поёт-зовёт...
Поёт, рыдает, кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мёртвых не докликалась
До белого утра!..

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжёлую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребёнка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слёзы ли, пот ли у ней под ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опалённые
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слёзы солёные
С кислым кваском пополам?

Зелёный шум

Идёт-гудёт Зелёный Шум!
Зелёный Шум, весенний шум!

Играючи, расхочится вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, всё зелено —
И воздух, и вода!

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!..
Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;

А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!

Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Несжатая полоска

(Отрывок)

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?»

* * *

Дорого-любо, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа...

* * *

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...

* * *

Белый снег недолог,
Вечера длинней,
Крики перепёлок
Реже и грустней.

Осень невидимкой
На землю сошла,
Сизо-серой дымкой
Небо облекла...

Перед дождём

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет тёмный лес.

На ручей, рябой и пёстрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегают холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Мороз-воевода

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,

Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьёт
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —

Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли...

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро».

Саша

(Отрывок)

... В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеётся голубка!

Не до ворчания няне седой:
Любит она её смех молодой...

МАЙКОВ
Аполлон Николаевич
(1821-1897)

Мать

«Бедный мальчик! весь в огне,
Всё ему неловко! —
Ляг на плечико ко мне,
Прислонись головкой!
Я с тобою похожу...
Подремли, мой мальчик.
Хочешь, сказочку скажу:
Жил-был мальчик с пальчик...
Нет! не хочешь?.. сказки — вздор!
Песня лучше будет...
Зашумел сыр-тёмен бор,
Лис лисичку будит;
Во сыром-темном бору...
Задремал мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыром-темном бору...
Тише! засыпает...
Словно птенчик, всё в жару
Губки открывает...»
Мать и ходит, ходит...
Тихо, долго ночь идёт...
Ночь уж день выводит —
Мать поёт... рука у ней
Затекла, устала,
И не раз слезу с очей
Бедная роняла...

И едва дитя, в жару,
Вздвогнув, встрепенётся,
«Во темном-сыром бору»
Снова раздаётся...

Отклони удар, уйди,
Смерть с своей косою!
Мать дитя с своей груди
Не отдаст без бою!

Летний дождь

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождём...
Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба.

Колыбельная песня

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?» —

«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

* * *

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей.
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

* * *

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что шума, что гуденья,
Тёплых ливней и лучей,
И пиликанья, и пенья!
Уходи себе скорей.

У неё не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,

Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон — уж пчёл рои шумят,
И летит победным флагом
Пёстрых бабочек отряд.

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт.

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злился,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

В мае

Я пройду по лесам,
Много птичек есть там:

Все порхают, поют,
Гнёзда теплые вьют.
Побываю в лесу,
Там я пчёлку найду:

И шумят, и жужжат,
И работать спешат.
Я пройду по лугам,
Мотыльки есть там:
Как красивы они
В эти майские дни!..

* * *

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пеня
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня.
Не видать певцов за светом.

Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом.

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю.
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

* * *

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеёю
Идёшь — и нет конца пути...

Кругом пестреет лес зелёный;
Уже румянит осень клёны,
А ельник зелен и тенист;
Осинник жёлтый бьёт тревогу;
Осыпался с берёзы лист
И, как ковёр, устлал дорогу...
Идёшь, как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красный мухоморов ряд
Что карлы сказочные спят...

Сенокос

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растёт, растёт, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

Осень

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнего леса красу.

С холоду щёки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлёк:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;

Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

* * *

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Всё гибнет, всё гибнет! Ты чёрен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришёл».
Не слышит тревоги их царственный лес
Под тёмной лазурью суровых небес.
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нём сила для новой весны.

Ласточки

Мой сад с каждым днём увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно ещё доцветает
Настурций в нём огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с берёзы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нём ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нём...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок,
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

НИКИТИН
Иван Саввич
(1824-1861)

Русь

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше тёмных туч,

Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лёд
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,

Моя родина
Православная.

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася.

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,

Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в чёрный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча тёмная?

Под грозой её
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.

И зловещий дым
От горевших сёл
Высоко вставал
Чёрным облаком!

Собрала детей,
Стариков и жён,

Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьём кишит
Православный люд.

По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идёт
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,

Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

Лес

Шуми, шуми, зелёный лес!
Знаком мне шум твой величавый,
И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.

Я с детства понимать привык
Твоё молчание немое
И твой таинственный язык
Как что-то близкое, родное.

Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,

Когда больших твоих дубов
Вершины тёмные качались
И сотни разных голосов
В твоей душе перекликались...

Или когда светило дня
На дальнем западе сияло
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.

Меж тем в глуши твоих дерев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пёстрою грядою.

Утро

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака,
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, — воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко, далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит;
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт,
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

Утро на берегу озера

Ясно утро. Тихо веет
Тёплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленет,
В зареве восток.

Окаймлённое кустами
Молодых раquit,
Разноцветными огнями
Озеро блестит.

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывёт.

Вот один взмахнул лениво
Крыльями, — и вдруг
Влага брызнула игриво
Жемчугом вокруг.

Привязав к раkitам лодку,
Мужички вдвоём,
Близ осоки, втихомолку,
Тянут сеть с трудом.

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишки загорелых
На прутах верхом.

Крупный пот с них градом льётся,
И лицо горит;
Звучно смех их раздаётся,
Голосок звенит.

«Ну, катай наперегонки!»
А на шалунов
С тайной завистью девчонка
Смотрит из кустов.

«Тянут, тянут! — закричали
Ребятишки вдруг: —
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и шук».

Вот на берегу отлогом
Показалась сеть.
«Ну, вытряхивай-ка, с богом —
Нечего глядеть!»

Так сказал старик высокий,
Весь как лунь седой¹,
С грудью выпукло-широкой,
С длинной бородой.

Сеть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песке затрепетали
Окуни, линьки.

Дети весело шумели:
«Будет на денёк!»
И на корточки присели
Рыбу класть в мешок...

* * *

Ярко звёзд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес;

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведён костёр.

По траве высокой,
С цепью на ногах,

¹ Лунь — хищная птица с серовато-белым оперением.

Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьём свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озёр.
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звёзды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

* * *

Полно, степь моя, спать беспробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнет скатерть дорожки безлюдной,
Снег пропал — и тепло и светло.

Пробудись и умойся росой
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

Белоснежные тучки толпами
В синеве, на просторе, плывут,
По груди у тебя полосами,
Друг за дружкой тени бегут.

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнёзд понавьют, — посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари!

* * *

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Тёплый вечер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночью;
Грезит колос над узкой межою
Месяц огненным шаром встаёт,
Красным заревом лес обдаёт.

* * *

В чистом поле тень шагает,
Песня по лесу несётся,
Лист зелёный задевает,
Жёлтый колос окликает,
За курганом отдаётся.

За курганом, за холмами
Дым-туман стоит над нивой,
Свет мигает полосами,
Зорька тучек рукавами
Закрывается стыдливо.

Рожь да лес, зари сиянье,
Дума бог весть где летает...
Смутно листьев очертанье,
Ветерок сдержал дыханье,
Только молния сверкает.

Встреча зимы

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И бог знает о чём
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,

На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берёз,

Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй:
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони¹ уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идёт;

Жгучий холод пахнул, —
Всё равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И крутит и мутит, —
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

¹ Искони — издавна.

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поёт —
«Не белы-то снежки!»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладёт,
Под окном для него
Песни вьюга поёт.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растёт богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли к нам
Гость незванный придёт
И за наше добро
С нами спор заведёт, —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

ПЛЕЩЕЕВ
Алексей Николаевич
(1825-1893)

Отчизна

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душе моей печальной;
Когда-то, в дни моей умчавшейся весны,
Манил меня чужбины берег дальный...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисует всё блестящие картины:
Я вижу свод небес прозрачно-голубой,
Громадных гор зубчатые вершины...

Облиты золотом полуденных лучей,
Казалось, мирт, платаны и оливы
Зовут меня под сень раскидистых ветвей,
И розы мне кивают молчаливо...

То были дни, когда о цели бытия
Мой дух, среди житейских обольщений,
Еще не помышлял... И, легкомыслен, я
Лишь требовал у жизни наслаждений.

Но быстро та пора исчезла без следа,
И скорбь меня нежданно посетила...

И многое, чему душа была чужда,
Вдруг стало ей и дорого и мило.

Покинул я тогда заветную мечту
О стороне волшебной и далёкой...
И в родине моей узрел я красоту,
Незримую для суетного ока...

Поля изрытые, колосья жёлтых нив,
Простор степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широких рек разлив,
Таинственно шумящие дубравы...

... Вас понял я тогда; и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! не пленишь ничем ты чуждый взор...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, что сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

Нищие

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идёт;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движениях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжёлое горе,
Как в рубище ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, собирать...

Карета шестёркой несётся;
За нею пустился он вслед,
Но голос внутри раздаётся:
«Вот я тебе дам, дармоед!»

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не мог со слезой...
И дальше прошёл горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилёг
И видит: с котомкою мимо
Плетётся седой старичок.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся? Хворенький, знать?» —
«Из города, дедушка. Худо
Мне больно». — «Не хлеба ли дать?»

И с братом голодным, что было
В котомке, он всё разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идёт...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймёт!

Старик

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлую весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу, как теперь я, добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоём —
И морщинкам мелким нет числа на нём!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнёзда вьёт,
Просеки, тропинки знал наперечёт.

А какой охотник был до соловьёв!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зелёной чаще песни их звучат;
И ещё любил он маленьких ребят.

На своём крылечке сидя каждый день,
Ждёт, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

— Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые, как лён.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнет о сельских новостях болтать,
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихой стопой.

Одинок, угас он в домике своём,
И горюют детки больше всех по нём.

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечерком...

* * *

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые берёзы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдёшь без думы, без тяжёлой, мимо.

Что же к ним всё тянет так неодолимо?
Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берёз плакучих,
Ни избушек этих сереньких, как тучи.
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

* * *

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало;
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

* * *

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!

Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

Мой садик

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень;
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень...

Правда, нет в нём бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пёстрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых,
С тенью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лёжа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчёлы
Вкруг черёмухи жужжат.

* * *

Деревья весело шумели,
Когда вернулась к ним весна;
И только ель одна меж ними
Была безмолвна и мрачна.

Деревья жалобно шумели,
Когда настали холода;
Лишь ель молчала равнодушно
И зеленела, как всегда.

* * *

«Скажи, фиалка, отчего
Так рано к нам ты воротилась,
Когда в полях ни одного
Ещё цветка не распустилось?»

«Бедна нарядом и мала,
Я меж других цветов незрима,
А, если б с ними я цвела,
Ты, может быть, прошёл бы мимо».

* * *

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.

Вянет и желтеет
Травка на лугах.
Только зеленеет
Озимь на полях.

Туча небо кроет,
Солнце не блестит.
Ветер в поле воет,
Дождик моросит.

Воды зашумели
Быстрого ручья.
Птички улетели
В тёплые края.

Осенняя песенка

Миновало лето,
Осень наступила,
На полях и в рощах
Пусто и уныло.

Птички улетели,
Стали дни короче.
Солнышка не видно,
Тёмны, тёмны ночи.

Птичка

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли:
И тростник сухой и жёлтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул словно из ведра,
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!

СУРИКОВ
Иван Захарович
(1841-1880)

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что в моих твореньях
Нет тепла и света.
Как кому на свете
Дышится, живётся —
Такова и песня
У него поётся.

Жизнь даёт для песни
Образы и звуки;
Даст ли она радость,
Даст ли скорбь и муки,
Даст ли день роскошный,
Тьму ли без рассвета —
То и отразится
В песнях у поэта.

Песнь моя тосклива...
Виноват в том я ли,
Что мне жизнь ссудила
Горе да печали?

* * *

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растёт высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

Степь

Едешь, едешь, — степь да небо,
Точно нет им края.
И стоит вверху, над степью,
Тишина немая.

Нестерпимую жарою
Воздух так и пышет;
Как шумит трава густая,
Только ухо слышит.

Едешь, едешь — как шальные
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленея,
Убегают цепью.

Промелькнут перед глазами
Две-три старых ивы, —
И опять в траве волнами
Ветра переливы.

Едешь, едешь, — степь да небо,
Степь, всё степь, как море;
И взгрустнётся поневоле
На таком просторе.

В ночном

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далёком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несётся.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.

То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собрались дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужики сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише.
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст, — и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несётся ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то все в белом
Тени в поле ходят...

Детям боязно — и дети
Огонёк разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

Детство

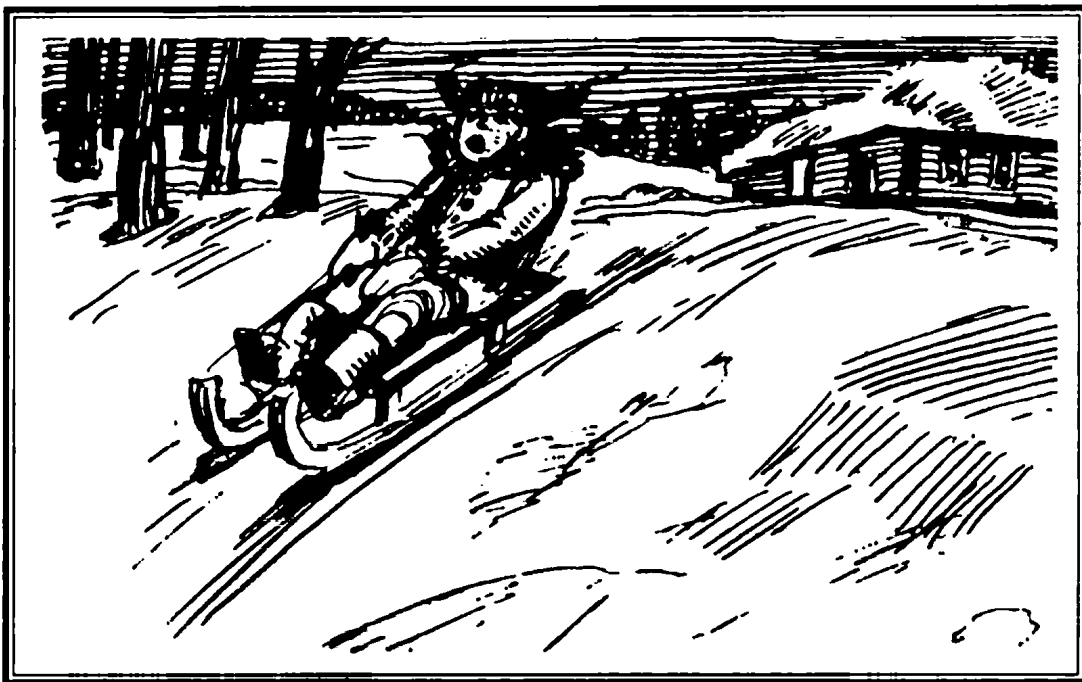
Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца¹;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку, —
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

¹ Светец — подставка для лучины, освещающей жильё.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

Зима

Белый снег пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле побелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Тёмный лес, что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

ДРОЖЖИН
Спиридон Дмитриевич
(1848-1930)

Родине

Как не гордиться мне тобой,
О родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою, недвижим, я,

Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На тёмные леса.

Как хороша ты в тёплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!

Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдаёт!

Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..

Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю.
Хожу среди твоих лугов,
Мечтаю и пою.

Во всей в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

Родина

Кругом поля раздольные,
Широкие поля,

Где Волга многоводная —
Там родина моя.

Покрытые соломою
Избушки у реки,
Идут-бредут знакомые,
И едут мужики.

Ребята загорелые
На улице шумят,
И, словно вишни спелые,
Их личики горят.

Вдали село, и сельский храм
Приветливо глядит,
А там опять к родным полям
Широкий путь лежит.

Идёшь, идёшь, и края нет
Далёкому пути,
И хочется мне белый свет
Обнять и обойти.

* * *

Я для песни задушевной
Взял лесов зелёный шёпот,
А у Волги в жар полдневный
Тёмных струй подслушал ропот.

Взял у осени ненастной,
У весны благоуханной,
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

* * *

Не нужно для меня ни блага богачей,
Ни почестей правителей могучих,
Отдайте только мне спокойствие полей
И глушь лесов дремучих.

Пускай зелёный сад перед моей избою
Даёт прохладу мне в весенний жаркий день,
Пусть радуется мой взор и Волга под горою
И ряд родимых деревень;

Чтоб видел я народ довольный и счастливый,
Без горя горького, без тягостной нужды, —
Тогда, с своей семьёй работая над нивой,
Воспел бы я его труды!

* * *

Ценою жгучих слёз и муки,
Среди томительных ночей,
Купил я вас, живые звуки,
У бедной родины моей.

Не будьте ж в мире сиротами,
Идите, скорбные, в народ,
Который чуткими сердцами
Вас приласкает и поймёт.

Привет

Привет тебе, мой край родной,
С твоими тёмными лесами,
С твоей великою рекой
И неоглядными полями!

Привет тебе, народ родимый,
Герой труда неутомимый
Среди зимы и в летний зной!
Привет тебе, мой край родной!

Первая борозда

Вышел внук на пашню к деду
В рубашонке, босиком,
Улыбнулся и промолвил:
— Здравствуй, дедушка Пахом!

Ты, я вижу, притомился,
Научи меня пахать,
Как зимой, в избе, бывало,
По складам учил читать!

— Что ж, изволь, коли охота
И силёнка есть в руках,
Поучися, будь помощник
Деду старому в трудах!

И Пахом к сохе с любовью
Внука за руку подвёл;
Внук тихонько бороздою
За лошаdkою пошёл...

Бодро, весело лошадка
Выступает впереди,
А у пахаря-то сердце
Так и прыгает в груди.

«Вот, — он думает, — вспашу я
Эту полосу, потом

Из кошницы дед засеет
Золотым её зерном;

Уродится рожь густая;
А весною — благодать,
Как начнёт она по зорькам
Жёлтый колос наливать;

Уберётся васильками,
Словно море, зашумит,
Выйдут жницы на полоску,
Серп на солнце заблестит.

Мы приедем на телеге
И из связанных снопов
На гумне намечем много
Золотых тогда скирдов!»

Долго издали на внука
Смотрит дедушка седой
И любитя глубоко
Проведённой бороздой.

В крестьянской семье

Детство золотое,
Грустно ты прошло!
Предо мной родное,
Милое село.
В ожиданье лета,
С рожью и травой,
Спит оно, одето
Снежной пеленой.
Из-за туч уныло

Солнышко глядит,
Ветер легкокрылый
Жалобно шумит.
Улицей гуляет
Дедушка-мороз,
Иней рассыпает
По ветвям берёз;
Ходит, бородою
Белою трясёт,
Топают ногою,
Только треск идёт,
Иль на окна дышит
Закоптелых хат
Да узоры пишет,
Глядя на ребят...
Вот изба родная
В том селе стоит;
На печи больная
Бабушка лежит.
Охает, вздыхает,
В сердце грусть храня;
Полночь наступает,
Не видать огня.
Бабушка в кручине,
С вечера без сна:
О родимом сыне
Думает она.

Весеннее царство

Вернулось царство вешних дней:
Звенит по камушкам ручей,
Река шумит,
И с криком стая журавлей
Уж к нам летит.

Смолою пахнет от лесов,
Краснея, почки лепестков
Вздохнули вдруг,
И миллионами цветов
Покрылся луг.

Настала чудная пора!
Свалилась с плеч моих гора
Гнетущих бед.
Я на работу со двора
Иду в чем свет.

Железо землю бороздит,
А солнце весело глядит
В сиянье дня
И всё ласкает и дивит
Вокруг меня.

Из норки чёрный жук ползёт,
И сеть прозрачную плетёт
Себе паук,
Летит пчела и издаёт
Протяжный звук.

На распутившийся цветок
Садится пёстрый мотылёк,
Качаясь в нём,
Пока не тронет ветерок
Его крылом.

Лошадка весело межой
Идёт, а солнце, за горой
Кончая день,
Уже бросает над землёй
Ночную тень.

Пора на отдых! В деревнях
Зажглись огни, на небесах
Взошла луна,
Покой на вспаханных полях
И тишина.

* * *

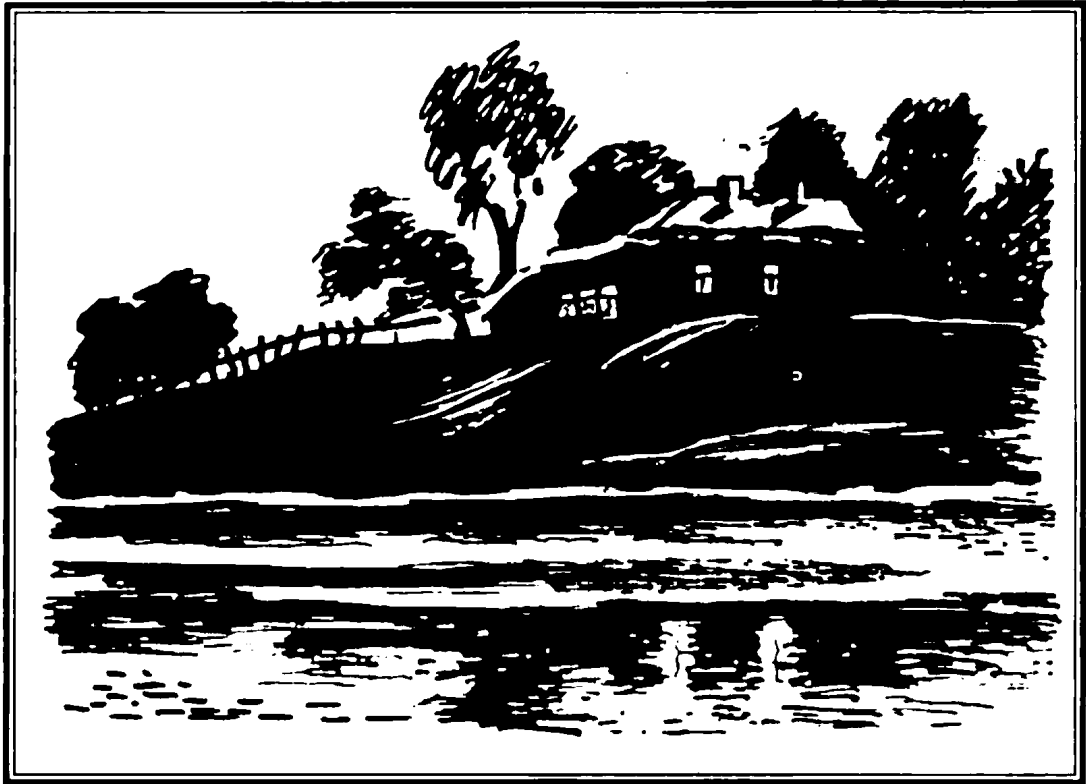
Тени вечера сгущаются,
Воздух влажен и душист,
И росой умывается
На деревьях каждый лист.

Птицы в гнёзда схоронились,
И у берега реки,
Чуть мерцая, засветились
По деревням огоньки.

Летняя ночь в деревне

Уснули поля под туманом,
Покрылася травка росой,
И звезды стоят караваном,
Блистая над сонной землёй.
Замолкли и скрылися птицы,
В деревне кругом тишина.
Лишь где-то измученной жницы
Тоскливая песня слышна.
Погасли в убогих избёнках
Один за другим огоньки,
И сторож, как будто впросонках,
Бьёт в край деревянной доски.

* * *

На улице стало безлюдно,
Не слышится шума ребят,
И жёлтые листья на землю
С берёз, как червонцы, летят.

Прносятся тучи толпою,
И золотом веет вокруг;
По ветру летят паутины,
Подёрнулся инеем луг.

Нахмурился лес под туманом,
Затихли и птиц голоса,
Пасутся свободные кони,
На отдыхе плуг и коса.

Дымятся овины; за ними
Из полных, тяжёлых снопов

Крестьяне сложили немало,
Как горы, высоких скирдов.

До света ещё с петухами,
Выходят они на гумно, —
И стонут снопы под цепами,
И брызжет с колосьев зерно.

* * *

Растаял снег среди полей,
Сбегаёт под гору ручей,
И пробивается трава,
В лесу фиалки распустились,
И яркой зеленью оделись
Кусточки все и деревья.
Родимых мест знакомый вид
Мне снова душу веселит...

* * *

Распустились почки,
лес зашевелился,
Яркими лучами весь
озолотился,
На его окраину из травы
душистой
Выглянул на солнце
ландыш серебристый,
И открылись кротко
от весенней ласки
Милой незабудки
голубые глазки.

Ласточка

Ласточка сизокрылая
Под моим окном
Свила гнездышко —
И поёт себе,
Заливается,
Весну красную
Прославляючи.
И от зорюшки
Вплоть до вечера
Её слушал бы,
Не наслушался...

* * *

Всё зазеленело...
Солнышко блестит,
Жаворонка песня
Льётся и звенит.

Бродят дождевые
В небе облака,
И о берег тихо
Плещется река.

* * *

Миновало лето,
Солнце из-за туч
С ласковым приветом
Не бросает луч;
Листья облетели
Средь осенних вьюг.

Птички улетели
На далёкий юг;
На дворе и в поле,
И в глуши лесов
Не слышать их боле
Звонких голосов.

* * *

Жёлтый лист за листом
Опадает с ветвей;
С неба солнце кругом
Стало греть холодней.
По раздольным полям
Буйный ветер шумит,
Осень тёмная к нам
Чёрной птицей летит.

* * *

Мороз в окно глядит и дышит
И на стекле узоры пишет,
А против мерзлого окна,
Дыханьем дедушки мороза
В парчу и жемчуг убрана,
Стоит кудрявая берёза,
Вспоминая, как весной
Она за чащею лесной
Росла в лучах тепла и света,
Вся яркой зеленью одета.

* * *

Люблю я жгучие морозы
И шум безлиственной берёзы,

Стоящей грустно под окном,
Когда из труб летит столбом
Дымок и стелется туманом,
Играя в воздухе румянном
И по равнине снеговой;
Когда не видно ни одной
Души на улице широкой,
Когда село и всё глубокой
Ещё объято тишиной,
Лишь снег кругом и надо мной
Сверкает, вьётся и кружится
И пухом на землю ложится.

БУНИН
Иван Алексеевич
(1870-1953)

Родине

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Твой сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

Запустение (Отрывок)

... Печален долгий вечер в октябре!
Любил я осень позднюю в России.
Любил лесок багряный на горе,
Простор полей и сумерки глухие,
Любил стальную, серую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
В дали лугов, широкой и пустынной,
Мне навевала русскую тоску...
Но дни идут, наскучило ненастье —
И сердце жаждет блеска дня и счастья.

Томит меня немая тишина.
Томит гнезда родного запустенье.
Я вырос здесь. Но смотрит из окна
Заглохший сад. Над домом реет тленье,
И скупое в нём мерцает огонёк.
Уж свечи нагорели и темнеют,
И комнаты в молчанье цепенеют,
А ночь долга, и новый дом беззвучно
Мне говорит: «Да, без хозяев скучно!

Мне на покой давно, давно пора...
Поля, леса — всё глохнет без заботы...
Я жду весёлых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих руки смелых голосов!
Я жду...»

Вечер

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встаёт, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне.

Берёзка

На перевале дальнем, на краю
Пустых небес, есть белая берёзка:
Ствол, искривлённый бурями, и плоско
Раскинутые сучья. Я стою,
Любуясь ею, в жёлтом голом поле.

Оно мертво. Где тень, пластами соли
Лежит мороз. Уж солнца низкий свет
Не греет их. Уж ни листочка нет
На этих сучьях, буро-красноватых,
Ствол резко-бел в зелёной пустоте...

Но осень — мир. Мир в грусти и мечте,
Мир в думах о прошедшем, об утратах,
На перевале дальнем, на черте
Пустых полей, берёзка одинока.
Но ей легко. Её весна далёко.

Змея

Покуда март гудит в лесу по голым
Снастям ветвей, — бесцветна и плоска,
Я сплю в дупле. Я сплю в листве тяжёлым,
Холодным сном — и жду: весна близка.

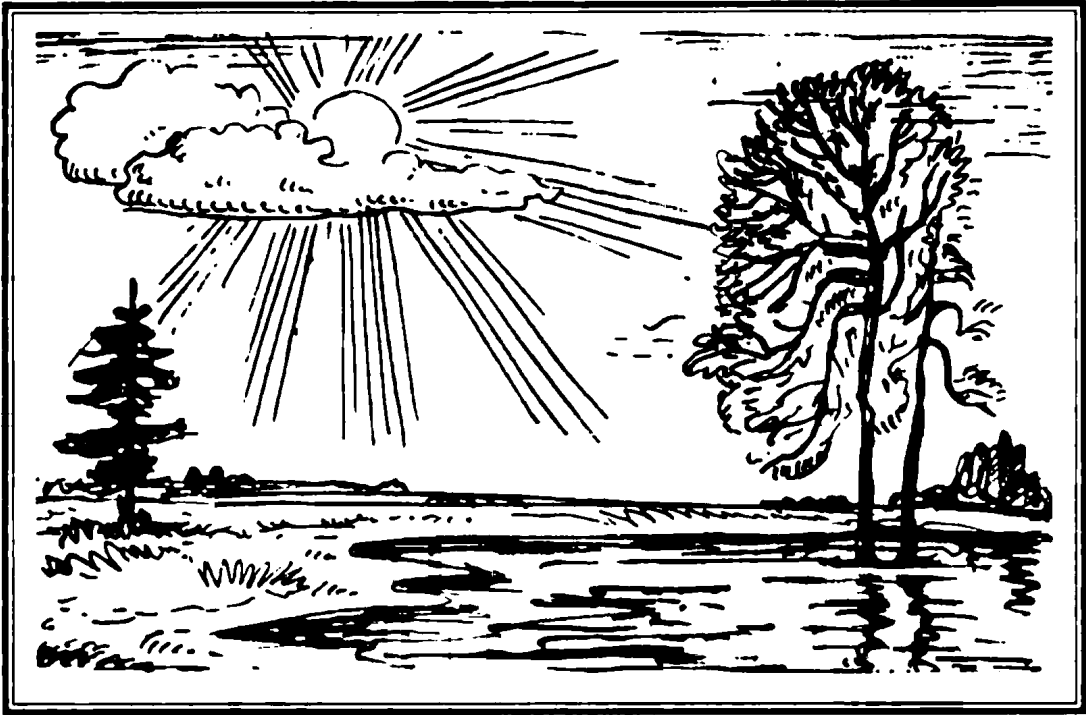
Уж в облаках, как синие оконца,
Сквозит лазурь... Подсохло у корней,
И мотылёк в горячем свете солнца
Припал к листве... Я шевелюсь под ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Теплом лучей... Я медленно ползу —
И вновь цвету, горю, меняюсь,
Ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу.

Где суше лес, где много пёстрых листьев
И жёлтых мух, там пёстрый жгут — змея.
Чем жарче день, чем мухи золотистой —
Тем ядовитей я.

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо и протяжно.
Грачей пролётные стада
Кричат и весело и важно.

Дымятся чёрные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковее греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И всё ей радо.
Как в забыты каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И тёплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

* * *

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лёг.
Спят грачи; далёкий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зелеными
Молодой озябший чернозём,
И струится чище над полями
Звёздный свет в молчании ночном.

По лощинам, звезды отражая,
Ямы светят тихую водой;
Журавли, друг друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна в зазеленевшей роще
Ждёт зари, дыханье затая, —
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в тёмные поля.

Детство

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шёлк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжёлый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

* * *

Густой зелёный ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шёл олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

* * *

Всё темней и кудрявей берёзовый лес зеленеет;
Колокольчики ландышей в чаше зелёной цветут,
На рассвете в долинах теплом и черёмухой веет,
Соловьи до рассвета поют.

* * *

Весна, и ночь, и трепет звёзд,
И свежесть трав лесной долины.
Над тишиной уснувших гнёзд
Склонились тёмные вершины.

Гляжу в прозрачный сумрак их,
Дышу весной — и предо мною
Какой-то тайной неземною
Вся ночь раскрыта в этот миг.

И эта тайна — откровенье,
Моя душа и жизнь моя, —
В ночном потоке бытия
Звезды падучей отраженье.

Чибисы

Заплакали чибисы, тонко и ярко
Весенняя светится синь,
Обвяла дорога, где солнце — там жарко,
Сереет и сохнет полынь.

На серых полях — голубые озёра,
На пашнях — лиловая грязь.
И чибисы плачут — от света, простора,
От счастья — плакать, смеясь.

* * *

Крупный дождь в лесу зелёном
Прошумел по стройным клёнам,
 По лесным цветам...
Слышишь? — Звонко песня льётся,
Беззаботный раздаётся
 Голос по лесам.

Крупный дождь в лесу зелёном
Прошумел по стройным клёнам,
 Глубь небес ясна...
В каждом сердце возникает, —
И томит, и увлекает
 Образ твой, Весна!

После половодья

Прошли дожди, апрель теплеет.
Всю ночь — туман, а поутру
Весенний воздух точно млеет
И мягкой дымкою синеет
В далёких просеках в бору.

И тихо дремлет бор зелёный,
И в серебре лесных озёр —
Ещё стройней его колонны,
Ещё свежее сосен кроны
И нежных лиственниц узор!

* * *

Лес шумит невнятным, ровным шумом...
Лепет листьев клонит в сон и лень...

Петухи в далекой караулке
Распевают про весенний день.

Лес шумит невнятным, тихим шумом...
Хорошо и беззаботно мне
На траве, среди берез зеленых,
В тихой и безвестной стороне!

* * *

Раскрылось небо голубое
Меж облаков в апрельский день.
В лесу всё серое, сухое,
И паутиной пала тень.

Змея, шурша листвой дубовой,
Зашевелилася в дупле
И в лес пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по земле.

... Сухие листья, запах пряный,
Атласный блеск березняка...
О миг счастливый, миг обманный,
Стократ блаженная тоска!

Полевые цветы

В блеске огней, за зеркальными стёклами,
Пышно цветут дорогие цветы,
Нежны и сладки их тонкие запахи,
Листья и стебли полны красоты.

Их возрастили в теплицах заботливо,
Их привезли из-за синих морей;

Их не пугают метели холодные,
Бурные грозы и свежесть ночей...

Есть на полях моей родины скромные
Сестры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майской лесов и лугов.

Видят они не теплицы зеркальные,
А небосклона простор голубой,
Видят они не огни, а таинственный
Вечных созвездий узор золотой.

Веет от них красотой стыдливою,
Сердцу и взору родные они
И говорят про давно позабытые
Светлые дни.

На озере (Отрывок)

На озере, среди лесов зелёных,
Кувшинки белые, как звёзды, расцвели.
В Петровки, в жаркий день, когда в бору сосновом
Так сухо и светло от солнца и песков,
Я прихожу на луг, под тень ольхи серебристой,
Где пахнет мятой и теплою водой,
Где рдеют радужно-стеклянные стрекозы
И блещет озеро среди стволов берёз...

* * *

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса,
Прошёл внезапный дождь косыми полосами —
И снова глубоко синеют небеса
Над освежёнными лесами.

Тепло и влажный блеск. Запахли мёдом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в берёзах у межи,
Беспечно иволги болтают.

И весел звучный лес, и ветер меж берёз
Уж веет ласково, а белые берёзы
Роняют тихий дождь своих алмазных слёз
И улыбаются сквозь слёзы.

* * *

Ясным утром на тихом пруде
Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
Чуть касаются влаги крылом.
На лету они звонко поют,
А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега...

Розы

Блистая, облака лепились
В лазури пламенного дня.
Две розы под окном раскрылись —
Две чаши, полные огня.

В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зелёный знойный сад,
И сена душного истома
Струила сладкий аромат.

Порою, звучный и тяжёлый,
Высоко в небе грохотал
Громовый гул... Но пели пчёлы,
Звенели мухи — день сиял.

Порою шумно пробегали
Потоки ливней голубых...
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их —

И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбалися сквозь слёзы
Очами, полными огня.

* * *

Таинственно шумит лесная тишина,
Незримо по лесам поёт и бродит Осень...
Темнеет день за днём, — и вот опять слышна
Тоскующая песнь под звон угрюмых сосен...

... Угрюмо бор гудит, несутся листья вдаль...
Но в шумном ропоте и песне безнадёжной
Я слышу жалобу: в ней тихая печаль,
Укор былой весне, и ласковый и нежный.

И далеко ещё безмолвная зима...
Душа готова вновь волнениям предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу ума.

Листопад

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Берёзы жёлтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют
То там, то здесь в листве сквозной

Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

.....
Прости же, лес! Прости, прощай,
День будет ласковый, хороший,

И скоро мягкой порошей
Засеребрится мёртвый край...

* * *

Осыпаются астры в садах,
Стройный клён под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нём
Показались повсюду просветы,
И красив он в уборе своём,
Золотистой листвою одетый.

* * *

Осень. Чащи леса.
Мох сухих болот.
Озеро белесо.
Бледен небосвод.

Отцвели кувшинки,
И шафран отцвёл.
Выбиты тропинки,
Лес и пуст и гол.
Только ты красива,
Хоть давно суха,
В кочках у залива
Старая ольха.
Женственно глядишься
В воду в полусне —
И засеребришься
Прежде всех к весне.

Сквозь ветви

Осень листья тёмной краской метит:
Не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
Сквозь нагие чёрные дубы,

Что-то неземное обещает,
К тишине уводит от забот —
И опять, опять душа прощает
Промелькнувший, обманувший год!

* * *

...Льёт дождь холодный, точно лёд,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелёт...

* * *

Шумели листья, облетая,
Лес заводил осенний вой...
Каких-то серых птичек стая
Кружилась по ветру с листвою.

А я был мал, — беспечной шуткой
Смятенье их казалось мне:
Под гул и шорох пляски жуткой
Мне было весело вдвойне.

Хотелось вместе с вихрем шумным
Кружиться по лесу, кричать —
И каждый мёртвый лист встречать
Восторгом радостно-безумным!

* * *

Морозное дыхание метели
Ещё свежо, но улеглась метель.
Белее снега мшистая постель,
В сугробах стыннут траурные ели.

Ночное небо низко и черно, —
Лишь в глубине, где Млечный Путь белеет,
Сквозит его таинственное дно
И холодом созвездий пламенеет.

Обрывки туч порой темнеют в нём...
Но стынет ночь. И низко над землёю
Усталый вихрь шипящею змеею
Скользит своим сухим огнем.

БРЮСОВ
Валерий Яковлевич
(1873-1924)

Полно!

Полно! Не впервые
Испытанья Рок
Падает России:
Беды все — на срок.

Мы татарской воле
Приносили дань;
Куликово поле
Положило грань.

Нас гнали поляки,
Властвуя Москвой;
Но зажѣг во мраке
Минин факел свой.

Орды Бонапарта
Нам ковали ков;
Но со снегом марта
Стаял след врагов.

Для великих далей
Вырастает Русь;
Что мы исчерпали
Их, — я не боюсь!

Знаю: ждѣт нас много
Новых светлых дней:
Чем трудней дорога,
Тем привал милей!

Только русский

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты.

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, —
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тѣсан грубо наш народ:

Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнёт, —

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нём, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нём теперь — простор надежде,
В нём — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум её, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

Родной язык

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаённом смысле слов
Я обретал напев нежданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоён тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй
Иль обрати безумства в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!

Но, побеждён иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

Мы

В мире широком, в мире шумящем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом, —
Мы — гребень встающей волны.

ДОВОЛЬНЫМ

... Мне стыдно ваших поздравлений,
Мне страшно ваших гордых слов!
Довольно было унижений
Пред ликом будущих веков!

Довольство ваше — радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым — больше вам не надо,
Есть жвачка — и блаженны вы!...

Мыши

В нашем доме мыши поселились
И живут, живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;
Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, — свечу объели,
Масло в кладовой,
Что поменьше, уташили в щели....
Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...
Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

Каменщик

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?

— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик, с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?

— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Нечего вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?

— Может быть, сын мой, такой же рабочий,
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нёс кирпичи.

— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

Труд

(В сокращении)

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священной слова: «труд»!..

... Всё, что пьём мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Всё довольство жизни нашей,
Всё, чем красен каждый дом...
... И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам слава,
Только им — венок в веках!..
... И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награждён,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершён!

Работа

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счёта, —
Всё счастье земли — за трудом!

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущённым!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побеждённым,
Зная, что в мире оставлю поэта.

Летняя гроза

Синие, чистые дали
Между зелёных ветвей
Бело-молочными стали...
Ветер играет смелей.

Говор негромкого грома
Глухо рокочет вдали...
Всё ещё веет истома
От неостывшей земли.

Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных, страшных теней?

Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжёлые слёзы
Клонят испуганный мак.

Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!

БЛОК
Александр Александрович
(1880-1921)

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стёртых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

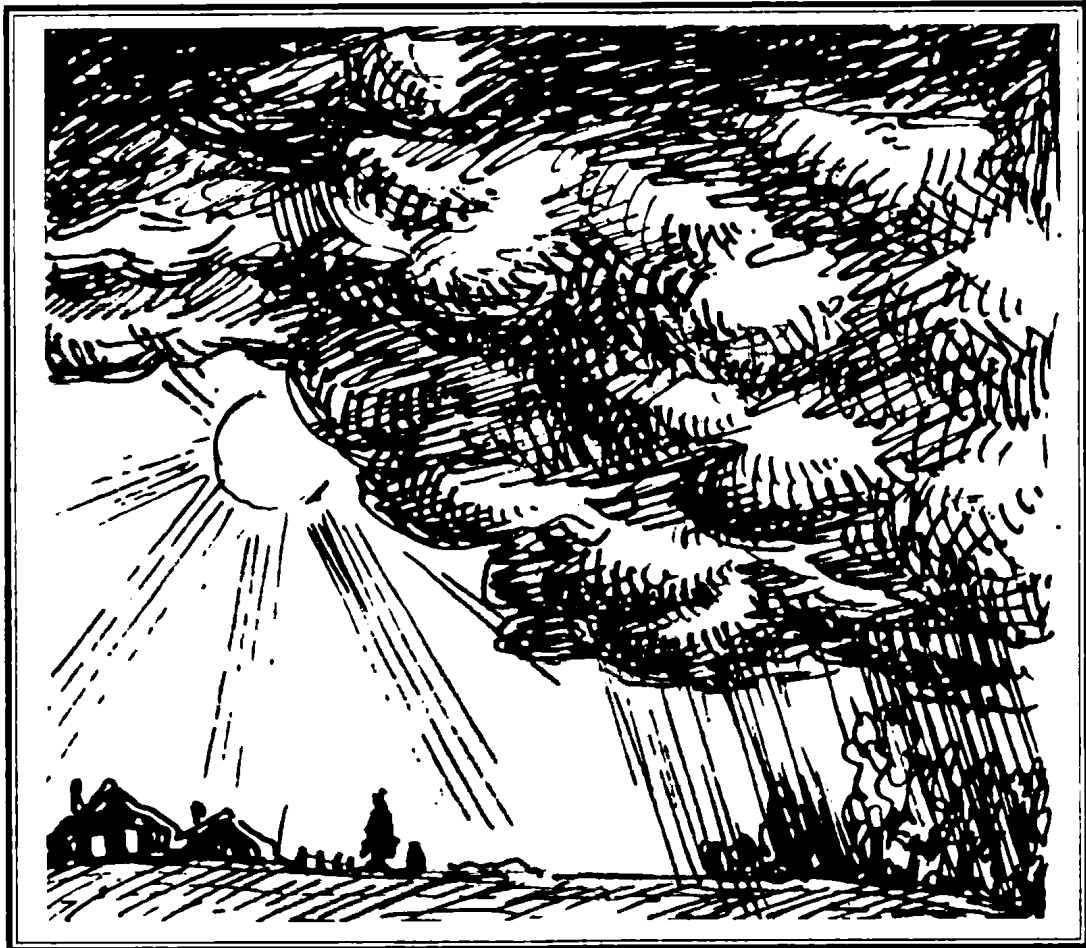
Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,

Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!

Русь
(В сокращении)

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна...

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь.
Она и в снах необычайна.
Её одежды не коснусь.

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжёлый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

«Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!»

* * *

Ветер принёс издалека
Песни весенний намёк,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны

Плакали зимние бури,
Реяли звёздные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принёс издалёка
Звучные песни твои.

* * *

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.
Весна идёт сторонкой,
Да где ж она сама?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна....

После грозы

Под величавые раскаты
Далёких, медленных громов
Встаёт трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листья,
Под ярким солнечным сияньем
Блестят зелёные кусты...

* * *

Вот ворона на крыше покатою
Так с зимы и осталась лохматою...

А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это все у вороны — игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна... и дышать ей привольно!

* * *

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промёрзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранными летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!

Песни такие весёлые
Мы не певали давно.

* * *

Гроза прошла, и ветка белых роз
В окно мне дышит ароматом...
Ещё трава полна прозрачных слёз,
И гром вдали гремит раскатом.

Летний вечер

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины...

* * *

...Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовёт товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётном журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чём звенит, о чём, о чём?
Что плач осенний значит?..

* * *

Глушь родного леса,
Жёлтые листья.
Яркая завеса
Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память всё жива.

* * *

Там неба осветлённый край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятн.

Свободен, весел и силён,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редет.

* * *

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих сёлах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, моё веселье, пляшет
И звенит, звенит в кустах пропав!
И вдали, вдали, призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав...

Ветхая избушка

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, —
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна, —
Ан, уж дом растаял,
На дворе — весна!

Зайчик

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью заплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На жёлтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,

Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать.

Учитель

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок,
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы...

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идёт и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

Снег да снег

Снег да снег. Всю избу занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только чёрные, чёрные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюдце;
Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятами кошка...
Вдруг ребята писклявых котят
Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатили.

Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмёт, вот ухватит в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

ЕСЕНИН
Сергей Александрович
(1895-1925)

* * *

Гой ты, Русь, моя родная.
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза...

... Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за хороводом
На лугах весёлый пляс...

... Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте Родину мою».

* * *

Из-за леса, леса тёмного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.

Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.

А кругом роса жемчужная
Отливала блёстки алые,
И над озером серебряным
Камыши, склонясь, шептались.

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Тёмным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колёс.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

Мне плакать хочется...

Мне плакать хочется о том, чего не будет,
Но что, казалось бы, свободно быть могло...
Мне плакать хочется о невозможном чуде,
В твои, Несбывная, глаза смотря светло...

Мне плакать хочется о празднике вселенском,
Где справедливость облачается в виссон...
Мне плакать хочется о чём-то деревенском,
Таком болезненном, как белый майский сон.

Мне плакать хочется о чём-то многом, многом
Неудержимо, безнадежно, горячо
О нелюбимом, о бесправном, о безногом,
Но большей частью — ни о ком и ни о чём...

Пора безжизния

Кончается октябрь, бесснежный и туманный.
Один день — изморозь, тепло и дождь — другой.
Безлистный лес уснул гнилой и безуханный,
Бесцветный и пустой, скелетный и нагой.
На море с каждым днём всё реже полотенца:
Ведь осень, говорят, неряха из нерях...
И ходят две сестры — она и инфлюэнца,
Две девы старые, — и топчутся в дверях.
Из скромных домиков их гонят: кто — дубиной,

Кто — жаркой банею, кто — ватным армяком;
Кто подогадливей, их просто гонит хиной,
Легко тягающейся с крепким тумаком.
Пора безжизния. И даже ты, телега,
Не то ты ленишься, не то утомлена...
Нам грязь наскучила. Мы чистого ждём снега.
В грязи испачкала лицо свое луна...

* * *

Жалейте каждого больного
Всем сердцем, всей своей душой,
И не считайте за чужого,
Какой бы ни был он чужой.

Пусть к вам потянется калека,
Как к доброй матери — дитя;
Пусть в человеке человека
Увидит, сердцем к вам летя.

И, обнадёжив безнадёжность,
Всё возлюбя и всё простив,
Таковую проявите нежность,
Чтоб умирающий стал жив!

И будет радостна вам снова
Вся эта грустная земля...
Жалейте каждого больного,
Ему сочувственно внемля.

С добрым утром

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,

Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки.
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

* * *

Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек лёгкая стая
С замираньем летит на звезду...

Черёмуха

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила...

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черёмуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремучею
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

* * *

Сыплет черёмуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной...

Сыпь ты, черёмуха, снегом.
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

Ночь

Тихо дремлет река.
Тёмный бор не шумит.
Соловей не поёт,
И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеёк лишь журчит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошённых степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе всё спит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем недолго
Ждать зимы седой осталось...

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

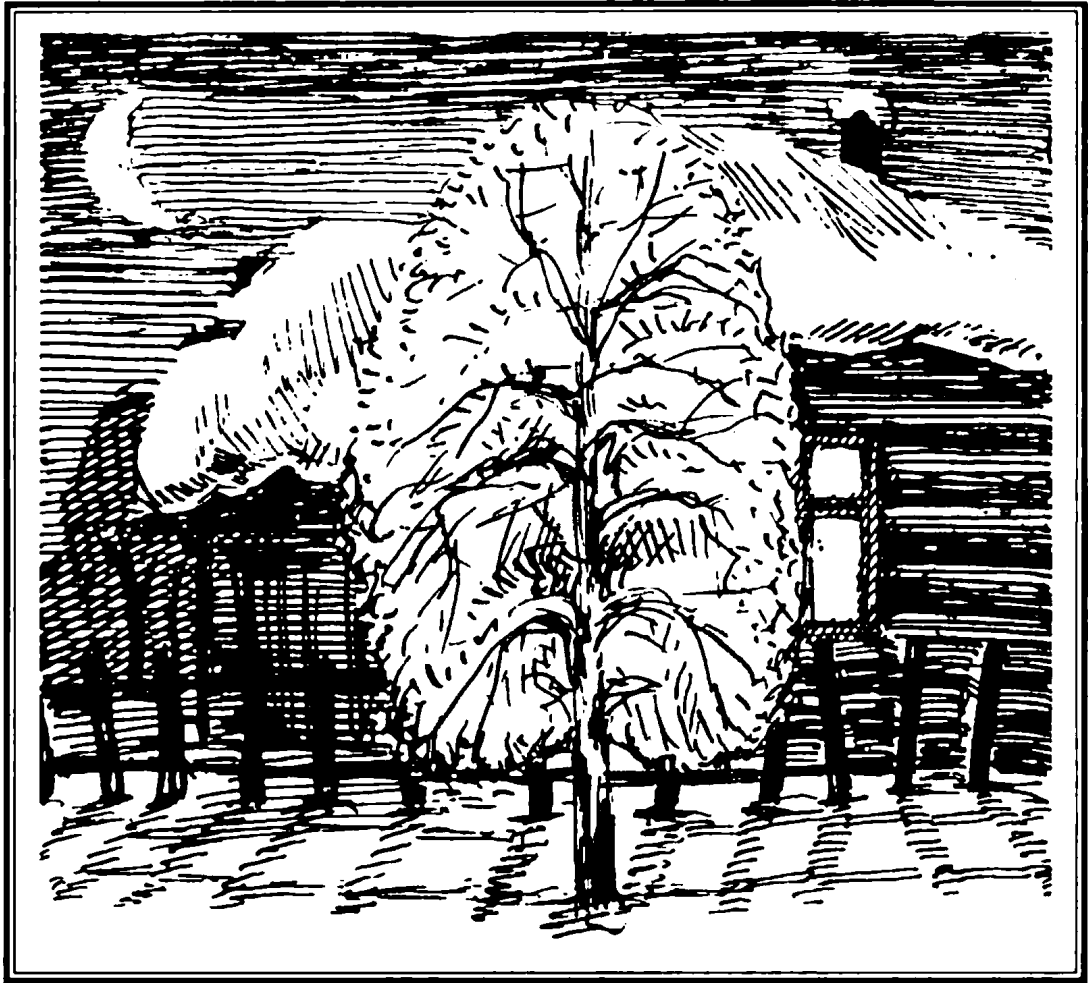
Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль,
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Берёза

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

* * *

Поёт зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
 Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
 Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
 Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
 Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
 И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
 И злится всё сильнеей.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
 У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
 Красавица весна.

Часть II

Рассказы о природе

От составителя

Для того чтобы дети полюбили природу, надо, по словам В.Г. Белинского, одушевить для них мир и всю природу, заставить говорить языком любви и жизни и немой камень, и полевую былинку, и журчащий ручей, и тихо веющий ветер, и порхающую по цветам бабочку...

Природа всегда привлекает нас и дает много радостных переживаний.

Впечатления от родной природы, полученные в детстве, запоминаются на всю жизнь, ибо заложенное в детстве всегда прочно и устойчиво. Именно эти впечатления учат не только любоваться красивыми пейзажами, но и наблюдать природу, понимать происходящие в ней явления, влияют на отношение к родному краю, к своей родине.

Художественное описание природы, соединенное с живым ее восприятием, поможет созданию ярких образов и, несомненно, сможет обогатить словарный запас детей, воспитать внимание и интерес к родной природе, любовь к ней. «А любить природу — это значит любить и родину», — говорил М. Пришвин.

Любить природу — это значит хорошо понимать взаимозависимость всего живого на земле, высоко чтить законы природы, ведь жизнь природы тесно переплетается с жизнью людей и зависит от нее.

Вспоминаются и слова К. Ушинского, считавшего природу, ее душистые овраги и колыхающие

поля, розовую весну и золотистую осень нашими самыми лучшими воспитателями. А великий русский композитор П.И. Чайковский утверждал, что восторги от созерцания природы выше, чем от искусства. Природа — это великий художник. Перламутр раковин и переливы крыльев бабочек, нежные лепестки цветков и алые зори на небе, радужные переливы птичьих перьев — как много красок у природы! «Какое счастье быть с природой!» — восклицал Л.Н. Толстой.

«Некоторые не любят описаний природы, — писал К. Паустовский, — и часто пропускают их в книгах. Но ведь в каждой травинке, в каждом цветке и листочке, в каждой поющей птице, в облаках, ветрах, в глубине прозрачных рек — всюду скрыты интереснейшие вещи».

«Человек стал человеком только тогда, — утверждал великий педагог В.А. Сухомлинский, — когда увидел красоту вечерней зари и облачков, плывущих в голубом небе, услышал пение соловья и пережил восхищение красотой пространства. С тех пор мысль и красота идут рядом, вознося и возвеличивая человека, хоть это облагораживание и требует больших воспитательных усилий. А потребность в красивом утверждает моральную красоту, рождая непримиримость и нетерпимость ко всему пошлому, уродливому... Зло и подлинная красота несовместимы».

Итак, открываем маленькое окно в большой, волшебный мир природы, чудесный мир классики...

ЗАЙЦЕВСКИЙ
Ефим Петрович
(1801-1860)

Книга природы

Природа — книга пребогшая:
Начертаны творца рукой
В ней мирозданья вечный строй
И тайна истин роковая.
В страницах дивных заключен
Высокой мудрости закон.
Познаний жаждою сгорая
Загадку жизни разгадать,
С правами разума дерзая
Надменной мыслью все обнять, —
Мы в книге сей спешим читать.
Ее читаем мы, вникая
В смысл сокровений творца,
И, неба тайн не постигая, —
Закроем, не узнав конца.

ВЕСНА! ВЕСНА! И ВСЁ ЕЙ РАДО!

ГОГОЛЬ
Николай Васильевич
(1809-1852)

Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубели пролески, и по свежему изумруду первой зелени желтел одуванчик... Рои мо-

шек и кучи насекомых показались на болотах; за ними вдогон бегал уже водяной паук; а за ним и всякая птица в сухие тростники собралась отовсюду. И все собиралось поближе смотреть друг друга. Вдруг населилась земля, проснулись леса, луга. В деревне пошли хороводы. Гулянью был простор. Что яркости в зелени! Что свежести в воздухе! Что птичьего крику в садах!..

ГУМИЛЕВ
Николай Степанович
(1886-1921)

Детство

Я ребенком любил большие,
Медом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.
Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»
Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру.
Сердце билось еще блаженней,
И я верил, что я умру.
Не один — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.
Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

ПРОКОФЬЕВ
Александр Андреевич
(1900-1971)

Я поднял дерево

Я поднял дерево —
Оно росло не стоя,
Лесок его, как в битве, потерял.
Оно не говорило со звездой,
И соловей его не удивлял.
Оно, скажу, ползло в лесу заветном,
Что кронами встречает синеву,
Оно ползло,
Униженное ветром
И брошенное намертво в траву!
О нем уже не помнила округа,
Ликуя, вешней свежестью дыша...
Я поднял это дерево,
Как друга.
О, как заговорила в нем душа!

ПАУСТОВСКИЙ
Константин Георгиевич
(1892-1968)

Моя Россия

С этого лета я навсегда и всем сердцем привязался к Средней России. Я не знаю страны, обладающей такой огромной лирической силой и такой трогательно живописной — со всей своей грустью, спокойствием и простором, — как сред-

няя полоса России. Величину этой любви трудно измерить. Каждый знает это по себе. Любишь каждую травинку, поникшую от росы или согретую солнцем, каждую кружку воды из летнего колодца, каждое деревце над озером, трепещущее в безветрии листьями, каждый крик петуха, каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу.

И если мне иногда хочется жить до ста двадцати лет, как предсказывал дед Нечипор, то только потому, что мало одной жизни, чтобы испытать до конца все очарование и всю исцеляющую силу нашей среднеуральской природы.

ТОЛСТОЙ
Алексей Николаевич
(1882-1945)

Весна

На солнце нельзя было теперь взглянуть, — лохматыми ослепительными потоками оно лилось с вышины. По синему-синему небу плыли облака, словно кучи снега. Весенние ветерки пахнули свежей травой и птичьими гнездами.

Перед домом лопнули большие почки на душистых тополях, на припеке стонали куры. В саду, из разогретой земли, протыкая зелеными кочетками догнивающие листья, лезла трава, весь луг подернулся белыми и желтыми звездочками. С каждым днем прибывало птиц в саду. Забегали между стволами черные дрозды — ловкачи ходить пешком. В липах завелась иволга, большая птица,

зеленая, с желтой, как золото, подпушкой на крыльях, — суется, свистела медовым голосом.

Как солнцу вставать, на всех крышах и скворечниках просыпались, заливались разными голосами скворцы, хрипели, насвистывали то соловьем, то жаворонком, то какими-то африканскими птицами, которых они наслушались за зиму за морем, — пересмешничали, фальшивили ужасно. Сереньким платочком сквозь прозрачные березы пролетел дятел, садясь на ствол, оборачивался, дыбом поднимал красный хохолок.

И вот в воскресенье, в солнечное утро, в еще не просохших от росы деревьях, у пруда закуковала кукушка: печальным, одиноким, нежным голосом благословила всех, кто жил в саду, начиная от червяков:

— Живите, любите, будьте счастливы, ку-ку. А я уж одна проживу ни при чем, ку-ку...

Весь сад слушал молча кукушку. Божьи коровки, птицы, всегда всем удивленные лягушки, сидевшие на животе, кто на дорожке, кто на ступеньках балкона, — все загадали судьбу. Кукушка куковала, и еще веселее засвистал весь сад, зашумел листьями... Медовым голосом, точно в дудку с водой, свистит иволга. Окно было раскрыто, в комнате пахло травой и свежестью, свет солнца затенен мокрой листвой. Налетел ветерок, и на подоконник упали капли росы... До того было хорошо, проснувшись, слушать свист иволги, глядеть в окно на мокрые листья.

УШИНСКИЙ
Константин Дмитриевич
(1824-1870)

Летом в лесу

Хорошо в лесу в жаркий полдень. Чего тут только не увидишь! Высокие сосны развесили иглистые вершины. Елочки выгибают колючие ветки. Красуется кудрявая березка с душистыми листочками. Дрожит серая осина. Коренастый дуб раскинул вырезные листья. Из травы глядит глазок земляники. Рядом краснеет душистая ягодка.

Сережки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Крепким носом стучит по стволу дятел. Кричит иволга. Мелькнула пушистым хвостом цепкая белка. Далеко в чаще раздается треск. Уж не медведь ли это?

ТУРГЕНЕВ
Иван Сергеевич
(1818-1883)

Лес и степь

... Далее, далее!.. Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид! Круглые, низкие холмы, распаханые и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от деревни бегут узкие дорожки... но далее, далее едете вы.

Холмы все мельче и мельче, деревья почти не видать. Вот она, наконец, — безграничная, необозримая степь!..

А в зимний день ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверкания мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!.. А первые весенние дни, когда кругом все блестит и обрушается, сквозь тяжелый пар талого снега уже пахнет согретой землей, на проталинах, под косым лучом солнца, доверчиво поют жаворонки, и, с веселым шумом и ревом из оврага в овраг клубятся потоки...

Лес

А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков. Весело пробираться по узкой дорожке между двумя стенами высокой ржи. Колосья тихо бьют вас по лицу, васильки цепля-

ются за ноги, перепела кричат кругом, лошадь бежит ленивой рысью. Вот и лес. Тень и тишина. Статные осины высоко лепечут над вами; длинные, висячие ветки берез едва шевелятся; могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы. Вы едете по зеленой, испещренной тенями дорожке; большие желтые мухи неподвижно висят в золотистом воздухе и вдруг отлетают; мошки вьются столбом, светлея в тени, темнея на солнце; птицы мирно поют. Золотой голос малиновки звучит невинной, болтливой радостью: он идет к запаху ландышей. Далее, далее, глубже в лес... Лес гложет... Незыблемая тишина западает в душу; да и кругом так дремотно и тихо. Но вот ветер набежал, и зашумели верхушки, словно падающие волны. Сквозь прошлогоднюю бурю листву кое-где растут высокие травы; грибы стоят отдельно под своими шляпками. Беляк вдруг выскочит, собака с звонким лаем помчится вслед.

ТОЛСТОЙ
Лев Николаевич
(1828-1910)

Пришла весна

Пришла весна. По мокрым улицам журчали торопливые ручьи. Все стало ярче, чем зимой: и дома, и заборы, и одежда людей, и небо, и солнышко. От солнца майского жмуришь глаза, так оно ярко. И по-особому оно ласково греет, точно гладит всех.

В садах пухнули почки деревьев. Ветви деревьев покачивались от свежего ветра и чуть слышно шептали свою весеннюю песню.

Шоколадные чешуйки лопаются, как будто выстреливают, и показываются зеленые хвостики. И лес, и сад по-особому пахнут — зеленью, оттаявшей землей, чем-то свежим. Это почки с разных деревьев разными запахами перекликаются. Понюхаешь черемуховую почку — горьковато-вкусный запах напоминает тебе белые кисточки ее цветов. А у березы свой особый аромат, нежный и легкий.

Запахи наполняют весь лес. В весеннем лесу дышится легко и свободно. И уже зазвенела короткая, но такая нежная и радостная песня малиновки. Если прислушаться к ней, то можно разобрать знакомые слова: «Славься, славься все кругом!» Свистит, переливается на все лады молодой, зеленеющий лес.

Радостно, молодо и на небе, и на земле, и в сердце человека.

Весна

Весна долго не открывалась. Последние недели стояла ясная морозная погода. Днем на солнце таял снег. Вдруг потянуло теплым ветром. Надвинулся густой серый туман. В тумане полились воды. Затрещали льдины. Двинулись мутные потоки. К вечеру туман ушел. Небо прояснилось. Утром яркое солнце быстро съело тонкий лед. Теплый весенний воздух задрожал от испарений земли. Залились жаворонки над бархатом зелени и жнивья-

ем. Высоко пролетели с весенним гоготаньем журавли и гуси. Заревели на выгонах коровы. Пришла настоящая весна.

Воробей на часах

В саду на дорожке прыгали молодые воробушки.

А старый воробей уселся высоко на ветке дерева и зорко глядит, не покажется ли где хищная птица.

Летит по задворкам ястреб-разбойник. Он лютой враг мелкой пташки. Летит ястреб тихо, без шума.

Но старый воробей заметил злодея и следит за ним.

Ястреб ближе и ближе.

Зачирикал громко и тревожно воробей, и все воробьята разом скрылись в кусты.

Все смолкло.

Только воробей-часовой сидит на ветке. Не шевелится, глаз с ястреба не спускает.

Заметил ястреб старого воробья, взмахнул крыльями, расправил когти и стрелой спустился вниз.

А воробей камнем упал в кусты.

Ястреб ни с чем и остался.

Озирается он вокруг. Зло взяло хищника. Огнем горят его желтые глаза.

Встрепенулся разбойник и полетел дальше. Опять уселся воробей на той же ветке. Сидит и весело чирикает.

С шумом высыпали из кустов воробьята, прыгают по дорожке.

КУПРИН
Александр Иванович
(1870-1938)

Степь весною

Раннее весеннее утро — прохладное и росистое. В небе ни облачка. Только на востоке, там, откуда сейчас выплывает в огненном зареве солнце, еще толпятся, бледнея и тая с каждой минутой, сизые, предрассветные тучи. Весь безбрежный степной простор кажется осыпанным тонкой золотой пылью. В густой буйной траве там и сям дрожат, переливаясь и вспыхивая разноцветными огнями, бриллианты крупной росы. Степь весело пестреет цветами: ярко желтеет дрок, скромно синеют колокольчики, белеет целыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горит пунцовыми пятнами. В утренней прохладе разлит горький здоровый запах полыни, смешанный с нежным, похожим на миндаль, ароматом повилики. Все блещет и нежится и радостно тянется к солнцу. Только кое-где в глубоких и узких балках, между крутыми обрывами, поросшими редким кустарником, еще лежат, напоминая об ушедшей ночи, влажные синеватые тени.

Высоко в воздухе, не видные глазу, трепещут и звенят жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню.

Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами.

Скворцы (Отрывок)

... Мы с нетерпением ждали, когда к нам в сад опять прилетят старые знакомые — скворцы, эти милые, веселые, общительные птицы, первые перелетные гости, радостные вестники весны.

Итак, мы дождались скворцов. Подправили старые скворечники, покривившиеся от зимних ветров, подвесили новые.

... Воробьи вообразили, будто эта любезность делается для них, и тотчас же, при первом тепле, заняли скворечники.

Наконец девятнадцатого, вечером (было еще светло), кто-то закричал: «Смотрите — скворцы!»

И правда, они сидели высоко на ветках тополей и, после воробьев, казались непривычно большими и чересчур черными...

Два дня скворцы точно набирались сил и все навещали и осматривали прошлогодние знакомые места. А потом началось выселение воробьев. Особенно бурных столкновений между скворцами и воробьями я при этом не замечал. Обыкновенно скворцы по два сидят высоко над скворечниками и, по-видимому, беспечно о чем-то болтают между собой, а сами одним глазом, искоса, пристально поглядывают вниз. Воробью жутко и трудно. Нет-нет — высунет свой острый хитрый нос из круглой дырочки — и назад. Наконец, голод, легкомыслие, а может быть, робость дают себя знать. «Слетаю, — думает, — на минутку и сейчас же назад. Авось перехитрю. Авось не заметят». И только успеет отлететь на сажень, как скворец камнем вниз и уже у себя дома.

И уже теперь пришел конец воробьиному временному хозяйству. Скворцы стерегут гнездо по-

очередно: один сидит — другой летает по делам. Воробьям никогда до такой уловки не додуматься.

... И вот, с огорчения, начинаются между воробьями великие побоища, во время которых летят в воздух пух и перья. А скворцы сидят высоко на деревьях да еще подзадоривают: «Эй, ты, черно-головый! Тебе вон того, желтогрудого, во веки веков не осилить». — «Как? Мне? Да я его сейчас!» — «А ну-ка, ну-ка...»

И пойдет свалка. Впрочем, весной все звери и птицы... дерутся гораздо больше...

Песня скворца

Чуть немного согрелся воздух, а скворцы уже расселись на высоких ветках и начали свой концерт. Я не знаю, право, есть ли у скворца свои собственные мотивы, но вы наслушаетесь в его песне чего угодно чужого. Тут и кусочки соловьиных трелей, и резкое мяуканье иволги, и сладкий голосок малиновки, и музыкальное лепетанье пичоки, и тонкий свист синички, и среди этих мелодий вдруг раздаются такие голоса, что, сидя в одиночестве, не удержишься и рассмеешься: закудахчет на дереве курица, зашипит нож точильщика, заскрипит дверь, загнусит детская военная труба. И, сделав это неожиданное музыкальное отступление, скворец как ни в чем не бывало, без передышки, продолжает свою веселую, милую юмористическую песенку.

Детские годы Багрова-внука (Отрывок)

... В середине великого поста наступила сильная оттепель. Снег быстро начал таять, и везде показалась вода. Приближение весны в деревне произвело на меня необыкновенное, раздражающее впечатление. Я чувствовал никогда не испытанное мною, особого рода волнение... и следил за каждым шагом весны. Шире, длиннее становились грязные проталины, полнее наливалось озеро в роще, и, проходя сквозь забор, уже показывалась вода между капустных гряд в нашем огороде. Все замечалось мною точно и внимательно, и каждый шаг весны торжествовался как победа!

Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнезда в Грачевой роще. Скворцы и жаворонки тоже прилетели; и вот стала появляться настоящая птица, дичь, по выражению охотников.

Сколько волнений, сколько шумной радости!

Вода сильно прибыла. Река выступила из берегов, слилась с озером Грачевой рощи. Все берега были усыпаны всякого рода дичью; множество уток плавало по воде между верхушками затопленных кустов, а между тем беспрестанно проносились большие и малые стаи разной прилетной птицы: одни летели высоко, не останавливаясь, а другие низко, часто опускаясь на землю; одни стаи садились, другие поднимались, третьи перелетывали с места на место; крик, писк, свист наполняли воздух. Не зная, какая это летит или ходит птица, какое ее достоинство, какая из них пищит или свистит, я был поражен, обезумлен таким зрелищем. Я слушал, смотрел и тогда ничего не понимал, что вокруг меня происходит, только сердце

то замирало, то стучало, как молоток; но зато после все представлялось, даже теперь представляется мне ясно и отчетливо, доставляло и доставляет неизъяснимое наслаждение!..

Мало-помалу привык я к наступившей весне и к ее разнообразным явлениям, всегда новым, потрясающим и восхитительным; говорю привык, в том смысле, что уже не приходил в исступление...

ЧЕХОВ
Антон Павлович
(1860-1904)

Уже совсем весна

На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень.

В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода... Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде, кружатся и цепляются за грязную пену. Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки в море, из моря в океан...

ПАУСТОВСКИЙ
Константин Георгиевич
(1892-1968)

Словарь родной природы

Очень богат русский язык словами, относящимися к временам года и к природным явлениям, с ними связанным.

Возьмем хотя бы раннюю весну. У нее, у этой еще зябнувшей от последних заморозков девочки-весны, есть в котомке много хороших слов.

Начинаются оттепели, ростепели, капли с крыш. Снег делается зернистым, ноздреватым, оседает и чернеет. Его съедают туманы. Постепенно развозит дороги, наступает распутица, бездорожье. На реках появляются во льду первые промоины с черной водой, а на буграх — проталины и проплешины. По краю слежавшегося снега уже желтеет мать-и-мачеха.

Потом на реках происходит первая подвижка льда (именно подвижка, а не движение), когда лед начинает косо накладываться и смещаться и

из лунок, продухов и прорубей выступает наружу вода.

Ледоход начинается почему-то чаще всего по темным ночам, после того, как «пойдут овраги» и полая, талая вода, звеня последними льдинками — «черепками», сольется с лугов и полей.

СОКОЛОВ-МИКИТОВ
Иван Сергеевич
(1892-1975)

Весна

Торжественно-тихо в лесу. Недвижно возносятся в небо деревья. Лиловые тени лежат на сугробах. По светло-голубому, уже весеннему небу плывут и плывут легкие облака. Под темными елями ноздреватый снег.

Мартовский воздух прозрачен и чист. Чуть пахнет смолою, багульником, сосновой хвоей. Вот, прогретая лучами мартовского солнца, сама собою свалилась с макушки дерева, рассыпалась снежной пылью тяжелая белая шапка. И долго колыхнется зеленая ветка, освобожденная от зимних оков. Стайка клестов-еловиков широким красно-брусничным ожерельем рассыпалась по увешанным шишками вершинам елей. Лишь немногие знают, что эти веселые общительные птички всю зиму проводят в хвойных лесах. В самую лютую стужу они искусно устраивают в густых сучьях теплые гнезда, выводят и выкармливают птенцов. Опершись на лыжные палки, долго любишься, как шустрые птички своими кривыми клю-

вами теребят шишки, выбирая из них семена, как, кружась в воздухе, тихо сыплются на снег шелушинки.

Освещенные лучами солнца, высятся бронзовые стволы сосен, в самое небо вознося свои раскидистые вершины. В тончайшее кружево сплелись зеленоватые ветки голых осин. Жесткие вечнозеленые ветки багульника показали из распавшегося сугроба у пригретого мартовским солнцем пня.

Празднично, чисто в освещенном весенним солнцем лесу. Яркие пятна света лежат на ветках, на стволах деревьев, на слежавшихся плотных сугробах. Нежданно-негаданно, почти из-под самых ног, в алмазной снежной пыли начинают вырываться из лунок тетерева. Все утро кормились они на развесистых усыпанных почками березах, а потом, падая с берез, зарылись в снег, в глубокие

лунки. Один за другим вылетают краснобровые косачи, желтовато-серые самки-тетерки. Остановишься, любуясь дивным зрелищем. В ясные дни по утрам уже можно услышать первое весеннее бормотание токующих косачей. В морозном воздухе далеко слышны их глухие голоса. Но еще нескоро начнется настоящий весенний ток. Это лишь пробуют силы, точат оружие закованные в черные латы краснобровые бойцы.

На глухих сосновых болотах готовятся к весеннему току глухари-мошники. В глубоком снегу в осиновых и сосновых зарослях держатся лоси. Трудно увидеть чуткого лося, но нередко бывает и так: спасаясь от злых браконьеров, лоси выходят к людным дорогам, на окраины селений и городов.

Сказочным кажется ночной лес. Иные, ночные, слышатся звуки и голоса. Вот гугукнула, пролетая, сова, далеко-далеко отозвались ей другие невидимки-совы. Пискнув тихонько, лесная мышь пробежала по снегу, скрылась под пнем в сугробе. Опушкой леса пробежала осторожная лисица. В светлые лунные ночи выходят на поля жировать русаки. Еще спят в своих теплых норах, в берлогах барсуки и медведи. Но в ясные мартовские дни все чаще просыпается медведь. Подрастают в берлогах родившиеся зимою медвежата.

Скоро, скоро начнется настоящая, бурная весна. Оживший лес наполнится голосами. Зазвенят под снегом студеные ручейки, надуются, распушатся душистые почки.

А где-то на далеком юге уже цветут сады, давно начался сев. Многотысячная армия пролетных птиц готовится в дорогу. Из далекой Африки, с южных берегов Каспия отправляются птицы в да-

лекий путь. Первыми прилетают близкие гости — грачи. Важные, черные, ходят они по дорогам. Шумно вьют на высоких деревьях свои лохматые гнезда, наполняя гамом окрестности. За грачами скоро прилетят скворцы, покажутся на весенних проталинах первые жаворонки.

Здравствуй, весна!

Потемнели дороги. Посинел на реке лед. Грачи поправляют гнезда. Звенят ручьи. Надулись на деревьях пахучие почки. Увидали ребята первых скворцов.

Стройные косяки гусей потянулись с юга. Высоко в небе показался караван журавлей.

Ива распустила мягкие пуховки. Побежали по тропинкам хлопотливые муравьи.

Выбежал на опушку заяц-беляк. Сидит на пеньке, глядит вокруг. Вышел большой лось с бородкой и рогами. Радостное чувство наполняет душу.

Звуки весны

Тот, кто ночевал много раз у костра в лесу, никогда не забудет охотничьи весенние ночлеги. Чудесно наступает предутренний час в лесу. Кажется, невидимый дирижер поднял волшебную палочку и по его знаку начинается прекрасная симфония утра. Подчиняясь палочке невидимого дирижера, одна за другою гаснут над лесом звезды. Нарастая и замирая в макушках деревьев, над

головами охотников проносится предрассветный ветер. Как бы включаясь в музыку утра, слышится пение первой проснувшейся птички — зорьки.

Тихий, знакомый слышится звук: «Хорррр, хорррр, цвиу! Хорррр, хорррр, цвиу!» — это тянет над утренним лесом вальдшнеп — лесной длинноклювый кулик. Из тысячи лесных звуков чуткое ухо охотника уже ловит необычную, ни на что не похожую песню глухаря.

В самый торжественный час появления солнца звуки лесной музыки особенно нарастают. Приветствуя восходящее солнце, в серебряные трубы трубят журавли, на бесчисленных свирелях повсюду заливаются неутомимые музыканты — дрозды, с голых лесных полян поднимаются в небо и поют жаворонки.

Жаворонок

Из множества звуков земли: пения птиц, трепетания листвы на деревьях, треска кузнечиков, журчания лесного ручья — самый веселый и радостный звук — песня полевых и луговых жаворонков. Еще ранней весной, когда на полях лежит рыхлый снег, но уже кое-где на пригреве образовались темные проталины, прилетают и начинают петь наши ранние весенние гости. Столбом поднимаясь в небо, трепеща крылышками, насквозь пронизанными солнечным светом, выше и выше взлетает в небо жаворонок, исчезает в сияющей голубизне. Удивительно красива, звонка песня жаворонка, приветствующего приход весны. На дыхание пробудившейся земли похожа эта радостная песня.

Многие великие композиторы в своих музыкальных произведениях старались изобразить эту радостную песнь...

Многое можно услышать в пробуждающемся весеннем лесу. Тонко пищат рябчики, гугукают по ночам невидимые совы. На непроходимом болоте водят весенние хороводы прилетевшие журавли. Над желтыми золотистыми пуховиками цветущей ивы жужжат пчелы. А в кустах на берегу реки защелкал, звонко запел первый соловей.

ГРИГОРОВИЧ
Дмитрий Васильевич
(1822-1899)

Прекрасное время

Апрель идет к концу. Весна была ранняя. Снег сошел с полей. Зеленеют озими. Как хорошо в поле! Воздух наполнен песнями жаворонка. В ветках и стебельках движется свежий сок. Солнце греет чащу и поля. В лесу и овраге тают остатки снега. Жужжат жуки. Река вступила в свои берега. Прекрасное это время — весна!

АСТАФЬЕВ
Виктор Петрович
(р. 1924)

Темнели осинники в глуби, густою тучей становился лес, и над белоствольем берез бесшумно смыкались только что рыжевшие, но уже очерняющиеся кроны. Небо еще было светло, однако догорало с закатного края. Птицы гомонили все реже, отряхиваясь перед сном на ветках. Трещали сварливо дрозды, и через кулижку, отмеченную по середине черным, прошлогодним снегом, редко пролетали вальдшнепы, роняющие призывный клич и качающие в лад своему кожаному скрипу клювом.

... Вечере, уже опеленавшем лес, в остывающем небе, в ушастых ветреницах-цветках, смеживших белые ресницы на ночь, в растопырившихся хохлатках, в иглистых травниках, в муравейнике, приваленном ко пню, в мышинном шорохе под стогом, в каждой осинке, березке, елке — во всем, во всем таилась близкая мне радость пробуждения, хотя вроде бы все вокруг собиралось на покой.

Мне это казалось как бы детской игрою. Природа смежала лишь один глаз на ночь, притворялась спящею — ведь солнце-то закатилось, и вечер наступил, и покою полагалось быть, и сну, и отдыху.

Земля вздыхала, сыро туманилась далями, но все это делала с лукавинкой, как бы играя в сон и послушание.

Чу! Бормочет в логу, укрытый темными черемухами, снеговой ручей; заваачил в осинниках заяц,

утративший в страсти свой страх и осторожность; и ворон, молчаливый ворон, завозился в пихтах и такое мурлыканье, такой говор повел, что уж вроде бы и нет во всем лесу добрей и влюбленной его ни одной живой души. Где-то пликает куличок-мужичок, развеселый кавалеришка; где-то клювом деранул по сухому стволу черный дятел очередью. Деранул и сам заслушался — какая музыка! А далеко-далеко, в тихих и пустынных полях, залитых лужами, расплакались чибисы и пробудили стон в груди одинокого журавля, что третий день ходит долговязо по полю и зовет, зовет кого-то больным голосом...

Нет сна, есть видимость его. Покоя тоже нет, и не будет его до первого листа. Все живет, радуется и озорует в бездомовье лесном, наслаждаясь вольностью, разбродом, предчувствием любви.

Земля-мать и вся природа мудро, со снисходительной усмешкою наблюдает за детьми своими — скоро, совсем скоро всему этому конец: будут виться гнезда, рыться норы, отыскиваться дупла в деревьях, будут драки на токах, только перья полетят, будут страсти бушевать. Братство лесное, безалаберное и бесшабашное перекипит, отбушует, разделится на семьи и закрепится заботой о детях и доме. В мир вступит деловитость и долгие хлопоты, уважительный труд восторжествует в лесу...

А пока отошальный, но нарядный лесной люд, пробавляющийся больше песнями, а не пищей божьей, ждет нетерпеливо первого солнечного луча, бредя неотвратимо надвигающейся любовью. В жилах всего живого, в сердцевинах ли деревьев, в сердцах ли птиц и зверьков текут, колотятся, бродят соки и кровь весны.

АБРАМОВ
Федор Андреевич
(1920-1983)

На мартовском солнышке

В затишье, на укромных лесных полянах, солнышко припекает, как летом. Подставишь ему одну щеку, хочется подставить и другую — приятно.

Греется на солнышке и ель рогатая, густо, от маковки до подола, обвешанная старыми шишками, греются березки-ластовицы, греется лесная детвора — верба.

Дождались

Вот и опять весна. Не успел отыграть закат, как начал румяниться восток. По Пинеге густо, россыпью идет лес. Лобастые бревна, как большие рыбины, с глухим стуком долбят заново поставленный бон. Бон поскрипывает, вода хлюпает в каменистом горле перемычки:

«Эхэ-хэ-хэ-хэй!» Зычное эхо прокатилось по ночной Пинеге, выскочило на тот берег, аукая, по верхушкам сосняка.

По-летнему заиграло эхо. Снова дождались светлых дней!

* * *

И день не день, и ночь не ночь...

Таинственно, прозрачно небо над безмолвной землей. Дремлют в окружении леса — темные, не-

подвижные. Не потухающая ни на минуту заря золотит их остроконечные пики на востоке.

Сон и явь путаются в глазах. Бредешь по селенью — и дома, и деревья будто зыбятся слепя, да и сам вдруг перестал ощущать тяжесть собственного тела, и тебе уже кажется, что ты не идешь, а плывешь над притихшей деревней.

Тихо, так тихо, что слышно, как, осыпаясь белым цветом, отдыхает под окном черемуха. От деревянного днища ведра, поднятого над колодецем, отделяется нехотя капля воды — гулким эхом откликается земная глубь. Из приоткрытых хлевов наплывает сладковатый запах молока, горечь солнца излучает избяное дерево, нагретое за день. Заслышав шаги, пошевелится под крышей голубь, воркнув спросонья, и тогда, медленно кружась, полетит на землю легкое перо, оставляя за собой в воздухе тоненькую струйку гнездовьяго тепла.

ПРИШВИН
Михаил Михайлович
(1873-1954)

ВЕСЕННИЕ МИНИАТЮРЫ

Весна воды

Снег еще глубок, но так зернист, что даже заяц проваливается до земли и своим брюхом чешет снег наверху.

После дороги птицы перелетают на поля, на те места, где стало черно.

Все березы на дожде как бы радостно плачут,

сверкая, летят вниз капли, гаснут в снегу, отчего мало-помалу снег становится зернистым.

Последние хрустящие остатки льда на дороге — их называют черепками. И то ледяное ложе, по которому бежал поток, тоже размыло и размокло: под водой на этом желтом ложе заяц, пробегая по ту сторону ночью, оставил следы.

Дорога

Оледенелая, натруженная, набитая копытами лошадей и полозьями саней, занавоженная дорога уходила прямо в чистое море воды и оттуда, в прозрачности, показывалась вместе с весенними облаками, преображенная и прекрасная.

Капля и камень

Лед крепкий под окном, но солнце пригревает, с крыш свесились сосульки — началась весна. «Я!я!я!» — звенит каждая капля, умирая; жизнь ее — доля секунды. «Я!» — боль о бессилии.

Но вот во льду уже ямка, промоина, он тает, его уже нет, а с крыши все еще звенит светлая капель.

Капля, падая на камень, четко выговаривает: «Я!». Камень, большой и крепкий, ему, может быть, еще тысячу лет здесь лежать, а капля живет одно мгновение — боль бессилия. И все же: «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке.

Первые ручьи

Я услышал легкий с голубиным гульканьем взлет птицы и бросился к собаке проверить, правда ли, что это прилетели вальдшнепы. Но Кента спокойно бегала. Я вернулся назад любоваться разливом и опять услышал на ходу тот же самый голубино-гулькающий звук. И еще, и еще. Наконец я догадался не двигаться больше, когда послышится этот звук. И мало-помалу звук стал непрерывным, и я понял, что где-то под снегом так поет самый маленький ручеек. Мне так это понравилось, что я пошел, прислушиваясь к другим ручьям, с удивлением узнавая по голосам их разные существа.

... Весь день дожди и парит. Синица звенит не как раньше — брачным голосом в теплом луче. Теперь под дождем она звенит непрерывно и даже как будто от этого похудела: такая тоненькая на ветке. Ворона не хочет даже подняться на дерево, токует прямо на дороге, кланяется, давится, хрипит, задыхается от желания.

Весна воды началась стремительно. Снег на полях и в лесу стал зернистым, можно ходить, продвигая ноги, как лыжи. Вокруг елей в лесу стоят маленькие спокойные озера. На открытых полянах торопливый дождь не дает на лужах вставать пузырям. Но в озерах под елками капли с сучьев падают тяжелые, и каждая, падая в воду, дает сытый, довольный пузырь. Я люблю эти пузыри, они мне напоминают маленьких детей, похожих одновременно и на отца и на мать.

Живительный дождик

Солнышко на восходе показалось и мягко закрылось, пошел дождь, такой теплый и живительный для растения, как нам любовь.

Да, этот теплый дождь, падающий на смолистые почки оживающих растений, так нежно касается коры, прямо тут же под каплями изменяющей цвет, что чувствуешь: эта теплая небесная вода для растений то же самое, что для нас любовь. И та же самая любовь, как и у нас, та же самая их вода — любовь — внизу обмывала, ласкала корни высокого дерева, и вот оно сейчас от этой любви — воды — рухнуло и стало мостом с одного берега на другой, а небесный дождь — любовь — продолжает падать и на поваленное дерево с обнаженными корнями, и от этой самой любви, от которой оно повалилось, теперь раскрываются почки и пахнут смолистыми ароматами, и будет оно цвести этой весной, как и все, цвести и давать жизнь другим...

Первый цветок

Думал, случайный ветерок шевельнул старым листом, а это вылетела первая бабочка. Думал, в глазах это порябило, а это показался первый цветок.

Вечер освящения почек

Почки раскрываются, шоколадные с зелеными хвостиками, и на каждом зеленом клювике висит прозрачная светлая капля. Возьмешь одну почку,

разотрешь между пальцами и потом долго все пахнет тебе ароматной смолой березы, тополя или особенным воспоминательным запахом черемухи: вспоминаешь, как, бывало, забирался наверх по дереву за ягодками, блестящими, чернолаковыми, и ел их горстями прямо с косточками, и почему-то от этого никогда ничего, кроме хорошего, не бывало.

Вечер теплый, и такая тишина, что ждешь чего-то напряженно: должно же что-нибудь случиться в такой тишине. И все, кажется, пришло: кажется, начинают шептаться между собой деревья: береза белая с другой березой белой издали перекликаются, осинка молодая стала на поляне, как зеленая свеча, находит себе такую же свечу, черемуха черемухе подает ветку с раскрытыми почками. И так, если с нами сравнить, мы звуками перекликаемся, а у них аромат: сейчас каждая порода окружена своим ароматом.

Когда начало темнеть, стали в темноте исчезать почки, но капли на них светились, и даже ничего нельзя было понять в темной тесноте кустарников, капли светились, одни только капли да небо: капли брали у неба свой свет и светили нам в темном лесу.

Мне казалось, будто я весь собрался в одну смолистую почку и хочу раскрыться навстречу единственному неведомому другу, такому прекрасному, что при одном только ожидании его все преграды движению моему рассыпаются ничтожною пылью.

Весна

Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь — так хорошо становится.

А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймешь: это весна.

Светлая капель

Солнце и ветер. Весенний свет. Синица и клесты поют брачным голосом. Корка наста от лыжи, как стекло, со звоном разлетается. Мелкий березник на фоне темного бора в лучах солнца становится розовым. Солнечный луч на зеленой крыше создает нечто вроде горного ледника, из-под которого, как в настоящем леднике, струится вода рекой, и от этого ледник отступает. Все шире и шире темнеет между ледником и краем крыши полоса нагретого железа. Тоненькая струйка с теплой крыши попадает на холодную сосульку, висящую в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, замерзает, и так сосулька сверху растет в толщину. Когда солнце, обогнув крышу, заглянуло на сосульку, мороз исчез и поток из ледника сбежал по сосулке, стал падать золотыми каплями вниз, и это везде на крышах, и до вечера всюду в городе падали вниз золотые интересные капли.

Далеко еще до вечера стало морозить в тени, и хотя еще на крыше ледник все отступал и ручей струился по сосулке, все-таки некоторые капельки на самом конце ее в тени стали примерзать, и чем дальше, тем больше. Сосулька к вечеру стала рас-

ти в длину. А на другой день опять солнце, и опять ледник отступает, и сосулька растет утром в толщину, а вечером в длину: каждый день все толще, все длиннее.

Вода

Никто в природе так не затаивается, как вода, и только перед большой и радостной зарей бывает так на сердце человека: притаишься, соберешься, и как будто сумел, достал себя из той глубины, то есть проток в мир всеобщего родства, зачерпнул там живой воды и вернулся в наш человеческий мир — и тут навстречу тебе лучезарная тишь воды, широкой, цветистой, большой.

Песня воды

Весна воды собирает родственные звуки, бывает, долго не можешь понять, что это: вода булькает, или тетерева бормочут, или лягушки урчат. Все вместе сливаются в одну песню воды, и над ней согласно всему блеет бекас божьим баранчиком, в согласии с водой вальдшнеп хрипит и таинственно ухаёт выпь: все это странное пение птиц из песни весенней воды.

Запоздалая весна

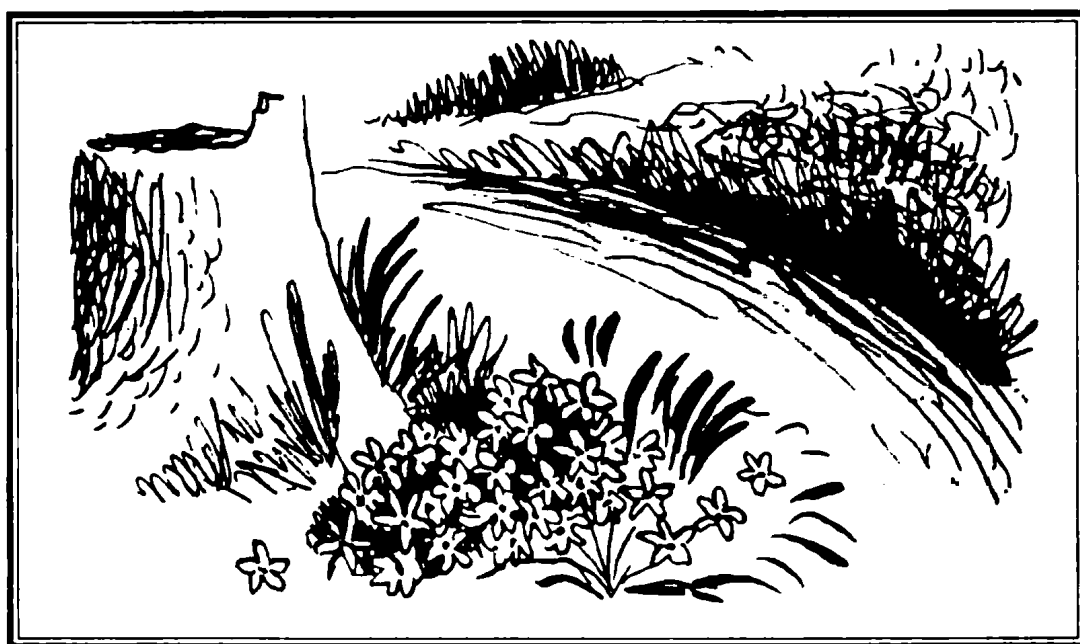
Цветут сначала ландыши, потом шиповник: всему есть свое время цвести. Но бывает, целый месяц пройдет с тех пор, как отцветут ландыши, а

где-нибудь в самой черной лесной глуши цветет себе один и благоухает. И так очень редко, но бывает и с человеком. Бывает, где-то в затишье в тени жизненной незнаемый человек, о нем думают: «отжил», и мимо пройдут. А он вдруг неожиданно выйдет, засветится и зацветет.

Весенняя уборка

Еще несколько дней, какая-нибудь неделя — и весь этот невероятный хлам в лесу природа начнет закрывать цветами, травами, зеленеющими мхами, тонкой молодой порослью. Трогательно смотреть, как природа заботливо убирает два раза в год свой желтый сухой и мертвый костяк: один раз весной она закрывает его от нашего глаза цветами, другой раз — осенью.

Еще цветут орехи и ольха, и их золотые сережки еще и сейчас дымятся от прикосновения птичек, но не в них теперь дело: они живут, но их время

прошло. Сейчас удивляют и господствуют множеством своим и красотой синие цветики звездочкой. Изредка попадает, но тоже удивляет «волчье лыко».

Лед растаял на лесной дороге, остался навоз, и на этот навоз, как будто чуя его, налетело из еловых и сосновых шишек множество семян.

Весенний переворот

Днем на небе были на одной высоте «кошачьи хвосты», на другой — плыл огромный неисчислимый флот кучевых облаков. Мы не могли узнать, что наступает и что проходит: циклон или антициклон.

Вот теперь вечером все и сказалось: именно в этот вечер совершился долгожданный переворот, переход от неодолимой весны к зеленеющей весне.

Случилось это так: мы шли в разведку в диком лесу. Остатки желтых тростников на кочках между елками и березками напоминали нам, какую непроницаемую для солнечных лучей, какую непроходимую глушь представляет собой этот лес летом и осенью. Но глушь эта нам была мила, потому что в лесу теплело и чувствовалась во всем весна. Вдруг блеснула вода... Мы пришли прямо на берег и будто попали сразу же в другую страну с теплым климатом: бурно кипела жизнь, пели все болотные птицы, бекасы дупеля токовали, будто Конек-горбунок скакал в темнеющем воздухе, токовали тетерева, дали сигнал свой трубный почти возле нас журавли; словом, тут было все наше любимое, и даже утки сели против нас на чистую

воду. И ни малейшего звука от человека: ни свистка, ни тутуканья мотора.

В этот час и совершился переворот, и начало все расти и распускаться.

Реки цветов

Там, где тогда мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов.

И мне так хорошо было пройтись по этому лугу, я думал: «Значит, не даром неслись весной мутные потоки».

Цветут березки

Когда старые березки цветут и золотистые сережки скрывают от нас наверху уже раскрытые маленькие листы, внизу на молодых везде видишь ярко-зеленые листики величиной в дождевую каплю, но все-таки весь лес еще серый или шоколадный, — вот тогда встречается черемуха и поражает: до чего же листья ее на сером кажутся большими и яркими. Бутоны черемухи уже готовы. Кукушка поет самым сочным голосом. Соловей учится, настраивается.

Первый рак

Гремел гром, и шел дождь, и сквозь дождь лучило солнце и раскидывалась широкая радуга от края до края. В это время распустилась черемуха,

и кусты дикой смородины над самой водой позеленели. Тогда из какой-то рачьей печуры высунул голову и шевельнул усом своим первый рак.

Недовольная лягушка

Даже вода взволновалась, — вот до чего взыгрались лягушки. Потом они вышли из воды и разбрелись по земле: вечером было, — что ни шаг, то лягушка.

В эту теплую ночь все лягушки тихонечко урчали, и даже те урчали, кто был недоволен судьбой: в такую-то ночь стало хорошо и недовольной лягушке, и она вышла из себя и, как все, заурчала.

Рождение звука

После оттепели — солнечное утро. Снег осел, под елями-соснами как песком посыпано: это вытаивают из разных слоев и слагаются в один слой старые рыжие хвоинки. То же самое и под репейниками: сколько их теребили зимой щеглы и синицы — все теперь в один слой под ними лежит.

В городе вода — в лесу снег: дороги отмечены, рыжие. На опушках под деревьями кружки: тут на припеке сейчас вся весна. С двенадцати до четырех лучи солнца, как пожар, на снегу: из-под снега начинают выпрыгивать веточки и лапки елей. А бывает в лесах при стремительной весне такой жаркий час, когда весь лес шевелится, — глазами видишь, как лес встает.

На склонах по дорогам бегут ручьи. В лесу еще

тишина, и только свет вспышками там и тут. В прогалинах на опушках рождаются первые капли, и от них рождается первый звук.

Жаркий час

В полях тает, а в лесу еще снег лежит нетронутый, плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволы пригнулись к земле, примерзли и ждут с часу на час освобождения.

Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришел жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине, как будто сама собой, шевельнется еловая веточка и закачается. А как раз под елкой, прикрытый ее широкими ветками, спит заяц. В страхе он встает и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться.

Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья ветка шевельнулась и, освобожденная от снега, подпрыгнула. Заяц метнулся, побежал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда бежать?

И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая береза, как махнет рядом ветка елки! И пошло, и пошло: везде прыгают елки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошел.

И мечется обезумевший заяц, и встает всякий зверь, и птица улетает из леса.

* * *

Утро подвигалось все больше к рассвету, лес наполнялся птичьими песнями и криками зверьков. Но бедные птички и зверушки, как мучились они, стараясь выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово.

— Тэк-тэк! — чуть слышно постукивает глухарь.

— Шварк-шварк! — дикий селезень пролетел над речкой.

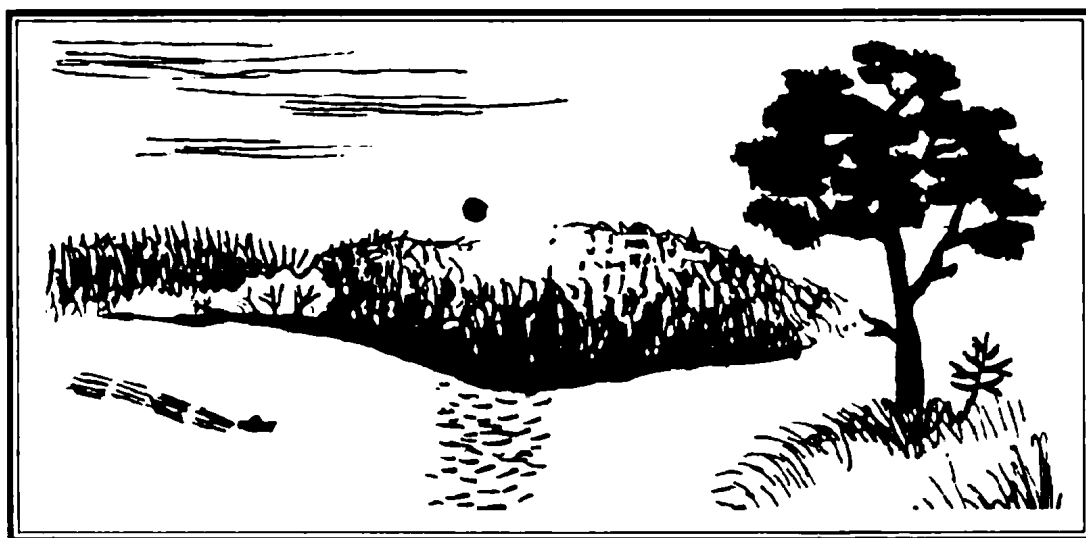
— Кряк-кряк! — красная птичка снегирь на березе. Тетерев там где-то бормочет и чучфыкает...

Мы, охотники, с детства своего слышим эти звуки... Мы радуемся и хорошо понимаем, над каким словом все они трудятся и не могут сказать. Вот почему мы, когда придем в лес на рассвете и услышим, так и скажем им, как людям, это слово:

— Здравствуйте!

И как будто они тогда тоже обрадуются, подхватят чудесное слово, слетевшее с языка человеческого. И закрякают в ответ, и зачучфыкают, и затэтэкают, и зашваркают, стараясь всеми голосами этими ответить нам:

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

«АХ, ЛЕТО КРАСНОЕ...»

УШИНСКИЙ
Константин Дмитриевич
(1824-1870)

На поле летом

Весело на поле, привольно на широком! До синей полосы далекого леса точно бегут по холмам разноцветные нивы. Волнуется золотистая рожь; вдыхает она крепительный воздух. Синее молодой овес; белеет цветущая гречиха с красными стебельками, с бело-розовыми, медовыми цветочками. Подальше от дороги запрятался кудрявый горох, а за ним бледно-зеленая полоска льна с голубоватыми глазками. На другой стороне дороги чернеют поля под струящимся паром.

Жаворонок трепещется над рожью, а острокрылый орел зорко смотрит с вышины: видит он и крикливую перепелку в густой ржи, видит он и полевую мышку, как она спешит в свою нору с зернышком, упавшим из спелого колоса. Повсюду трещат сотни невидимых кузнечиков.

Утренние лучи

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассыпать повсюду свои золотые лучи — будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнездышка, поднялся высоко, высоко и запел свою сереб-

ряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передернул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захолопал крыльями и запел: ку-ка-ре-ку! Куры слетели с насестей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвертый луч попал в улей. Выползла пчелка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и — зум-зум-зум! — полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

ДОСТОЕВСКИЙ
Федор Михайлович
(1821-1881)

Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню. Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой роши. Я весь погружен в мое дело, я занят: я выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда про-

тив березовых. Занимают меня тоже букашки и жучки, я их собираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных, красно-желтых ящериц, с черными пятнышками, но змеек боюсь. Впрочем, змейки попадаются гораздо реже ящериц. Грибов тут мало, за грибами надо идти в березняк, и я собираюсь отправиться. И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев.

ТОЛСТОЙ
Алексей Николаевич
(1882-1945)

Детство Никиты *(Отрывки)*

... Томление и зной усиливались. Замолкли птицы, мухи осоловели на окнах. К вечеру низкое солнце скрылось в раскаленной мгле. Сумерки настали быстро. Было совсем темно — ни одной звезды. Стрелка барометра твердо указывала — «буря»...

И вот в мертвой тишине первыми, глухо и важно, зашумели ветлы на пруду, долетели испуганные крики грачей. Шум становился все крепче, торжественнее, и наконец сильным порывом ветра примяло акации у балкона, пахнуло пахучим духом в дверь, внесло несколько сухих листьев, мигнул огонь в матовом шаре лампы, налетевший ветер засвистал, завыл в трубах и в углах дома.

Где-то бухнуло окно, зазвенели разбитые стекла. Весь сад теперь шумел, скрипели стволы, качались невидимые вершины.

И вот — бело-синим ослепительным светом раскрылась ночь, на мгновение черными очертаниями появились низко наклонившиеся деревья. И снова тьма. И грохнуло, обрушилось все небо. За шумом никто не услышал, как упали и потекли капли дождя на стеклах. Хлынул дождь — сильный, обильный, потоком.

Запах влаги, прели, дождя и травы наполнил залу...

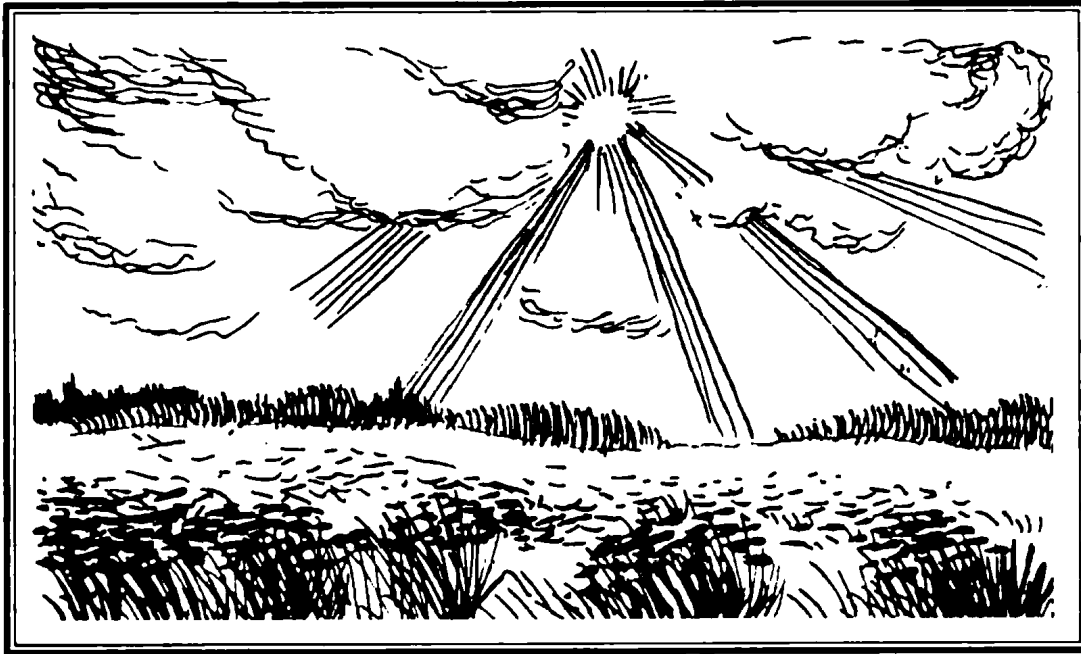
ТУРГЕНЕВ
Иван Сергеевич
(1818-1883)

Бежин луг

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает из-под узкой и длинной тучки, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весе-

ло, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кой-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости.

В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

* * *

Летнее июльское утро: стеной стоит дубовый лес и блестит, алеет на солнце; еще свежо, но уже чувствуется близость жары.

И как этот же самый лес хорош поздней осенью... Ветра нет, и нет ни солнца, ни света, ни тени, ни движения, ни шума; в мягком воздухе разлит осенний запах, подобный запаху вина; тонкий туман стоит вдали... земля упруга под ногами... Спокойно дышит грудь...

* * *

Ранним летним утром отправьтесь в лес, к речке, которая тихо струится меж деревьев.

Позаботьтесь о еде: возьмите с собой хлеба с маслом. Около речки присядьте на мшистый бережок, разденьтесь и бросьтесь в холодную воду.

Не бойтесь простудиться. Обнаружьте силу воли. После купания отыщите открытое местечко и лягте на горячем солнышке. Делайте это ежедневно, и

вы будете здоровы. А летнее, июльское утро!.. Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи. Сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: под самым обрывом таится источник... Вы бросаетесь на землю, вы напилась, но вам лень пошевелинуться. Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо...

Летний вечер

В далекой и бледной глубине неба только что проступали звездочки; на западе еще алело — там и небосклон казался ясней и чище; полукруг луны блестел золотом сквозь черную сетку плакучей березы. Другие деревья либо стояли угрюмыми великанами, с тысячью просветов, наподобие глаз, либо сливались в сплошные мрачные громады. Ни один листок не шевелился; верхние ветки сиреней и акаций как будто прислушивались к чему-то и вытягивались в теплом воздухе. Дом темнел вблизи; пятнами красноватого света рисовались на нем освещенные длинные тени. Кроток и тих был вечер; но сдержанный, страстный вздох чудился в этой тишине.

Гроза в лесу

Но что это? Ветер внезапно налетел и промчался; воздух дрогнул кругом: уж не гром ли? Вы выходите из оврага... что за свинцовая полоса на небосклоне? Зной ли густеет? Туча ли надвигает-

ся? Но вот слабо сверкнула молния... Э, да это гроза! Кругом еще ярко светит солнце: охотиться еще можно. Но туча растет: передний ее край вытягивается рукавом, наклоняется сводом. Травы, кусты, все вдруг потемнело... Скорей! вон, кажется, виднеется сенной сарай... скорее... Вы добежали, вошли...

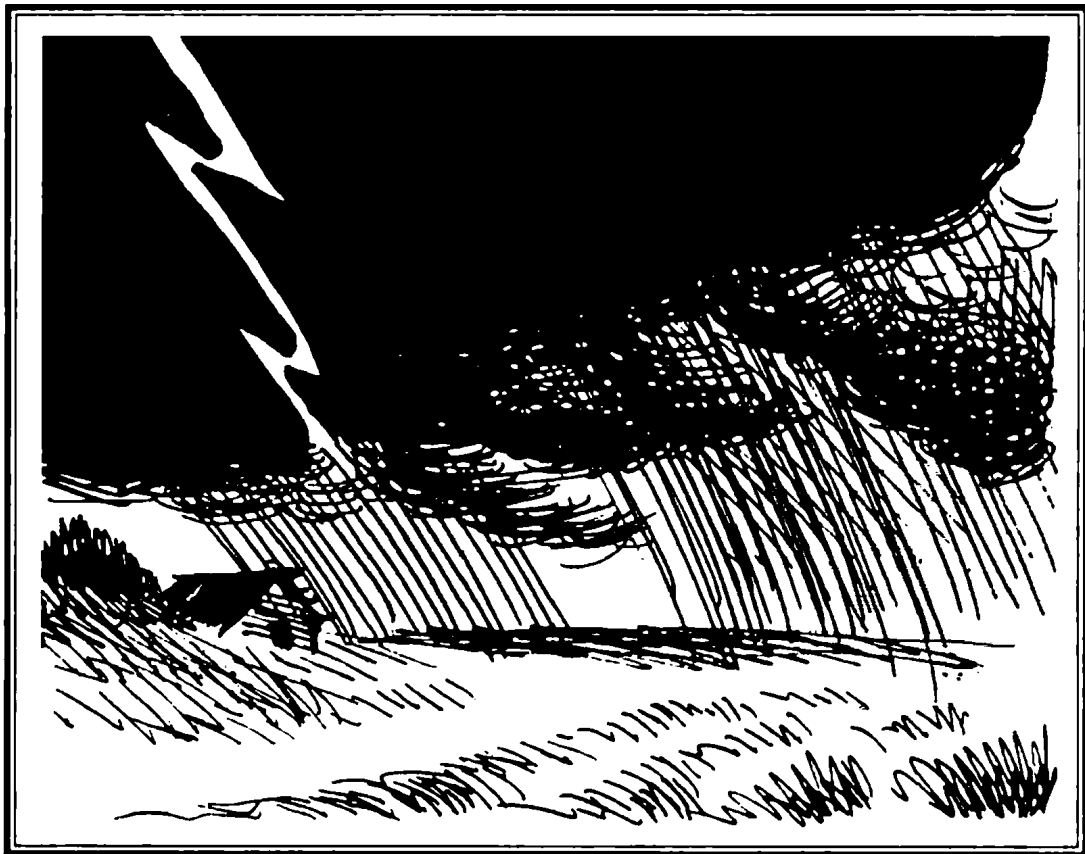
Каков дождик? Каковы молнии? Кое-где сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сено... Но вот солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, как весело сверкает все кругом, как воздух свеж и жидок, как пахнет земляникой и грибами!..

* * *

Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильным, хотя и не ярким светом; везде блестели росинки, кой-где внезапно загорались и рделись крупные капли; все дышало свежестью, жизнью и той невинной торжественностью первых мгновений утра, когда все уже так светло и так еще безмолвно. Только и слышались что рассыпчатые голоса жаворонков над отдаленными полями, да в самой роще две-три птички, торопясь, выводили свои коротенькие коленца и словно прислушивались потом, как это у них вышло. От мокрой земли пахло здоровым, крепким запахом, чистый, легкий воздух переливался прохладными струями.

* * *

Погода была прекрасная, еще прекраснее, чем прежде; но жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака,

изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и легкие, как хлопчатая бумага, медленно, но видимо изменялись с каждым мгновением; они таяли, эти облака, и от них не падало тени. Мы долго бродили с Касьяном по ссечкам. Молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни; круглые губчатые наросты с серыми каймами, те самые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням; земляника пускала по ним свои розовые усики: грибы тут же тесно сидели семьями. Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в глазах от резкого металлического сверкания молодых, красноватых листьев на деревцах; всюду пестрели го-

лубые гроздья «журавлиного гороху», золотые чашечки «куриной слепоты», наполовину лиловые, наполовину желтые цветы иван-да-марьи; кое-где, возле заброшенных дорожек, на которых следы колес обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дров, потемневших от ветра и дождя, сложенные саженьями; слабая тень падала от них косыми четырехугольниками, — другой тени не было нигде. Легкий ветерок то просыпался, то утихал: подует вдруг прямо в лицо и как будто разыграется, — все весело зашумит, закивает и задвигается кругом, грациозно закачаются гибкие концы папоротников, — обрадуешься ему... но вот уж он опять замер, и все опять стихло. Одни кузнечики дружно трещат, словно озлобленные, — и утомителен этот непрерывный, кислый и сухой звук. Он идет к неотступному жару полудня; он словно рожден им, словно вызван им из раскаленной земли.

* * *

А летнее, июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отраднo бродить на заре по кустам? Зеленой чертой ложится след ваших ног по росистой, побелевшей траве. Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и «кашки»; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце; еще свежо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий. Кустарнику нет конца... кое-где вдали желтеет поспевающая рожь, узкими полосками краснеет гречиха. Вот заскрипела телега; шагом пробирается мужик,

ставит заранее лошадь в тень... Вы поздоровались с ним, отошли — звучный лязг косы раздаётся за вами... Солнце все выше и выше. Быстро сохнет трава. Вот уже жарко стало. Проходит час, другой... Небо темнеет по краям; колючим зноем дышит неподвижный воздух. «Где бы, брат, тут напиться?» — спрашиваете вы у косаря. «А вон в овраге колодезь».

Сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: под самым обрывом таится источник; дубовый куст жадно раскинул над водою свои лапчатые сучья; большие серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытого мелким бархатным мохом. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вам лень пошевелинуться. Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо, а против вас кусты раскаляются и словно желтеют на солнце. Но что это? Ветер внезапно налетел и промчался; воздух дрогнул кругом: уж не гром ли? Вы выходите из оврага... что за свинцовая полоса на небосклоне? Зной ли густеет? туча ли надвигает-

ся?.. Но вот слабо сверкнула молния... Э, да это гроза! Кругом еще ярко светит солнце: охотиться еще можно. Но туча растет: передний ее край вытягивается рукавом, наклоняется сводом. Трава, кусты — все вдруг потемнело... Скорей! Вон, кажется, виднеется сенной сарай... скорее! Вы побежали, вошли... Каков дождик? Каковы молнии? Кое-где сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сено... Но вот солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, как весело сверкает все кругом, как воздух свеж и жидок, как пахнет земляникой и грибами!..

Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; вдали ложится мягкий пар, теплый на вид; вместе с росой падает алый блеск на поляны, еще недавно облитые потоками жидкого золота; от деревьев, от кустов, от высоких стогов сена побежали длинные тени... Солнце село; звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката... Вот оно бледнеет; синее небо; отдельные тени исчезают, воздух наливается мглой. Пора домой, в деревню, в избу, где ночуете. Закинув ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость... А между тем наступает ночь; за двадцать шагов уже ничего не видно; собаки едва белеют во мраке. Вот над черными кустами край неба смутно яснее. Что это? Пожар?.. Нет, это восходит луна.

* * *

Жара заставила нас войти в рощу. Я бросился под высокий куст орешника, над которым молодой, стройный клен раскинул свои легкие ветки.

Касьян присел на толстый конец срубленной березы. Я глядел на него. Листья слабо колебались в вышине, и их жидко-зеленоватые тени тихо скользили взад и вперед по его тщедушному телу, кое-как закутанному в темный армяк, по его маленькому лицу. Он не поднимал головы. Наскучив его безмолвием, я лег на спину и начал любоваться мирной игрой перепутанных листьев на далеком светлом небе. Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются, отвесно падают в те стеклянно ясные волны; листья на деревьях то сквозят изумрудами, то сгущаются в золотистую, почти черную зелень. Где-нибудь далеко, оканчивая собою тонкую ветку, неподвижно стоит отдельный листок на голубом клочке прозрачного неба, и рядом с ним качается другой, напоминая своим движением игру рыбьего плеса, как будто движение то самовольное и не производится ветром. Волшебными подводными островами тихо наплывают и тихо проходят белые круглые облака, — и вот, вдруг все это море, этот лучезарный воздух, эти ветки и листья, облитые солнцем, — все заструится, задрожит беглым блеском, и поднимется свежее, трепещущее лепетание, похожее на бесконечный мелкий песок внезапно набежавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы глядите: и нельзя выразить словами, как радостно, и тихо, и сладко становится на сердце. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждает на устах ваших улыбку, невинную, как она сама, как облака по небу, и как будто вместе с ними, медлительной верени-

цей, проходят по душе счастливые воспоминания, и все вам кажется, что взор ваш уходит дальше и дальше и тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну, и невозможно оторваться от этой вышины, от этой глубины...

ГОГОЛЬ
Николай Васильевич
(1809-1852)

... Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство... до самого Черного моря было зеленою, девственною пустынею... Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов... занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще... Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву... Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою; вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..»

(«Тарас Бульба»)

* * *

Как томительны жаркие те часы, когда полдень блещет в тишине и зное.

... Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебристые песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездушно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми старыми подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветки черешен, слив, яблонь, груш: небо, его чистое зеркало-река в зеленых, гордо поднятых рамах.

КОРОЛЕНКО
Владимир Галактионович
(1853-1921)

Лес шумит

Лес шумит...

В этом лесу всегда стоял шум — ровный, протяжный, как отголосок дальнего звона, спокойный и смутный, как тихая песня без слов, как

неясное воспоминание о прошедшем. В нем всегда стоял шум, потому что это был старый, дремучий бор, которого не касались еще пила и топор лесного барышника. Высокие столетние сосны с красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу было тихо, пахло смолой; сквозь полог сосновых игл, которыми была усыпана почва, пробивались яркие папоротники, пышно раскинувшиеся причудливою бахромой и стоявшие неподвижно, не шелохнув листом. В сырых уголках тянулись высокими стеблями зеленые травы; белая кашка склонялась отяжелевшими головками, как будто в тихой истоме. А вверху, без конца и перерыва, тянул лесной шум, точно смутные вздохи старого бора.

ТОЛСТОЙ
Лев Николаевич
(1828-1910)

Какая бывает роса на траве

Когда в солнечное утро, летом, идешь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и желтым, и красным, и синим.

Когда подойдешь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат.

И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвешь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало, сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Репейник

Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь.

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки... молочно-белые, с ярко-желтой серединой «любишь-не-любишь» с своей прелой пряной вонью; желтая сурепка с своим мудрым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожника васильки, яркосиние на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие, цветы повилики.

Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется «татаринном» и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, вы-

кидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того, что стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, — он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни, — подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. — Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь».

ЧЕХОВ
Антон Павлович
(1860-1904)

Степь
(Отрывки)

Направо сверкнула молния и, точно отразившись в зеркале, она тотчас же сверкнула вдали.<...> Даль заметно почернела и уж чаще, чем каждую

минуту, мигала бледным светом, как веками. Чернота ее, точно от тяжести, склонилась вправо. <...>

Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфористическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо. <...>

Между далью и правым горизонтом мигнула молния, и так ярко, что осветила часть степи и место, где ясное небо граничило с чернотой. Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на ее краю висели большие черные лохмотья; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правом и левом горизонте. Этот оборванный, разлохмаченный вид тучи придавал ей какое-то пьяное, озорническое выражение. Явственно и не глухо проворчал гром. <...>

... Ветер со свистом понесся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собой облака пыли и запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Теперь, по всей вероятности, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо; вероятно, около самой черной тучи летали перекасти-поле, и как, должно быть, им было страшно! Но сквозь пыль, залеплявшую глаза, не было видно ничего, кроме блеска молний... <...>

Загремел сердито гром, прокатился по небу справа налево, потом назад и замер... <...>

Чернота на небе раскрыла рот и дыхнула белым огнем; тотчас же опять загредел гром; едва он умолк, как молния блеснула... <...>

Дождь почему-то долго не начинался. <...> Было страшно темно. <...> А молнии в потемках казались белее и ослепительнее, так что глазам было больно.

... Но вот, наконец, ветер в последний раз рванул ... и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум <...>, но в это время что-то посыпалось и застучало по дороге. <...> Это был дождь... <...>

В июльские вечера и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочках соловьи, не пахнет цветами, но степь все еще прекрасна и полна жизни. Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью. Как будто от того, что траве не видно в потемках своей старости, в ней поднимается веселая, молодая трескотня, какой не бывает днем; треск, подсвистыванье, царапанье, степные басы, тенора и дисканты¹ — все мешается в непрерывный, монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкивает, как колыбельная песня; едешь и чувствуешь, что засыпаешь, но вот откуда-то доносится отрывистый, тревожный крик неуснувшей птицы, или раздастся неопределенный звук, похожий на чей-то голос, вроде удивленного «а-а!», и дремота опускает веки. А то, бывает, едешь мимо балочки, где есть кусты, и слышишь, как птица, которую степняки

¹ Бас — самый низкий мужской голос; тенор — высокий мужской голос; дискант — высокий детский голос.

зовут сплюком, кому-то кричит: «Сплю! сплю! сплю!», а другая хохочет или заливается истерическим плачем — это сова. Для кого они кричат и кто их слушает на этой равнине, бог их знает, но в крике их много грусти и жалобы... Пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами, но запах густ, сладко приторен и нежен.

Сквозь мглу видно все, но трудно разобрать цвет и очертания предметов. Все представляется не тем, что оно есть. Едешь и вдруг видишь, впереди у самой дороги стоит силуэт, похожий на монаха; он не шевелится, ждет и что-то держит на руках... Не разбойник ли это? Фигура приближается, растет, вот она поравнялась с брочкой, и вы видите, что это не человек, а одинокий куст или большой камень. Такие неподвижные, кого-то поджидающие фигуры стоят на холмах, прячутся за курганами, выглядывают из бурьяна, и все они походят на людей и внушают подозрение.

А когда восходит луна, ночь становится бледной и томной. Мглы как не бывало. Воздух прозрачен, свеж и тепел, всюду хорошо видно и даже

можно различить у дороги отдельные стебли бурьяна. На далекое пространство видны черепа и камни. Подозрительные фигуры, похожие на монахов, на светлом фоне ночи кажутся чернее и смотрят угрюмее. Чаше и чаще среди монотонной трескотни, тревожа неподвижный воздух, раздается чье-то удивленное «а-а!» и слышится крик неуслышанной или бредящей птицы. Широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в нее, высветятся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы... Немножко жутко. А взглянешь на бледно-зеленое, усыпанное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздух недвижим, почему природа насто-роже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова.

Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и все то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в глубоком небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной пти-

цей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!

<...>

Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землею, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издалика похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-желтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; <...> и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля — все, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и обласканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы. <...> Кузнечики, сверчки, скрипачи и мед-

ведки затянули в траве свою скрипучую, монотонную музыку...

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где тень лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...

<...>

... Воздух все больше застывал от зноя и тишины, покорная природа цепенела в молчании... Ни ветра, ни бодрого, свежего звука, ни облачка.

Но вот, наконец, когда солнце стало спускаться к западу, степь, холмы и воздух не выдержали гнета и, источивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго. Из-за холмов неожиданно показалось пепельно-серое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью — я, мол, готово — и нахмурилось. Вдруг в стоячем воздухе что-то порвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по степи. Тотчас же трава и прошлогодний бурьян подняли ропот, на дороге спирально закружилась пыль, побежала по степи и, увлекая за собой солому, стрекоз и перья, черным вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила солнце. По степи вдоль и поперек, спотыкаясь и прыгая, побежали перекасти-поле...

<...>

Вдруг рванул ветер... <...>

Чернота на небе раскрыла рот и дыхнула белым огнем; тотчас же загремел гром... <...> Раздался новый удар, такой же сильный и ужасный. Небо уже не гремело, не грохотало, а издавало сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки... <...>

... По дороге текли ручейки и прыгали пузыри...

МАМИН-СИБИРЯК
Дмитрий Наркисович
(1852-1912)

Молодая поросль

По берегам реки жались друг к другу кусты смородины, вербы, ольхи и лесная малина; зеленая, сочная осока зашла в самую воду, где блестела и гнулась под напором речной струи, как живая. Кое-где догнивали торчавшие из земли бревна, а из-под них уже вылезали молодые побеги жимолости; тут же качались розовые стрелки иван-чая и пестрели болотные желтые цветы. Около старых пней, как дорогое кружево, лепился своими желтыми шапками душистый лабазник. У самого леса вытянулся целый островок молодого осинника, переливаясь на солнце своей вечно подвижной, металлической листвой, а дальше зеленой стеной поднимался березняк и по течению речки уходил из глаз. Но всего красивее были молодые ели и березки, которые росли по отвалам и свалкам: они походили на гурьбу детей, со всего размаха выбежавших на крутизну и отсюда любовавшихся всем,

что было ниже. Казалось, что это лесная молодежь лукаво шепталась между собой, счастливая солнечным днем и тем, что дает только полная сил молодость.

Летние ночи на Урале

В конце июля летние ночи на Урале бывают особенно хороши: сверху смотрит на вас бездонная синяя глубина, мерцающая напряженным фосфорическим светом, так что отдельные звезды и созвездия как-то теряются в общем световом тоне; воздух тих и чутко ловит малейший звук; спит в тумане лес; не шелохнувшись, стоит вода; даже ночные птицы и те появляются и исчезают в застывшем воздухе совершенно беззвучно, как тени на экране волшебного фонаря.

В начале августа

Наступили первые дни августа. Выпало два холодных утренника, и не успевшие отцвести лесные цветочки поблели, а трава покрылась желтыми пятнами. Солнце уже не так ярко светило с голубого неба, позже вставало и раньше ложилось; порывистый ветер набегал неизвестно откуда, качал вершинами деревьев и быстро исчезал, оставив в воздухе холодевшую струю. Радости короткого северного лета подходили к концу, впереди грозно надвигалась бесконечная осень с ее проливными дождями, ненастьем, темными ночами, грязью и холодом. Почти все свободное время я проводил в лесу, на охоте; хвойный лес с наступлением осени делался еще лучше и точно свежел с каждым днем.

АКСАКОВ
Сергей Тимофеевич
(1791-1859)

Покос

В прекрасный летний день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свежесть, подъезжали мы с отцом к так называемому «Потаенному колку», состоящему по большей части из молодых и уже довольно толстых, как сосна, прямых лип, — колку, давно заповеданному и берегаемому с особой строгостью. Лишь только поднялись мы к лесу из оврага, стал долетать до моего слуха глухой, необыкновенный шум: то какой-то отрывистый и мерный шорох, на мгновение пе-

ремежающийся и вновь возникающий, то какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчас спросил: «Что это такое?» — «А вот увидишь!» — отвечал отец, улыбаясь. Но за порослью молодого и частого осинника ничего не было видно; когда же мы обогнули его, — чудное зрелище поразило мои глаза. Человек сорок крестьян косили, выстраивая в одну линию, как по нитке; ярко блестя на солнце, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срезанная густая трава. Пройдя длинный ряд, вдруг косцы остановились и принялись чем-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми речами, как можно было догадываться по громкому смеху: расслышать слов было еще невозможно. Металлические звуки происходили от точенья кос деревянными лопаточками, обмазанными глиною с песком, о чем я узнал после. Когда мы подъехали близко и мой отец сказал обыкновенное приветствие: «Бог помочь!» или «Бог на помочь», громкое: «Благодарствуйте, батюшка Алексей Степанович!» огласило поляну, отозвалось в овраге, и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами! В этой работе было что-то доброе, веселое, так что я не вдруг поверил, когда мне сказали, что она тоже очень тяжелая. Какой легкий воздух, какой чудесный запах разносился от близкого леса и скошенной еще рано утром травы, изобиловавшей множеством душистых цветов, которые от знойного солнца уже начали вянуть и издавать особенно приятный ароматический запах! Нетронутая трава стояла стеной, в пояс вышиною, и крестьяне говорили: «Что за трава! Медведь медведем!» По зеленым, высоким рядам скошенной травы уже ходили галки и вороны, нале-

тевшие из леса, где находились их гнезда. Мне сказали, что они подбирают разных букашек, козявок и червяков, которые прежде скрывались в густой траве, а теперь бегали на виду по опрокинутым стеблям растений и по обнаженной земле. Подойдя поближе, я своими глазами удостоверился, что это совершенная правда. Сверх того, я заметил, что птица клевала и ягоды. В траве клубника была еще зелена, зато необыкновенно крупна; на открытых же местах она уже поспевала. Из скошенных рядов мы с отцом набрали по большой кисти таких ягод, из которых иные попадались крупнее обыкновенного ореха; многие из них хотя еще не покраснели, но были уже мягки и вкусны.

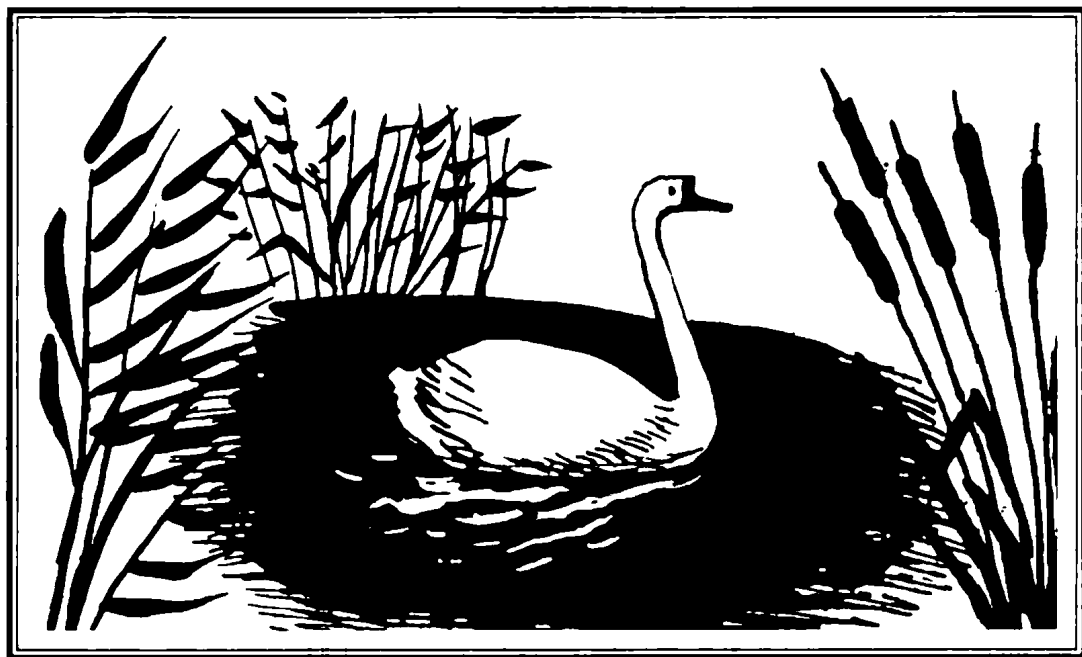
Лебедь

Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царем всей водяной, или водоплавающей, птицы.

Белый как снег, с блестящими, прозрачными небольшими глазами, с черным носом и черными лапами, с длинною, гибкою и красивою шею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывет между зеленых камышей по темно-синей, гладкой поверхности воды.

Движения лебеда

Все движения лебеда исполнены прелести: начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли ку-

паться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающиеся с его пушистого тела; начнет ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет также носом перебирать в нем каждое перо, проветривая и суша его на солнце, — все живописно и великолепно в нем.

АРСЕНЬЕВ
Владимир Клавдиевич
(1872-1930)

Травяное море

С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек, казалось, утонул в них. Внизу под

ногами — трава, спереди и сзади — трава, с боков — тоже трава, и только вверху — голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось еще сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и с опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свою ошибку. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал полынь руками и пригибал ее к земле. Я смотрел вперед — всюду передо мной расстилалось бесконечное травяное море.

М. ГОРЬКИЙ
(Пешков Алексей Максимович)
(1869-1936)

В лесу

Уходим все дальше в лес, в синеватую мглу, изрезанную золотыми лучами солнца. В тепле и уюте леса тихонько дышит какой-то особенный шум, мечтательный и возбуждающий мечты. Скрипят клесты, звенят синицы, смеется кукушка, свистит иволга, немолчно звучит ревнивая песня зяблика, задумчиво поет странная птица — щур. Изумрудные лягушата прыгают под ногами; между корней, подняв золотую головку, лежит уж и стережет их. Щелкает белка, в лапах сосен мелькает ее пушистый хвост; видишь невероятно много, хочется видеть все больше, идти все дальше.

Ночной пожар в лесу

А ночью лес принял неописуемо жуткий, сказочный вид: синяя стена его выросла выше, и в глубине ее, между черных стволов, безумно заметались, запрыгали красные, мохнатые звери. Они припадали к земле до корней и, обнимая стволы, ловкими обезьянами лезли вверх, боролись друг с другом, ломая сучья, свистели, гудели и ухали.

Бесконечно разнообразно строились фигуры огня между черных стволов, и была неутомима пляска этих фигур. Вот, неуклюже подпрыгивая, кувыряясь, выкатывается на опушку леса рыжий медведь и, теряя клочья огненной шерсти, лезет, точно за медом, по стволу вверх, а достигнув кроны, обнимает ветви ее мохнатым объятием багровых лап, качается на них, осыпая хвою дождем золотых искр; вот зверь легко переметнулся на соседнее дерево, а там, где он был, на черных, голых ветвях зажглись во множестве голубые свечи, по сучьям бегут пурпуровые мыши, и, при ярком движении их, хорошо видно, как затейливо курятся синие дымки и как по коре ствола ползут, вверх и вниз, сотни огненных муравьев.

Иногда огонь выползал из леса, крадучись, точно кошка на охоте за птицей, и вдруг, подняв острую морду, озирался — что схватить? Или вдруг являлся сверкающий, пламенный медведь-овсяник и полз по земле на животе, широко раскидывая лапы, загребая траву в красную огромную пасть.

ПАУСТОВСКИЙ
Константин Георгиевич
(1892-1968)

Родные места

Я люблю Мещерский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно.

На первый взгляд — это тихая и немудреная земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту необыкновенную землю. И если придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было, — этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь.

Летние грозы

Летние грозы проходят над землей и падают за горизонт. Молнии то с размаху бьют в землю прямым ударом, то полыхают на черных тучах.

Радуга сверкает над сырой далью. Гром перекачивается, грохочет, ворчит, рокошет, встряхивает землю.

Летний зной

Стояла жара. Мы шли сосновыми лесами. Кричали медведки. Пахло сосновой корой и земляникой. Над верхушками сосен неподвижно висел

ястреб. Лес был накален от зноя. Мы отдыхали в густых чащах осин и берез. Там дышали запахом травы и корней. К вечеру мы вышли к озеру. На небе блестели звезды. Утки с тяжелым свистом летели на ночлег.

* * *

Зарница... Самое звучание этого слова как бы передает медленный ночной блеск далекой молнии.

Чаще всего зарницы бывают в июле, когда созревают хлеба. Поэтому и существует народное поверие, что зарницы «зарят хлеб», — освещают его по ночам — и от этого хлеб наливаются быстрее.

Рядом с зарницей стоит в одном поэтическом ряду слово заря — одно из прекраснейших слов русского языка.

Это слово никогда не говорят громко. Нельзя даже представить себе, чтобы его можно было прокричать. Потому что оно сродни той устоявшейся тишине ночи, когда над зарослями деревенского сада занимается чистая и слабая синева. «Развидняет», как говорят об этой поре суток в народе.

В этот заревой час низко над самой землей пылает утренняя звезда. Воздух чист, как родниковая вода.

В заре, в рассвете есть что-то девическое, целомудренное. На зорях трава омыта росой, а по деревьям пахнет теплым парным молоком. И поют в туманах за околицами пастушьи жалейки.

Светает быстро. В теплом доме тишина, сумрак. Но вот на бревенчатые стены ложатся квадраты

оранжевого света, и бревна загораются, как слоистый янтарь. Восходит солнце.

Заря бывает не только утренняя, но и вечерняя. Мы часто путаем два понятия — закат солнца и вечернюю зарю.

Вечерняя заря начинается, когда солнце уже зайдет за край земли. Тогда она овладевает меркнувшим небом, разливает по нему множество красок — от червонного золота до бирюзы — и медленно переходит в поздние сумерки и в ночь.

Кричат в кустах коростели, бьют перепела, гудит выпь, горят первые звезды, а заря еще долго дотлевет над далями и туманами.

Цветы

У самой воды большими куртинами выглядывали из зарослей мяты невинные голубоглазые незабудки. А дальше, за свисающими петлями ежевики, цвела по откосу дикая рябина с тугими желтыми соцветиями. Высокий красный клевер перемешивался с мышинным горошком и подмаренником, а над всем этим тесно столпившимся сообществом цветов подымался исполинский чертополох. Он крепко стоял по пояс в траве и был похож на рыцаря в латах со стальными шипами на локтях и наколенниках.

Нагретый воздух над цветами «млел», качался, и почти из каждой чашечки высовывалось полосатое брюшко шмеля, пчелы или осы. Как белые и лимонные листья, всегда вкось, летали бабочки.

А еще дальше высокой стеной вздымался боярышник и шиповник. Ветки их так переплелись, что казалось, будто огненные цветы шиповника и белые, пахнущие миндалем цветы боярышника

каким-то чудом распустились на одном и том же кусте.

Шиповник стоял, повернувшись большими цветами к солнцу, нарядный, совершенно праздничный, покрытый множеством острых бутонов. Цветение его совпадало с самыми короткими ночами — нашими русскими, немного северными ночами, когда соловьи гремят в росе всю ночь напролет, зеленоватая заря не уходит с горизонта и в самую глухую пору ночи так светло, что на небе хорошо видны горные вершины облаков.

ШОЛОХОВ
Михаил Александрович
(1905-1984)

Благодатный дождь

В начале июня часто шли необычные для лета дожди: тихие, по-осеннему смирные, без гроз, без ветра. По утрам с запада, из-за дальних бугров,

выползала пепельно-сизая туча. Она росла, ширилась, занимала полнеба, — зловеще темнели ее темные подкрылки, а потом снижались так, что прозрачные, как кисея, нижние хлопья ее цеплялись за крышу стоявшей в степи, на кургане, ветряной мельницы; где-то высоко и добродушно, еле слышной октавой разговаривал гром, и спускался благодатный дождь.

Теплые, словно брызги парного молока, капли отвесно падали на затаившуюся в туманной тишине землю, белыми пузырями вспухали на непросохших, пенистых лужах. И так тих и мирен был этот летний негустой дождь, что цветы не склоняли головок, даже куры по дворам не искали от него укрытия. С деловитой озабоченностью они рылись возле сараев и влажных, почерневших плетней в поисках корма, а мокрые и слегка утратившие свою величественную осанку петухи, невзирая на дождь, кричали врасстяжку и по очереди. Бодрые голоса их сливались с чириканьем беззастенчиво купавшихся в лужах воробьев и писком ласточек, как бы припадавших в стремительном полете к пахнувшей дождем и пылью, ласково манящей земле.

* * *

В степи пырей поднялся выше колена. За выгоном зацвел донник. Медвяный запах к вечеру растекался по всему хутору. Озимые хлеба стояли до горизонта сплошной темно-зеленой стеной, яровые радовали глаз на редкость дружными всходами. Серопески густо ошетились стрелками молодых побегов кукурузы.

К концу первой половины июня погода прочно установилась, ни единой тучки не появилось на небе, и дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождями степь! Была она теперь, как молодая кормящая мать, — необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства.

СОКОЛОВ-МИКИТОВ
Иван Сергеевич
(1892-1975)

Дождик в лесу

Поднялась большая темная туча, накрыла полнеба. Загромыхал гром.

Пронесся по лесным макушкам сильный вихрь. Зашумели, закачались деревья, закружились над тропинкой сорванные листья. Упали тяжелые капли.

Сверкнула молния, ударил гром.

Капля за каплей хлынул теплый проливной дождь.

После проливного дождя сильно пахнет в лесу грибами. В траве у тропинки прячутся крепкие боровики, розовые мокрые сыроежки, краснеют мухоморы. словно малые ребята, толпятся черно-головые подберезовики.

Между белыми стволами берез густо разросся молодой частый ельник. Здесь скрываются душистые грузди и красноголовые подосиновики.

А на лесных полянках показались первые рыжики, желтеют золотые лисички.

АБРАМОВ
Федор Александрович
(1920-1983)

Началось лето

Вдали глухо бухнуло — темные тяжелые тучи ползли на деревню. Они ползли медленно, грозно клубясь и властно разрастаясь до самого горизонта.

В деревне стало темно и немо. Даже скотина притихла в ожидании. И вдруг оглушительный грохот сотряс землю.

По всей деревне захлопали двери, ворота. Люди выбегали на улицу, ставили ушаты под потоки и под проливным дождем радостно перекликались друг с другом. По лужам, как жеребята, носились босоногие ребяташки, началось короткое северное лето.

Жара

Август принес с собой суховей. Началась жара. По утрам не схватывались белым дымком росы, ручьи и речонки пересохли, и к полудню листья вянули на деревьях.

В знойном, добела раскаленном поднебесье целыми днями метался пепельно-серый канюк, плакал пронзительно и тоскливо:

«Пи-ить!.. Пи-ить!..» Кончилось лето.

Короткое северное лето кончилось.

На домашние сосняки вышла белка, еще красная, не вылинявшая. С первым снегом, когда го-

лубым туманом пройдет по ней осень, белка отко-
чет в глухие сеземы, на еловую шишку.

Туман, туман над деревней...

Как будто белые облака спустились на землю,
как будто реки молочные разлились под окош-
ком.

К полудню туман осядет, вынырнет ненадолго
солнце, и в небе увидишь журавлей. Летят своим
известным клином, тоскливо и жалобно курлы-
кая, как бы извиняясь: мы-то, дескать, в теплые
края улетаем, а тебе-то тут куковать.

ПРИШВИН
Михаил Михайлович
(1873-1954)

ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ О ЛЕТЕ

Цветущие травы

Как рожь на полях, так в лугах тоже зацвели все
злаки, и, когда злачинку покачивало насекомое,
она окутывалась пыльцой, как золотым облаком.

Все травы цветут, и даже подорожник. Какая
травка подорожник, — а тоже весь в белых бусин-
ках. Раковые шейки, медуница, всякие колоски,
пуговицы, шишечки на тонких стебельках привет-
ствуют вас.

Сколько их прошло, пока мы столько лет жили,
и не узнать; кажется, все те же шейки, колоски,
старые друзья.

Здравствуйтесь, милые, здравствуйтесь!

Бал на реке

Желтые лилии раскрыты с самого восхода солнца, белые раскрываются часов в десять. Когда все белые распустятся, на реке начинается бал.

Красные шишки

Росы холодные и свежий ветер днем умеряют летний жар. И только потому еще можно ходить по лесу, а то бы теперь видимо-невидимо было слепней днем, а по утрам и по вечерам комаров. По-настоящему теперь бы время мчаться обезумевшим от слепней лошадям в поле прямо с повозками.

В свежее солнечное утро иду я в лес полями. Рабочие люди спокойно отдыхают, окутываясь паром своего дыхания. Лесная лужайка вся насыщена росой холодной, насекомые спят, многие цветы еще не раскрывали венчиков. Шевелятся только листья осины, с гладкой верхней стороны листья уже обсохли, на нижней бархатная роса держится мелким бисером.

— Здравствуйте, знакомые елочки, как поживаете, что нового?

И они отвечают, что все благополучно, что за это время молодые красные шишки дошли до половины настоящей величины. Это правда, это можно проверить: старые пустые рядом с молодыми висят на деревьях.

Из еловых пропастей я поднимаюсь к солнечной опушке, по пути в глуши встречается ландыш, он еще сохранил всю свою форму, но слегка пожелтел и больше не пахнет.

Лодочка

Золотая сеть солнечных зайчиков на речном перекате. Темно-синие стрекозы в тростниках и елочках хвоща. И у каждой стрекозы есть своя хвощовая елочка или тростинка, слетит с нее и опять возвращается домой на свой хвощ.

Очумелые, мляные вороны вывели птенцов и теперь отдыхают.

Листик, самый маленький, на паутине спустился к реке и вот крутится, вот крутится!

Так и еду на своей лодочке вниз по реке и думаю о природе; мне природа теперь — некое неизвестное в своем начале Данное, из которого очень недавно вышел и сам человек и начал свое создавать из этого Данного, — создавать вторую природу.

Лесная книга

Лесная книга дается только тем, кто хочет читать ее без всякой ощутимой пользы для себя или корысти, даже нужен тебе гриб или орех, и то будет мешать тебе, и не хватит внимания вникнуть в ход лесной жизни.

Лес молодой осиновый, подлесок ореховый, под орехами живут папоротник, хвощ.

Надо учиться ходить в лесу, оглядывая деревья с самого низу доверху, а то обыкновенно смотришь или вниз, или прямо перед собой, и что делается в верхнем этаже — не видишь.

Травы такой росой обдаются, что им все равно как после дождя, и даже кусты в росе. До какого же лесного этажа хватает роса?

Вода и любовь

Животным, от букашки до человека, самая близкая стихия — это любовь, а растениям — вода: они жаждут ее, и она к ним приходит с земли и с неба, как у нас бывает земная любовь и небесная...

Пастушья свирель

Дни переходят в очень жаркие, но росы еще сильные и прохладные. Скотину стали выгонять рано и в полдень пригонять, спасаясь от слепней. Пастушья свирель имеет особенность проникать в каждый дом и достигать каждой спящей души.

Сегодня мелодия проникла в меня, и я допустил для себя возможность удовлетворения жизнью совершенно простой, в которой настоящее добро выходило бы без всяких усилий, а прямо как неременное следствие жизни, которую ведешь для себя. А мое общение с человеком происходило бы в силу того, что хочется с человеком поговорить, хочется обласкать детей. Никаких подходов и загадок, все само собой должно выходить: внимания ждет человек, а не денег.

Старая липа

Думал о старой липе с такой морщинистой корой. Сколько времени она утешала старого хозяина и утешает меня, вовсе и не думая ничего о нас! Я смотрю на ее бескорыстное служение людям, и

у меня, как душистый липовый цвет, распускается надежда: может, когда-нибудь и я вместе с ней процвету.

Зарастающая поляна

Лесная поляна... Вышел я, стал под березкой... Что делается! Елки одна к другой так сильно густели и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так, кругом всей поляны, стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя березку. Вся большая поляна была покрыта зелеными бугорками. Это было все наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мохом. На эти взрытые кротами холмики падало семя и вырастали березки, а под березкой, под ее материнской защитой от мороза и солнца вырастала тенелюбивая елочка. И так, высокие ели, не смея открыто сами выслать своих малышей на полянку, высылали их под покровом березок и под их защитой переходили поляну.

Пройдет сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастет одними елками, а березы-покровительницы зачахнут в тени.

Расцвет шиповника

Шиповник, наверное, с весны еще пробрался внутрь по стволу к молодой осинке, и вот теперь, когда время пришло осинке справлять свои именины, вся она вспыхнула красными благоухаю-

щими дикими розами. Гудят пчелы и осы, басят шмели, все летят поздравлять и на именины роски попить и медку домой захватить.

Рожь наливают

Рожь наливают. Жара. По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи как перина: это вышло оттого, что воде между полосками было хорошо стекать. Так на перинке со скатами рожь выходит лучше. В лучах заходящего солнца теперь каждая полоска-перина так пышна, так привлекательна, что самому на каждую хочется лечь и поспать.

Светотени

Береза и осина — самые светолюбивые деревья, и особенно, мне кажется, осина. У нее ведь каждый листик трепещет и со всех сторон купается в

свете. Осина светлюбивая, а под осиной растут тенелюбивые травы, папоротники, хвощи. Такой густой осинник, что зайцу не проскочить, а тут еще в густоте из-под низу выбилась высокая крапива... И так везде в мире: где свет, там и тень.

Силач

Земля, разрыхленная муравьиной работой, сверху покрылась брусникой, а под ягодой зародился гриб и, мало-помалу напирая своей упругой шляпкой, поднял вверх над собой целый свод с брусникой, и сам, совершенно белый, показался на свет.

Ель и березка

Ель хороша только при сильном солнечном свете: тогда ее обычная чернота просвечивает самой густой, самой сильной зеленью. А березка мила и при солнце, и в самый серый день, и при дожде.

Иван-чай

Вот и лето настало, в прохладе лесной заблагоухала белая, как фарфоровая, «ночная красавица», и у пня стал на солнцепеке во весь свой великолепный рост красавец наших лесов — иван-чай.

У старого пня

Пусто никогда не бывает в лесу, а если кажется пусто, то сам виноват.

Старые умершие деревья, их огромные старые пни окружаются в лесу полным покоем, сквозь ветви падают на их темноту горячие лучи, от теплого пня вокруг все согревается, все растет, движется, пень прорастает всякой зеленью, покрывается всякими цветами. На одном только светлом солнечном пятнышке на горячем месте расположились десять кузнечиков, две ящерицы, шесть больших мух, две жужелицы... Вокруг высокие папоротники собрались, как гости, редко ворвется к ним самое нежное дыхание где-то шумящего ветра, и вот в гостиной у старого пня один папоротник наклонится к другому, шепнет что-то, и тот шепнет третьему, и все гости обменяются мыслями.

Пень-муравейник

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придется сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда чувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой выползает множество муравьев, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранявшим обличие пня.

Лесной ручей

Если хочешь понять душу леса, найди лесной ручей и отправляйся берегом его вверх или вниз.

Вижу я, как на мелком месте текущая вода встречает преграду в корнях елей и от этого журчит о корни и распускает пузыри. Рождаясь, эти пузыри быстро мчатся и тут же лопаются, но большая часть их сбивается дальше у нового препятствия в далеко видный белоснежный ком.

А то вот большой завал, и вода как бы ропщет, и далеко слышен этот ропот и переплеск.

Под сдержанный ропот воды струи катятся уверенно и на радости не могут не перекликнуться: сходятся могучие струи в одну большую и, встречаясь, сливаются, говорят и перекликаются.

Дерево давно и плотно легло на ручей и даже

позеленело от времени, но ручей нашел себе выход под деревом и быстриком, с трепетными тенями бьет и журчит.

На пути явилась широкая, преглубокая низина. Ручей, не жалея воды, наполнил ее и побежал дальше, оставляя эту заводь жить своей собственной жизнью.

Ручей выбежал из глухого леса на поляну и в открытых теплых лучах солнца разлился широким плесом.

Роса

С полей, с лугов поднялись туманы и растаяли в небесной лазури, но в лесу туманы застряли надолго. Солнце поднимается выше, лучи сквозь лесной туман проникают в глубину чаши, и на них там, в чаще, можно смотреть прямо и даже считать и фотографировать.

Зеленые дорожки в лесу все будто курятся, туман везде поднимается, вода пузырьками садится на листья, на хвойник елок, на паучьи сети, на телеграфную проволоку. И по мере того как поднимается солнце и разогревается воздух, капли на телеграфной проволоке начинают сливаться одна с другою и редеть. Наверное, то же самое делается и на деревьях: там тоже сливаются капли.

И когда, наконец, солнце стало порядочно греть на телеграфной проволоке, большие радужные капли начали падать на землю. И то же самое в лесу хвойном и лиственном — не дождь пошел, а как будто пролились радостные слезы. В особенности трепетно-радостна была осина, когда упавшая сверху одна капля приводила в движение чут-

кий лист, и так все ниже, все сильнее вся осина, в полном безветрии сверкая, дрожала от падающей капли.

В это время и некоторые высоко настороженные сети пауков пообсохли, и пауки стали подтягивать свои сигнальные нити. Застучал дятел по елке, заклевал дрозд на рябине.

Золотой луг

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я в пяту.

«Сережа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг золотой!» Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зеленый. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошел, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как все равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были желтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы желтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для меня одним из

самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

**«ЛЮБЛЮ Я
ПЫШНОЕ ПРИРОДЫ УВЯДАНИЕ...»**

ТУРГЕНЕВ
Иван Сергеевич
(1818-1883)

Осенний, ясный, немножко холодный, утром морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно-голубом небе, когда низкое солнце уже не греет, но блестит ярче летнего, небольшая осиновая роща насквозь вся сверкает, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще белеет на дне долин, а свежий ветер тихонько шевелит и гонит упавшие покоробленные листья, — когда по реке радостно мчатся синие волны, тихо вздымая рассеянных гусей и уток; вдали мельница стучит, полузакрытая вербами, и, пестрея в светлом воздухе, голуби быстро кружатся над ней...

Осенний день в березовой роще

Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облака-

ми, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая...

Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаками; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбалось... то вдруг опять все кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли... и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь.

Листва на березах была еще почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна молоденькая, вся красная или вся золотая...

Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы.

КУПРИН
Александр Иванович
(1870-1938)

... К началу сентября погода вдруг резко и совсем неожиданно переменилась. Сразу наступили тихие и безоблачные дни, такие ясные, солнечные и теплые, каких не было даже в июле. На

обсохших сжатых полях, на их колючей желтой щетине заблестела слюдяным блеском осенняя паутина. Успокоившиеся деревья бесшумно и покорно роняли желтые листья.

КОРОЛЕНКО
Владимир Галактионович
(1853-1921)

Поздняя осень

Наступает поздняя осень. Плод отяжелел; он срывается и падает на землю. Он умирает, но в нем живет семя, а в этом семени живет в «возможности» и все будущее растение, с его будущей роскошной листвой и с его новым плодом. Семя падет на землю; а над землей низко подымается уже холодное солнце, бежит холодный ветер, несутся холодные тучи... Не только страсть, но и самая жизнь замирает тихо, незаметно... Земля все больше проступает из-под зелени своей чернотой, в небе господствуют холодные тона... И вот наступает день, когда на эту смирившуюся и притихшую, будто овдовевшую землю падают миллионы снежинок и вся она становится ровна, одноцветна и бела... Белый цвет — это цвет холодного снега, цвет высочайших облаков, которые плывут в недостижимом холоде поднебесных высот, — цвет величавых и бесплодных горных вершин...

БУНИН
Иван Алексеевич
(1870-1953)

Антоновские яблоки

Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками в самую пору, в середине месяца. Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет. Всюду сильно пахнет яблоками.

К ночи становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот еще запах: в саду — костер и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев. В темноте, в глубине сада — сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком...

«Ядреная антоновка — к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год.

На ранней заре, когда еще кричат петухи, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце... Побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, а сучья сквозят на

бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень.

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие.

С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи.

Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... сперва тихо, осторожно, потом все гуще и наконец превращался в ливень с бурей и темнотой. Наступала долгая, тревожная ночь...

Из такой трепки сад выходил совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив он был, когда снова наступала ясная погода, про-

зрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях уже до первых заморозков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске. А поля уже резко чернеют пашнями и ярко зеленеют закустившимися озими.

Проснешься и долго лежишь в постели. Во всем доме — тишина. Впереди — целый день покоя в безмолвной уже по-зимнему усадьбе. Не спеша оденешься, побродишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие.

ПАУСТОВСКИЙ
Константин Георгиевич
(1892-1968)

Словарь родной природы

Невозможно перечислить приметы всех времен года. Поэтому я пропускаю лето и перехожу к осени, к первым ее дням, когда уже начинает «сентябрь».

Увядает земля, но еще впереди «бабье лето» с его последним ярким, но уже холодным, как блеск слюды, сиянием солнца. С густой синевой небес, промытых прохладным воздухом. С летучей паутиной («пряжей богородицы», как кое-где называют ее до сих пор истовые старухи) и палым, повялым листом, засыпающим опустелые воды. Бе-

резовые роши стоят, как толпы девушек-красавиц, в шитых золотым листом полушалках. «Унылая пора — очей очарованье».

Потом — ненастье, обложные дожди, ледяной северный ветер «сиверко», бороздящий свинцовые воды, стынь, стылость, кромешные ночи, ледяная роса, темные зори.

Так все и идет, пока первый мороз не схватит, не скует землю, не выпадет первая пороша и не установится первопуток. А там уже и зима с вьюгами, метелями, поземками, снегопадом, седыми морозами, вешками на полях, скрипом подрезов на розвальнях, серым, снеговым небом...

* * *

Часто осенью я пристально следил за опадающими листьями, чтобы поймать ту незаметную долю секунды, когда лист отделяется от ветки и начинает падать на землю, но это мне долго не удавалось. Я читал в старых книгах о том, как шуршат падающие листья, но я никогда не слышал этого звука. Если листья и шуршали, то только на земле, под ногами человека. Шорох листьев в воздухе казался мне таким же неправдоподобным, как рассказы о том, что весной слышно, как прорастает трава.

Я был, конечно, неправ. Нужно было время, чтобы слух, отупевший от скрежета городских улиц, мог отдохнуть и уловить очень чистые и точные звуки осенней земли.

Как-то поздним вечером я вышел в сад к колодезю. Я поставил на сруб тусклый керосиновый фонарь «летучую мышь» и достал воды. В ведре плавали листья. Они были всюду. От них нигде нель-

зя было избавиться. Черный хлеб из пекарни приносили с прилипшими к нему мокрыми листьями. Ветер бросал горсти листьев на стол, на койку, на пол, на книги, а по дорожкам сада было трудно ходить: приходилось идти по листьям, как по глубокому снегу. Листья мы находили в карманах своих дождевых плащей, в кепках, в волосах — всюду. Мы спали на них и насквозь пропитались их запахом.

Бывают осенние ночи, оглохшие и немые, когда безветрие стоит над черным лесистым краем и только колотушка сторожа доносится с деревенской околицы.

Была такая ночь. Фонарь освещал колодец, старый клен под забором и растрепанный ветром куст настурции на пожелтевшей клумбе.

Я посмотрел на клен и увидел, как осторожно и медленно отделился от ветки красный лист, вздрогнул, на одно мгновение остановился в воздухе и косо начал падать к моим ногам, чуть шелестя и качаясь. Впервые услышал шелест падающего листа — неясный звук, похожий на детский шепот.

Мой дом

Особенно хорошо в беседке в тихие осенние ночи, когда в саду шумит вполголоса неторопливый отвесный дождь.

Прохладный воздух едва качает язычок свечи. Угловые тени от виноградных листьев лежат на потолке беседки. Ночная бабочка, похожая на комок серого шелка-сырца, садится на раскрытую книгу и оставляет на странице тончайшую

блестящую пыль. Пахнет дождем — нежным и вместе с тем острым запахом влаги, сырых садовых дорожек.

На рассвете я просыпаюсь. Туман шуршит в саду. В тумане падают листья. Я вытаскиваю из колодца ведро воды. Из ведра выскакивает лягушка. Я обливаюсь колодезной водой и слушаю рожок пастуха — он поет еще далеко, у самой околицы.

Светает. Я беру весла и иду к реке. Я отплываю в тумане. Восток розовеет. Уже не доносится запах дыма сельских печей. Остается только безмолвие воды, зарослей вековых ив.

Впереди — пустынный сентябрьский день. Впереди — затерянность в этом огромном мире пахучей листвы, трав, осеннего увядания, затишливых вод, облаков, низкого неба. И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье.

Какие бывают дожди

(Отрывок из повести «Золотая роза»)

... Солнце садится в тучи, дым припадает к земле, ласточки летают низко, без времени голосят по дворам петухи, облака вытягиваются по небу длинными туманными прядями — все это приметы дождя. А незадолго перед дождем, хотя еще и не натянуло тучи, слышится нежное дыхание влаги. Его, должно быть, приносит оттуда, где дожди уже пролились.

Но вот начинают капать первые капли. Народное слово «капать» хорошо передает возникновение дождя, когда еще редкие капли оставляют темные крапинки на пыльных дорожках и крышах.

Потом дождь расходится. Тогда-то и возникает чудесный прохладный запах земли, впервые смоченной дождем. Он держится недолго. Его вытесняет запах мокрой травы, особенно крапивы.

Характерно, что, независимо от того, какой будет дождь, его, как только он начинается, всегда называют очень ласково — дождиком. «Дождик собрался», «дождик припустил», «дождик траву обмывает»...

Чем, например, отличается спорый дождь от грибного?

Слово «спорый» означает — быстрый, скорый. Спорый дождь льется отвесно, сильно. Он всегда приближается с набегаящим шумом.

Особенно хорош спорый дождь на реке. Каждая его капля выбивает в воде круглое углубление, маленькую водяную чашу, подскакивает, снова падает и несколько мгновений, прежде чем исчезнуть, еще видна на дне этой водяной чаши. Капля блестит и похожа на жемчуг.

При этом по всей реке стоит стеклянный звон. По высоте этого звона догадываешься, набирает ли дождь силу или стихает.

А мелкий грибной дождь сонно сыплется из низких туч. Лужи от этого дождя всегда теплые. Он не звенит, а шепчет что-то свое, усыпительное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой.

Лесной перегной и мох впитывают этот дождь не торопясь, основательно. Поэтому после него начинают буйно лезть грибы — липкие маслята, желтые лисички, боровики, румяные рыжики, опенки и бесчисленные поганки.

Во время грибных дождей в воздухе попахивает дымком и хорошо берет хитрая и осторожная рыба — плотва.

О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: «Царевна плачет». Сверкающие солнечные капли этого дождя похожи на крупные слезы. А кому же и плакать такими сияющими слезами горя или радости, как не сказочной красавице царевне!

Можно подолгу следить за игрой света во время дождя, за разнообразием звуков — от мерного стука по тесовой крыше и жидкого звона в водосточной трубе до сплошного, напряженного гула, когда дождь льет, как говорится, стеной.

Все это — только ничтожная часть того, что можно сказать о дожде...

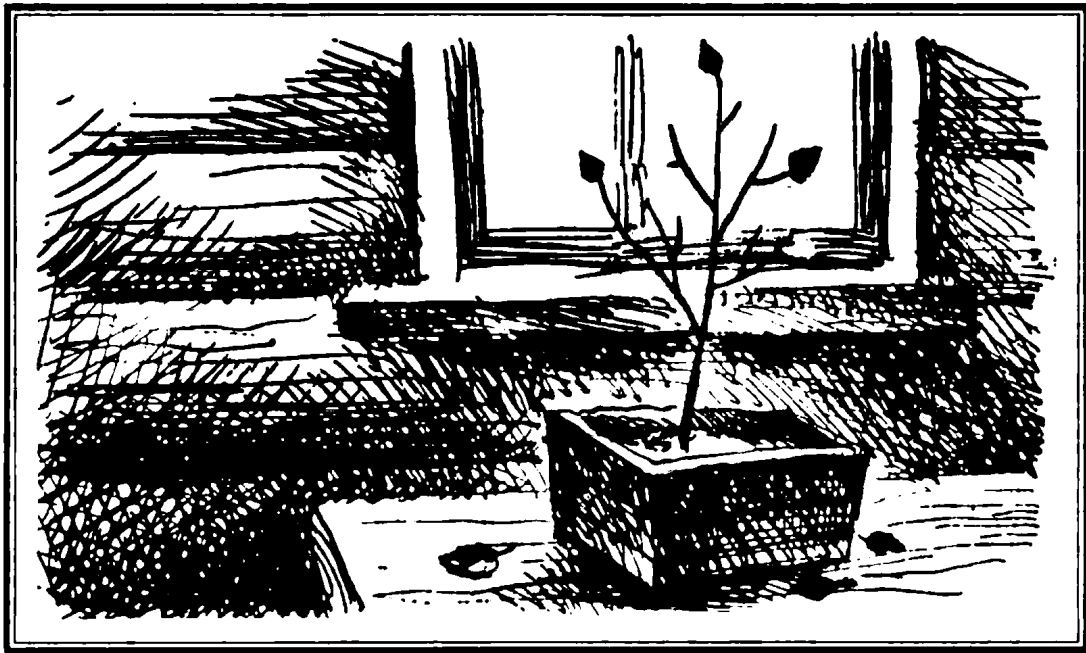
Подарок

Каждый раз, когда приближалась осень, начинались разговоры о том, что многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось. Зима у нас длинная, затяжная, лето гораздо короче зимы, а осень проходит мгновенно и оставляет впечатление промелькнувшей за окном золотой птицы.

Разговоры наши любил слушать внук лесника Ваня Малявин, мальчик лет пятнадцати. Он часто приходил к нам в деревню из дедовской сторожки с Урженского озера и приносил то кошелку белых грибов, то решето брусники, а то прибегал просто так — погостить у нас, послушать разговоры и почитать журнал «Вокруг света»...

Однажды Ваня принес маленькую, выкопанную с корнем березу. Корни он обложил сырым мхом и обернул рогожей.

— Это вам, — сказал он и покраснел. — Подарок. Посадите ее в деревянную кадку и поставьте

в теплой комнате — она всю зиму будет зеленая.

— Зачем ты ее выкопал, чудака? — спросил Рувим.

— Вы же говорили, что вам жалко лета, — ответил Ваня. — Дед меня и надоумил. «Сбегай, говорит, на прошлогоднюю гарь, там березы-двухлетки растут, как трава, — проходу от них нет никакого. Выкопай и отнеси Руму Исаевичу (так дед называл Рувима). Он о лете беспокоится, вот и будет ему на студеную зиму летняя память. Оно, конечно, весело поглядеть на зеленый лист, когда во дворе снег валит как из мешка».

— Я не только о лете, я еще больше об осени жалею, — сказал Рувим и потрогал тоненькие листья березы.

Мы принесли из сарая ящик, насыпали его доверху землей и пересадили в него маленькую березу. Ящик поставили в самой светлой и теплой комнате у окна, и через день опустившиеся ветви березы поднялись, вся она повеселела, и даже листья у нее уже шумели, когда сквозной ветер врвался в комнату и в сердцах хлопал дверью.

В саду поселилась осень, но листья нашей березы оставались зелеными и живыми. Горели темным пурпуром клены, порозовел бересклет, ссыхался дикий виноград на беседке. Даже кое-где на березах в саду появились желтые пряди, как первая седина у еще нестарого человека. Но береза в комнате, казалось, все молодела. Мы не замечали у нее никаких признаков увядания.

Как-то ночью пришел первый заморозок. Он надышал холодом на стекла в доме, и они запотели, посыпал зернистым инеем крыши, захрустел под ногами. Одни только звезды как будто обрадовались первому морозу и сверкали гораздо ярче, чем в теплые летние ночи. В эту ночь я проснулся от протяжного и приятного звука — пастуший рожок пел в темноте. За окнами едва заметно голубела заря.

Я оделся и вышел в сад. Резкий воздух обмыл лицо холодной водой — сон сразу прошел. Разгорался рассвет. Синева на востоке сменилась багровой мглой, похожей на дым пожара. Мгла эта светлела, делалась все прозрачнее, сквозь нее уже видны далекие и нежные страны золотых и розовых облаков.

Ветра не было, но в саду все падали и падали листья. Березы за одну эту ночь пожелтели до самых верхушек, и листья осыпались с них частым и печальным дождем.

Я вернулся в комнаты: в них было тепло, сонно. В бледном свете зари стояла в кадке маленькая береза, и я вдруг заметил — почти вся она за эту ночь пожелтела, и несколько лимонных листьев уже лежало на полу.

Комнатная теплота не спасла березу. Через день она облетела вся, как будто не хотела отставать от

своих взрослых подруг, осыпавшихся в холодных лесах, рощах, на сырых по осени просторных полянах.

Ваня Малявин, Рувим и все мы были огорчены. Мы уже свыклись с мыслью, что в зимние снежные дни береза будет зеленеть в комнатах, освещенных белым солнцем и багровым пламенем веселых печей. Последняя память о лете исчезла.

Знакомый лесничий усмехнулся, когда мы рассказали ему о своей попытке спасти зеленую листву на березе.

— Это закон, — сказал он. — Закон природы. Если бы деревья не сбрасывали на зиму листья, они бы погибли от многих вещей — от тяжести снега, который нарастал бы на листьях и ломал самые толстые ветки, и от того, что к осени в листве накапливалось бы много вредных для дерева солей, и, наконец, от того, что листья продолжали бы и среди зимы испарять влагу, а мерзлая земля не давала бы ее корням дерева, и дерево неизбежно погибло бы от зимней засухи, от жажды.

А дед Митрий... узнав об этой маленькой истории с березой, истолковал ее по-своему.

— Ты, милочка, — сказал он Рувиму, — поживи с мое, тогда и спорь. А то ты со мной все споришь, а видать, что умом пораскинуть у тебя еще времени не хватило. Нам, старым, думать способнее. У нас заботы мало — вот и прикидываем, что к чему на земле притесано и какое имеет объяснение. Взять, скажем, эту березу. Ты мне про лесничего не говори, я наперед знаю, что он скажет... Ты про березу слушай. Промеж людей есть дружба или нет? То-то что есть. А люди заносятся. Думают, что дружба им одним дадена, чванятся перед

всяким живым существом. А дружба — она, брат, кругом, куда ни глянешь. Уж что говорить, корова с коровой дружит и зяблик с зябликом. Убей журавля, так журавлиха исчахнет, исплчется, места себе не найдет. И у всякой травы и дерева тоже, надо быть, дружба иногда бывает. Как же твоей березе не облететь, когда все ее товарки в лесах облетели? Какими глазами она весной на них взглянет, что скажет, когда они зимой исстрадались, а она грелась у печки в тепле, да в сытости, да в чистоте? Тоже совесть надо иметь.

— Ну, это ты, дед, загнул, — сказал Рувим. — С тобой не столкнешься.

Дед захихикал.

— Ослаб? — спросил он язвительно. — Сдаешься? Ты со мной не заводись — бесполезное дело.

Дед ушел, постукивая палкой, очень довольный, уверенный в том, что победил в этом споре нас всех и заодно с нами и лесничего.

Березку мы высадили в сад, под забор, а ее желтые листья собрали и засушили между страниц «Вокруг света».

Этим и кончилась наша попытка сохранить зимой память о лете.

ПРИШВИН
Михаил Михайлович
(1873-1954)

ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ОБ ОСЕНИ

Птицы и листья

В лучах солнца, проникающих в лес осенний,
не поймешь, где листья и где птицы летят.

А на большой лесной поляне и упавшие листья
не находят покоя: одни, как мыши, перебегают
поляну, другие хороводом кружатся, вихрятся,
носятся и, когда попадают в течение ветра над
лесом, опроретью мчатся под синими, почти чер-
ными тучами и между ними голубыми сияющими
небесными полянками, и тут уже не поймешь, где
листья мчатся, а где перелетные птички.

Папоротник еще совсем зеленый стоял, но его
теперь доверху завалило листвой, ароматной, шу-
мящей под ногой.

Последние грибы

Ветер разлетелся, липа вздохнула и как будто
выдохнула из себя миллион золотых листиков.
Ветер еще разлетелся, рванул со всей силой — и
тогда разом слетели все листья, и остались на ста-
рой липе, на черных ее ветвях только редкие зо-
лотые монетки.

Так поиграл ветер с липой, подобрался к туче, ду-
нул, и брызнула туча и сразу вся разошлась дождем.

Другую тучу ветер нагнал и погнал, и вот из-под этой тучи вырвались яркие лучи, и мокрые леса и поля засверкали.

Рыжие листья засыпали рыжики, но я нашел немного и рыжиков, и подосиновиков, и подберезовиков.

Это и были последние грибы.

Иван-да-Марья

Поздней осенью бывает иногда совсем как ранней весной: там белый снег, там черная земля. Только весной из проталин пахнет землей, а осенью снегом. Так непременно бывает: мы привыкаем к снегу зимой, и весной нам пахнет землей, а летом мы принюхиваемся к земле, и поздней осенью пахнет нам снегом.

Редко, бывает, проглянет солнце на какой-нибудь час, но зато какая же это радость! Тогда большое удовольствие доставляет нам какой-нибудь десяток уже замерших, но уцелевших от бурь листьев на иве или очень маленький голубой цветок под ногой.

Наклоняюсь к голубому цветку и с удовольствием узнаю в нем Ивана: это один Иван остался от прежнего двойного цветка, всем известного Ивана-да-Марья.

По правде говоря, Иван не настоящий цветок. Он сложен из очень мелких кудрявых листков, и только цвет его фиолетовый, за то его и называют цветком. Настоящий цветок с пестиками и тычинками только желтая Марья. Это от Марьи упали на эту осеннюю землю семена, чтобы в новом году опять покрыть землю Иванами и Марьями.

Дело Марьи много труднее, вот, верно, потому она и опала раньше Ивана.

Но мне нравится, что Иван перенес морозы и даже заголубел. Провожая глазами голубой цветок осени, я говорю потихоньку:

— Иван, Иван, где теперь твоя Марья?

Разлука

Какое чудесное утро: и роса, и грибы, и птицы... Но только ведь это уже осень. Березки желтеют, трепетная осина шепчет:

«Нет опоры в поэзии: роса высохнет, птицы улетят, тугие грибы все развалятся в прах... Нет опоры...» И так надо мне разлуку принять и куда-то лететь вместе с листьями.

«ЗДРАВСТВУЙ, ГОСТЬЯ ЗИМА!»

ШОЛОХОВ
Михаил Александрович
(1905-1984)

Здравствуй, зима!

Итак, она пришла, долгожданная зима! Хорошо пробежаться по морозцу в первое зимнее утро! Улицы, вчера еще по-осеннему унылые, сплошь покрыты белым снегом, и солнце переливается в нем слепящим блеском. Причудливый узор мороза лег на витрины магазинов и наглухо закрытые

окна домов, иней покрыл ветви тополей. Глянешь ли вдоль улицы, вытянувшейся ровной лентой, вблизи ли вокруг себя посмотришь, везде все то же: снег, снег, снег. Изредка поднимающийся ветерок пощипывает лицо и уши, зато как красиво все вокруг! Какие нежные, мягкие снежинки плавно кружатся в воздухе. Как ни колюч морозец, он тоже приятен. Не за то ли все мы любим зиму, что она так же, как весна, наполняет грудь волнующим чувством. Все живо, все ярко в преобразившейся природе, все полно бодрящей свежести. Так легко дышится и так хорошо на душе, что невольно улыбаешься и хочется сказать дружески этому чудному зимнему утру: «Здравствуй, зима!»

ТОЛСТОЙ
Алексей Николаевич
(1882-1945)

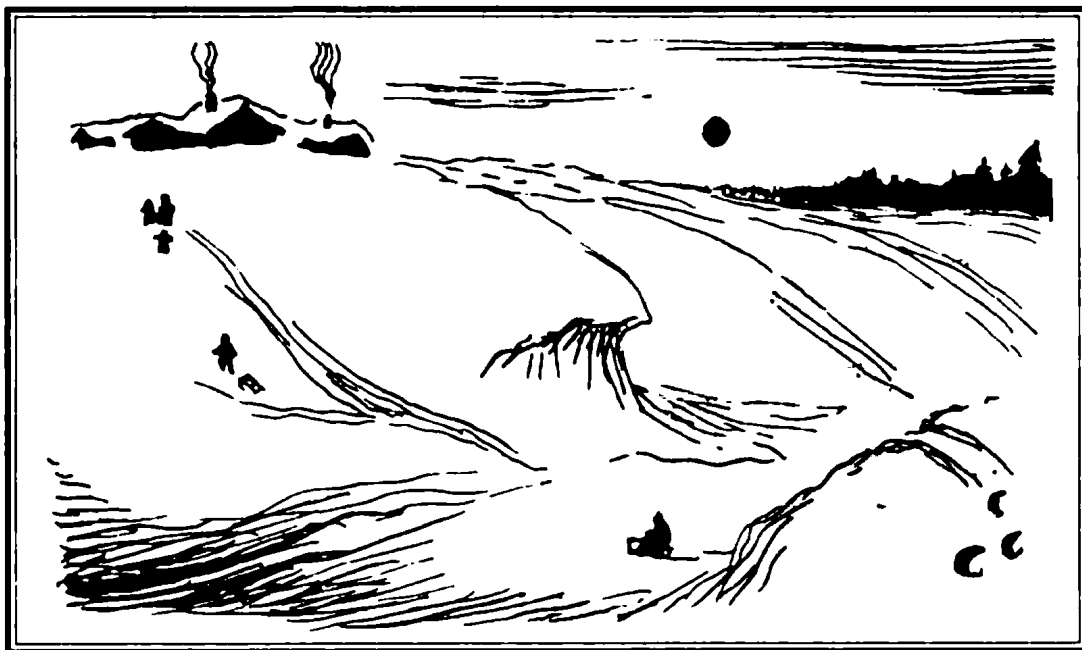
«Здравствуй, зима долгожданная, бодрая!»

День был мягкий и мгlistый. Красноватое солнце невысоко висело над длинными, похожими на снеговые поля, слоистыми облаками. В саду стояли покрытые инеем розовые деревья. Неясные тени на снегу были пропитаны тем же теплым светом.

Сугробы
(Из повести «Детство Никиты»)

Широкий двор был весь покрыт сияющим, белым мягким снегом. Синели в нем глубокие человечесьи и частые собачьи следы. Воздух, морозный и тонкий, защищал в носу, иголочками уколол щеки. Каретник, сарай и скотные дворы стояли приземистые, покрытые белыми шапками, будто вросли в снег. Как стеклянные, бежали следы полозьев от дома через весь двор.

Никита сбежал с крыльца по хрустящим ступенькам. Внизу стояла новенькая сосновая скамейка с мочальной витой веревкой. Никита осмотрел — сделана прочно, попробовал — скользит хорошо, взвалил скамейку на плечо, захватил лопатку, думая, что понадобится, и побежал по дороге вдоль сада, к плотине. Там стояли огромные, чуть не до неба, широкие ветлы, покрытые инеем, — каждая веточка была точно из снега.

Никита повернул направо, к речке, и старался идти по дороге, по чужим следам...

На крутых берегах реки Чагры намело за эти дни большие пушистые сугробы. В иных местах они свешивались мысами над речкой. Только стань на такой мыс — и он ухнет, сядет, и гора снега покатится вниз в облаке снежной пыли.

Направо речка вилась синеватой тенью между белых и пушистых полей. Налево, над самой кручей, чернели избы, торчали журавли деревни Сосновки. Синие высокие дымки поднимались над крышами и таяли. На снежном обрыве, где желтели пятна и полосы от золы, которую сегодня выгребли из печек, двигались маленькие фигурки. Это были Никитины приятели — мальчишки с «нашего конца» деревни. А дальше, где речка загибалась, едва виднелись другие мальчишки, «кончанские», очень опасные.

Никита бросил лопату, опустил скамейку на снег, сел на нее верхом, крепко взялся за веревку, оттолкнулся ногами раза два, и скамейка сама пошла с горы. Ветер засвистал в ушах, поднялась

с двух сторон снежная пыль. Вниз, все вниз, как стрела. И вдруг там, где снег обрывался над кручей, скамейка пронеслась по воздуху и скользнула на лед. Пошла тише, тише и стала.

Никита засмеялся, слез со скамейки и потащил ее в гору, увязая по колено. Когда же он взобрался на берег, то невдалеке, на снежном поле, увидел черную, выше человеческого роста, как показалось, фигуру Аркадия Ивановича. Никита схватил лопату, бросился на скамейку, слетел вниз и побежал по льду к тому месту, где сугробы нависали мысом над речкой.

Взобравшись под самый мыс, Никита начал копать пещеру. Работа была легкая — снег так и резался лопатой. Вырыв пещерку, Никита влез в нее, втащил скамейку и изнутри стал закладываться комьями. Когда стенка была заложена, в пещерке разлился голубой полусвет, — было уютно и приятно. Никита сидел и думал, что ни у кого из мальчишек нет такой чудесной скамейки...

— Никита! Куда ты провалился? — услышал он голос Аркадия Ивановича.

Никита... посмотрел в щель между комьями. Внизу, на льду, стоял, задрал голову, Аркадий Иванович.

— Где ты, разбойник?

Аркадий Иванович поправил очки и полез к пещерке, но сейчас же увяз по пояс:

— Вылезай, все равно я тебя оттуда вытащу.

Никита молчал. Аркадий Иванович попробовал лезть выше, но опять увяз, сунул руки в карманы и сказал:

— Не хочешь, не надо. Оставайся. Дело в том, что мама получила письмо из Самары... Впрочем, прощай, я ухожу...

— Какое письмо? — спросил Никита.

- Ага! Значит, ты все-таки здесь.
- Скажите, от кого письмо?
- Письмо насчет приезда одних людей на праздники.

Сверху сейчас же полетели комья снега. Из пещерки высунулась голова Никиты. Аркадий Иванович весело засмеялся.

АКСАКОВ
Сергей Тимофеевич
(1791-1859)

Буран

... Снеговая белая туча, огромная, как небо, обтянула весь горизонт и последний свет красной, погорелой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдруг настала ночь... наступил буран со всей яростью, со всеми своими ужасами. Разыгрался пустынный ветер на приволье, взрыл снеговые степи, как пух лебяжий, вскинул их до небес... Все одел белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной осенней ночи!

Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыханье, ревел, свистел, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу обвивался, как змей, и душил все, что ему ни попадалось.

Сердце падает у самого неробкого человека, кровь стынет, останавливается от страха, а не от холода, ибо стужа во время буранов значительно уменьшается. Так ужасен вид возмущения зимней северной природы...

Буран свирепел час от часу. Бушевал всю ночь и весь следующий день, так что не было никакой езды. Глубокие овраги делались высокими буграми...

Наконец стало понемногу затихать волнение снежного океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блестит безоблачной синевой.

Прошла еще ночь. Утих буйный ветер, улеглись снега. Степи представляли вид бурного моря, внезапно оледеневшего... Выкатилось солнце на ясный небосклон; заиграли лучи его на волнистых снегах...

МАМИН-СИБИРЯК
Дмитрий Наркисович
(1852-1912)

Зима

Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не осталось ни одного темного пятнышка. Даже голые березы, ольхи и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. Они стояли, засыпанные снегом, как будто надели дорогую теплую шубу...

ЧЕХОВ
Антон Павлович
(1860-1904)

Шел первый снег

Было около одиннадцати часов вечера, недавно шел первый снег, и все в природе находилось под властью этого молодого снега. В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег. Земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах — все было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядели иначе, чем вчера. Фонари горели ярче, воздух был прозрачней...

ПАУСТОВСКИЙ
Константин Георгиевич
(1892-1968)

Прощание с летом *(В сокращении)*

... Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с открытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют «мертвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Было только слышно, как посапывает во сне кот.

Я открыл глаза. Белый и ровный свет наполнял комнату. Я встал и подошел к окну — за стеклами

все было снежно и безмолвно. В туманном небе на головокружительной высоте стояла одинокая луна, и вокруг нее переливался желтоватый круг.

Когда же выпал первый снег? Я подошел к ходикам. Было так светло, что ясно чернели стрелки. Они показывали два часа. Я уснул в полночь. Значит, за два часа так необыкновенно изменилась земля, за два коротких часа поля, леса и сады заморозила стужа.

Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клена в саду. Ветка закачалась, с нее посыпался снег. Птица медленно поднялась и улетела, а снег все сыпался, как стеклянный дождь, падающий с елки. Потом снова все стихло.

Проснулся Рувим. Он долго смотрел за окно, вздохнул и сказал:

— Первый снег очень к лицу земле.

Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту.

А утром все хрустело вокруг: подмерзшие дороги, листья на крыльце, черные стебли крапивы, торчавшие из-под снега.

К чаю приплелся в гости дед Митрий и поздравил с первопутком.

— Вот и умылась земля, — сказал он, — снеговой водой из серебряного корыта.

— Откуда ты взял, Митрич, такие слова? — спросил Рувим.

— А нешто не верно? — усмехнулся дед. — Моя мать, покойница, рассказывала, что в стародавние годы красавицы умывались первым снегом из серебряного кувшина и потому никогда не вяла их красота.

Трудно было оставаться дома в первый зимний день. Мы ушли на лесные озера. Дед проводил

нас до опушки. Ему тоже хотелось побывать на озерах, но «не пушала ломота в костях».

В лесах было торжественно, светло и тихо.

День как будто дремал. С пасмурного высокого неба изредка падали одинокие снежинки. Мы осторожно дышали на них, и они превращались в чистые капли воды, потом мутнели, смерзались и скатывались на землю, как бисер.

Мы бродили по лесам до сумерек, обошли знакомые места. Стаи снегирей сидели, нахохлившись, на засыпанных снегом рябинах... Кое-где на полянах перелетали и жалобно попискивали птицы. Небо над головой было очень светлое, белое, а к горизонту оно густело, и цвет его напоминал свинец. Оттуда шли медленные снеговые тучи.

В лесах становилось все сумрачнее, все тише, и, наконец, пошел густой снег. Он таял в черной воде озера, щекотал лицо, порошил серым дымом леса. Зима начала хозяйничать над землей...

СОКОЛОВ-МИКИТОВ
Иван Сергеевич
(1892-1975)

Зимняя ночь

Наступила ночь в лесу.

По стволам и сучьям толстых деревьев постукивает мороз, хлопьями осыпается легкий серебряный иней. В темном высоком небе видимо-невидимо рассыпалось ярких зимних звезд...

Но и в морозной зимней ночи продолжается скрытая жизнь в лесу. Вот хрустнула и сломалась

мерзлая ветка. Это пробежал под деревьями, мягко подпрыгивая, заяц-беляк. Вот что-то ухнуло и страшно вдруг захохотало: где-то закричал филин, завyli и замолчали ласки, охотятся за мышами хорьки, бесшумно пролетают над снежными сугробами совы. Как сказочный часовой, уселся на голем суку головастый серый совенок. В ночной темноте он один слышит и видит, как идет в зимнем лесу скрытая от людей жизнь.

Осина

Красив осиновый лес и зимою. На фоне темных елей переплетается тонкое кружево оголенных осиновых ветвей.

В дуплах старых толстых осин гнездятся ночные и дневные птицы, белки-проказницы складывают на зиму свои запасы. Из толстых бревен люди выдалбливали легкие лодочки-челноки, делали корыта. Корою молодых осин кормятся зимою зайцы-беляки. Горькую кору осин гложут лоси.

Идешь, бывало, по лесу, и вдруг нежданно-нежданно с шумом сорвется и полетит тяжелый терев-косач. Почти из-под ног выскочит и побежит заяц-беляк.

АБРАМОВ
Федор Александрович
(1920-1983)

Серебряные сполохи

Короток, хмур декабрьский денек. Снежные сумерки вровень с окошками, мутный рассвет в десятом часу утра. Днем прочиркает, утопая в сугробах, стайка детишек, возвращающихся из школы, проскрипит воз с дровами или сеном — и вечер! В морозном небе за деревней начинают плясать и переливаться серебряные сполохи — северное сияние.

На воробьиный скок

Немного — всего на воробьиный скок прибавился день после Нового года. И солнце еще не грело — по-медвежьи, на четвереньках, ползло по еловым вершинам за рекой.

ПРИШВИН
Михаил Михайлович
(1873-1954)

ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ О ЗИМЕ

Деревья в плену

Дерево верхней своей мутовкой, как ладонью, забирало падающий снег, и такой от этого вырос ком, что вершина березы стала гнуться. И случи-

лось, в оттепель падал опять снег и прилипал к тому кому, и ветка верхняя с комом согнула аркой все дерево, пока, наконец, вершина с тем огромным комом не погрузилась в снег на земле и этим не была закреплена до самой весны. Под этой аркой всю зиму проходили звери и люди изредка на лыжах. Рядом гордые ели смотрели сверху на согнутую березу, как смотрят люди, рожденные повелевать, на своих подчиненных.

Весной береза возвратилась к тем елям, и если бы в эту особенно снежную зиму она не согнулась, то потом и зимой и летом она оставалась бы среди елей, но раз уж согнулась, то теперь при самом малом снеге она наклонялась и в конце концов непременно каждый год аркой склонялась над тропинкой.

Страшно бывает в снежную зиму войти в молодой лес: да ведь и невозможно войти. Там, где летом шел по широкой дорожке, теперь через эту дорожку лежат согнутые деревья, и так низко, что только зайцу под ними и пробежать...

Голубые тени

Возобновилась тишина, морозная и светлая. Вчерашняя пороша лежит по насту, как пудра со сверкающими блестками. Наст нигде не проваливается и на поле, на солнце, держит еще лучше, чем в тени. Каждый кустик старого полынка, репейника, былинки, травинки, как в зеркале, глядится в эту сверкающую порошу и видит себя голубым и прекрасным.

Тихий снег

Говорят о тишине: «Тише воды, ниже травы...» Но что может быть тише падающего снега! Вчера весь день падал снег, и как будто это он с небес принес тишину... И всякий звук только усиливал ее: петух заорал, ворона звала, дятел барабанил, сойка пела всеми голосами, но тишина от всего этого росла.

Какая тишина, какая благодать.

Прозрачный лед

Хорошо смотреть на тот прозрачный лед, где мороз не наделал цветов и не закрыл ими воду. Видно, как ручей под этим тончайшим льдом гонит огромное стадо пузырей, и выгоняет их из-под льда на открытую воду, и мчит их с большой быстротой, как будто они где-то ему очень нужны и надо успеть их всех согнать в одно место.

Часть III

Рассказы О ЖИВОТНЫХ

От составителя

Литература о животных уходит в глубокую древность. Вспомним Эзопа, чьи басни населены почти исключительно зверями и птицами. А сказки народов мира? В них действуют хитрая лиса и злой волк, трусливый заяц, медведь — то свирепый, то добродушный. Хотя персонажи сказок и басен говорят и рассуждают, как люди, им все же свойственны многие истинные черты поведения их бессловесных прототипов. В фольклорных образах животных воплощался опыт общения древних охотников, пастухов, земледельцев с четвероногими и пернатыми соседями. К тому же повседневные наблюдения давно убедили людей в изрядном сходстве «неразумных» животных с разумным человеком.

В связи с бурным развитием естествознания накопленные точные знания позволили писать о животных не только интересно, но и достоверно, точно. Основателем такой литературы по праву считается американский писатель и натуралист Эрнест Сетон-Томпсон.

Большая заслуга принадлежит и нашим писателям: Зуеву, Пришвину, Бианки, Чарушину, Соколову-Микитову, Скребницкому и многим другим.

Уже сто лет назад познания в области естествознания были весьма значительными. А вот печальные последствия человеческого общества разрушать природу мы начали осознавать только сейчас.

Мы долго сомневались, стоит ли включать рассказы с «плохим концом». Но — увы! — такова жизнь. И вряд ли страдания ребенка при чтении строк о человеческой жестокости дадут зачерстветь детской душе.

В главу «Рассказы о животных» включены некоторые рассказы русских писателей, дающие, на наш взгляд, представление о классической анималистике, то есть литературе о животных. Но не это главное. Наша цель — помочь детям познавать мир, самоутверждаться в нем, почаще размышляя о добре и зле, человеческих ценностях, взаимоотношении человека с братьями нашими меньшими, сочувствовать слабым, сострадать, любить, жалеть; рассказы эти — пища для размышлений об экологии и своем высоком предназначении на земле. Давайте же будем терпимее и добрее друг к другу, к животным, ближе к природе, разумнее, мудрее относиться к ее богатствам и бесценным дарам.

ПУШКИН
Александр Сергеевич
(1799-1837)

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ФЕТ
Афанасий Афанасьевич
(1820-1892)

* * *

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я лёгкий опустилась
И вот — дышу.
Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

БАЛЬМОНТ
Константин Дмитриевич
(1867-1942)

Детский мир

Белки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки и кроты,
Как вы вновь мне стали близки,
Снова детские цветы.
Незабудки расцветают,
Маргаритки щурят глаз,
Подорожники мечтают —
Вот роса зажжёт алмаз.
Вплоть до самой малой мошки
Близок стал мне мир живых,
И змеистые дорожки
Повели к кустам мой стих.
А в кустах, где всё так дико,
Притаился хмурый ёж.
Вон краснеет земляника,
Сколько ягод здесь найдёшь.
Все цветы на зов ответят,
Развернув свои листки.
А в ногах твой путь отсветят
Между травок светляки.

БЛОК
Александр Александрович
(1880-1921)

Ворона

Вот ворона на крыше покатою
Так с зимы и осталась лохматой...
А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...
Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:
Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой
Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,
И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

ЕСЕНИН
Сергей Александрович
(1895-1925)

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.
И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

УШИНСКИЙ
Константин Дмитриевич
(1824-1870)

Ласточка

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

— Не разоряй гнезда, — сказал мальчику отец, — весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, веселых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнездышка.

Работа закипела; ласточки таскали в носиках глину и ил из ближайшего ручья, и скоро гнездышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то перышко, то стебелек моха.

Прошло еще несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остается в нем постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнездышка!

Сидя на крылечке, он целыми часами смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперед, как неутомимо добывали пищу своим деткам!

Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил свое удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

— Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост в сравнении с маленьким, легким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть; вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе — о южнорусских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Черном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где все цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнездышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

— Я не думал, что ласточки улетают так далеко, — сказал мальчик.

— Да и не одни ласточки, — продолжал отец, — жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелетными, также улетают от нас на зиму в теплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцевых рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь еще дальше, перелететь все Средиземное море.

— Отчего же они не остаются в теплых странах целый год, — спросил мальчик, — если там так хорошо?

— Видно, им недостает корма для детей или,

может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре вёрст¹, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

ТОЛСТОЙ
Алексей Николаевич
(1882-1945)

Желтухин

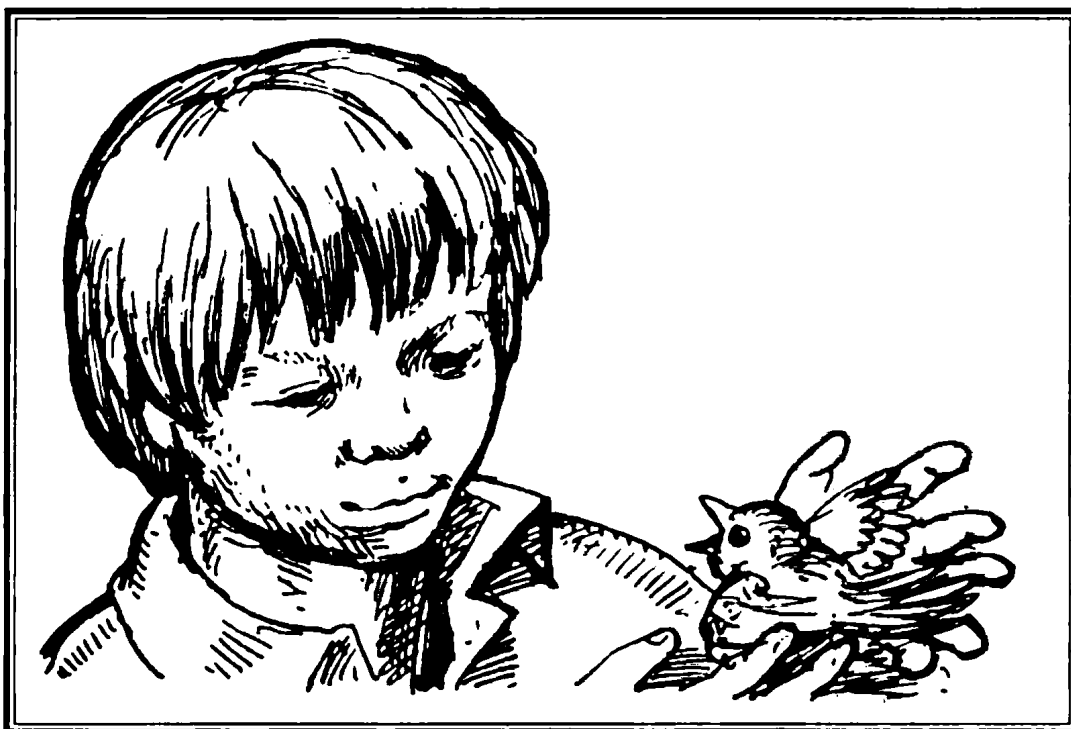
Желтухин сидел на кустике травы, на припеке, в углу между крыльцом и стеной дома, и с ужасом глядел на подходившего Никиту.

Голова у Желтухина была закинута на спину, клюв с желтой, во всю длину, полосой лежал на толстом зобу. Весь Желтухин нахохлился, подобрал под живот ноги. Никита нагнулся к нему, он разинул рот, чтобы напугать мальчика. Никита положил его между ладонями. Это был еще серенький скворец — попытался, должно быть, вылететь из гнезда, но не сдержали неумелые крылья, и он упал и забился в угол, на прижатые к земле листья одуванчика.

У Желтухина отчаянно билось сердце: «Ахнуть не успеешь, — думал он, — сейчас слопают». Он сам знал хорошо, как нужно лопать червяков, мух и гусениц.

Мальчик поднес его ко рту. Желтухин закрыл пленкой черные глаза, сердце запрыгало под перьями. Но Никита только подышал ему на голову и

¹ Верста — старинная мера длины, немногим более километра.

понес в дом: значит, был сыт и решил съесть Желтухина немного погодя.

Александра Леонтьевна, увидав скворца, взяла его так же, как и Никита, в ладони и подышала на головку.

— Совсем еще маленький, бедняжка, — сказала она, — какой желторотый, Желтухин.

Скворца посадили на подоконник раскрытого в сад и затянутого марлей окна. Со стороны комнаты окно тоже до половины занавесили марлей. Желтухин сейчас же забился в угол, стараясь показать, что дешево не продаст жизнь.

Снаружи, за белым дымком марли, шелестели листья, дрались на кусту презренные воробьи — вору, обидчики. С другой стороны, тоже из-за марли, глядел Никита; глаза у него были большие, двигающиеся, непонятные, очаровывающие. «Пропал, пропал», — думал Желтухин.

Но Никита так и не съел его до вечера, только напустил за марлю мух и червяков. «Откармлива-

ют, — думал Желтухин и косился на красного безглазого червяка — он, как змей, извивался перед самым носом. — Не стану его есть, червяк ненастоящий, обман».

Солнце опустилось за листья. Серый, сонный свет затягивал глаза, — все крепче уцеплялся Желтухин коготками в подоконник. Вот глаза ничего уже не видят. Замолкают птицы в саду. Сонно, сладко пахнет сыростью и травой. Все глубже уходит голова в перья. Нахохлившись сердито — на всякий случай, — Желтухин качнулся немного вперед, потом на хвост и заснул.

Разбудили его воробьи — безобразничали, дрались на сиреневой ветке. В сереньком свете висели мокрые листья. Сладко, весело, с пощелкиванием засвистал вдалеке скворец. «Сил нет — есть хочется, даже тошнит», — подумал Желтухин и увидал червяка, до половины залезшего в щелку подоконника, подскочил к нему, клюнул за хвост, вытащил, проглотил: «Ничего себе, червяк был вкусный».

Свет становился синее. Запели птицы. И вот сквозь листья на Желтухина упал теплый яркий луч солнца. «Поживем еще», — подумал Желтухин и, подскочив, клюнул муху, проглотил.

В это время загремели шаги, подошел Никита и просунул за марлю огромную руку; разжав пальцы, высыпал на подоконник мух и червяков. Желтухин в ужасе забился в угол, растопырил крылья, глядел на руку, но она над его головой и убралась за марлю, и на Желтухина снова глядели странные, засасывающие, переливающиеся глаза.

Когда Никита ушел, Желтухин оправился и стал думать: «Значит, он меня не съел, а мог. Значит, он птиц не ест. Ну, тогда бояться нечего». Желту-

хин сытно покушал, почистил носиком перья, попрыгал вдоль подоконника, глядя на воробьев, высмотрел одного старого, с драным затылком, и начал его дразнить, вертеть головой, пересвистывать: фюють, чилик-чилики, фюють. Воробей рассердился, распушился и с разинутым клювом кинулся к Желтухину, — ткнулся в марлю. «Что, достал? Вот то-то», — подумал Желтухин и вразвалку заходил по подоконнику.

Затем снова появился Никита, просунул руку, на этот раз пустую, и слишком близко поднес ее. Желтухин подпрыгнул, изо всей силы клюнул его в палец, отскочил и приготовился к драке. Но Никита только разинул рот и закричал: ха-ха-ха!

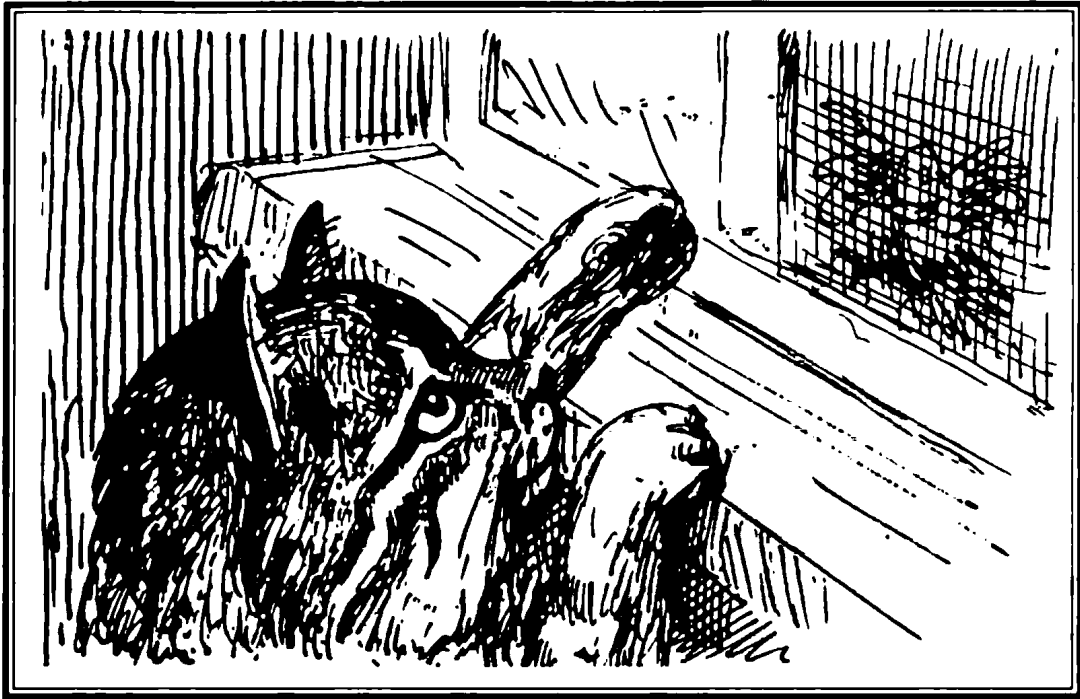
Так прошел день, — бояться было нечего, еда хорошая, но скучновато. Желтухин едва дождался сумерек и выспался в эту ночь с удовольствием.

Наутро, поев, он стал выглядывать, как бы выбраться из-за марли. Обошел все окошко, но щелки нигде не было. Тогда он прыгнул к блюдечку и стал пить, — набирал воду в носик, закидывал головку и глотал — по горлу катился шарик.

День был длинный. Никита приносил червяков и чистил гусиным пером подоконник. Потом лысый воробей вздумал подраться с галкой, и она так его ткнула — он камешком нырнул в листья, глядел оттуда ошестинясь.

Прилетала зачем-то сорока под самое окно, трещала, суетилась, трясла хвостом, ничего путного не сделала.

Долго, нежно пела малиновка про горячий солнечный свет, про медовые кашки, — Желтухин даже загрустил, а у самого так и kloкотало в горлышке, хотелось запеть, — но где? Не на окошке же, за сеткой...

Он опять обошел подоконник и увидел ужасное животное: оно шло, кралось на мягких коротких лапах, животом ползло по полу. Голова у него была круглая, с редкими усами дыбом, а зеленые глаза, узкие зрачки горели дьявольской злобой. Желтухин даже присел, не шевелился.

Кот Василий Васильевич мягко подпрыгнул, впился длинными когтями в край подоконника — глядел сквозь марлю на Желтухина и раскрыл рот... Господи... во рту, длиннее Желтухиного клюва, желтели клыки... Кот ударил короткой лапой, рванул марлю... У Желтухина нырнуло сердце, отвисли крылья... Но в это время — совсем вовремя — появился Никита, схватил кота за отставшую кожу и швырнул к двери. Василий Васильевич обиженно взвыл и убежал, волоча хвост.

«Сильнее Никиты нет зверя», — думал после этого случая Желтухин, и, когда опять подошел Никита, он дал себя погладить по головке, хотя со страху все же сел на хвост.

Кончался и этот день. Наутро совсем веселый Желтухин опять пошел осматривать помещение и

сразу же увидел дыру в том месте, где кот рванул марлю когтем. Желтухин просунул туда голову, осмотрелся, вылез наружу, прыгнул в текучий легкий воздух и, мелко-мелко трепеща крылышками, полетел над самым полом.

В дверях он поднялся и во второй комнате, у круглого стола, увидал четырех людей. Они ели — брали руками большие куски и клали их в рот. Все четверо обернули головы и, не двигаясь, глядели на Желтухина. Он понял, что нужно остановиться в воздухе и повернуть назад, но не мог сделать этого трудного на всем лету поворота — упал на крыло, перевернулся и сел на стол, между вазочкой с вареньем и сахарницей... И сейчас же увидел перед собой Никиту. Тогда, не раздумывая, Желтухин вскочил на вазочку, а с нее — на плечо Никиты и сел, нахохлился, даже глаза до половины прикрыл пленками.

Отсидевшись у Никиты на плече, Желтухин вспорхнул под потолок, поймал муху, посидел на фикусе в углу, покружился под люстрой и, проголодавшись, полетел к своему окну, где были приготовлены для него свежие червяки.

Перед вечером Никита поставил на подоконник деревянный домик с крылечком, дверкой и двумя окошечками. Желтухину понравилось, что внутри домика — темно, он прыгнул туда, поворочался и заснул.

А той же ночью, в чулане, кот Василий Васильевич, запертый под замок за покушение на разбой, орал хриплым мявом и не хотел даже ловить мышей, — сидел у двери и мяукал так, что самому было неприятно.

Так в доме, кроме кота и ежа, стала жить третья живая душа — Желтухин. Он был очень самостоя-

тельный, умен и предприимчив. Ему нравилось слушать, как разговаривают люди, и, когда они садились к столу, он вслушивался, нагнув голову, и выговаривал певучим голосом: «Саша», — и кланялся. Александра Леонтьевна уверяла, что он кланялся именно ей. Завидев Желтухина, матушка всегда говорила ему: «Здравствуй, здравствуй, птицын серый, энергичный и живой». Желтухин сейчас же вскакивал матушке на шлейф платья и ехал за ней очень довольный.

Так прожил он до осени, вырос, покрылся черными, отливавшими вороньим крылом перьями, научился хорошо говорить по-русски, почти весь день жил в саду, но в сумерки неизменно возвращался в свой дом на подоконнике.

В августе его сманили дикие скворцы в стаю, обучили летать, и, когда в саду стали осыпаться листья, Желтухин — чуть зорька — улетел с перелетными птицами за море в Африку.

ТУРГЕНЕВ
Иван Сергеевич
(1818-1883)

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собой дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы ал-

леи) и сидел неподвижно, беспомощно, растопырив едва прораставшие крылышки.

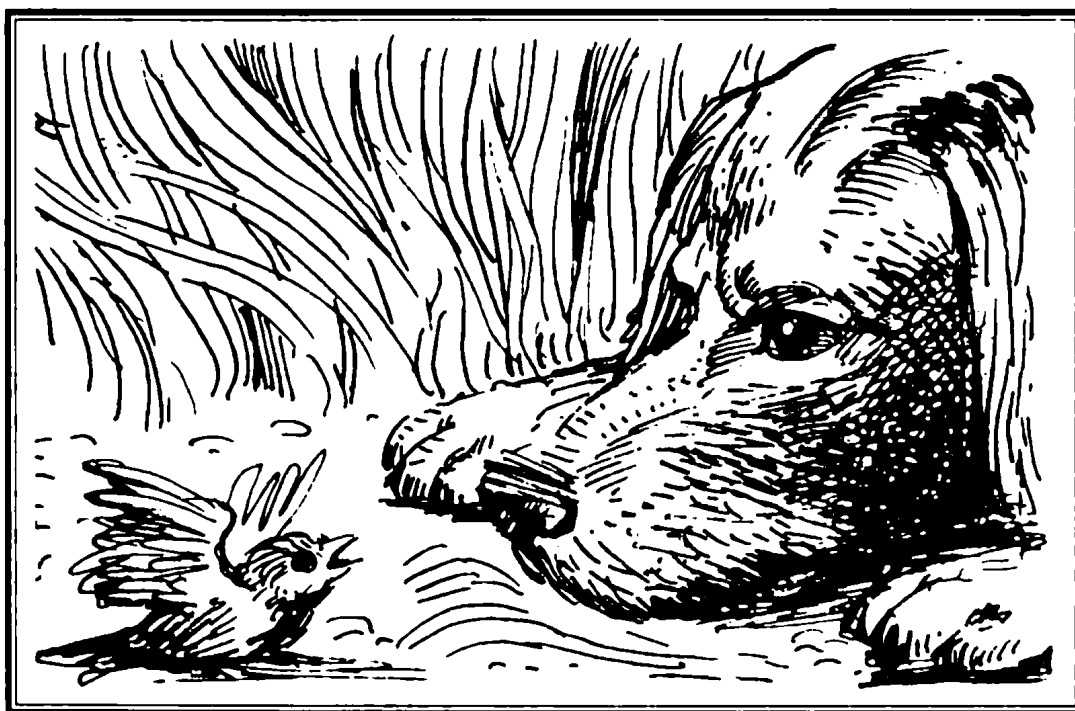
Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и, весь взъерошенный, искаженный, с отчаянием и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке. Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса и удалился, благоговая.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Морское плавание

Я плыл из Гамбурга в Лондон на небольшом пароходе. Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьянка, самка из породы уистити, которую один гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону.

Она была привязана тонкой цепочкой к одной из скамеек на палубе и металась и пищала жалобно по-птичьи.

Всякий раз, когда я проходил мимо, она протягивала мне свою черную, холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человеческими глазенками. Я брал ее руку — и она переставала пищать и метаться.

Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета. Оно казалось невеликим; густой туман лежал на нем, заволакивая самые концы мачт, и слепил и утомлял взор своей мягкой мглой. Солнце висело тускло-красным пятном в этой мгле; а перед вечером она вся загоралась и алела таинственно и странно.

Длинные прямые складки, подобные складкам тяжелых шелковых тканей, бежали одна за другой от носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконец, колыхались, исчеза-

ли. Взбитая пена клубилась под однообразно топтавшими колесами; молочно белея и слабо шипя, разбивалась она на змеевидные струи, — и там сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякал небольшой колокол у кормы.

Изредка всплывал тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходил под едва возмущенную гладь.

А капитан, молчаливый человек с загорелым сумрачным лицом, курил короткую трубку и сердито плевал в застывшее море.

На все мои запросы он отвечал отрывистым ворчанием; поневоле приходилось обращаться к моему единственному спутнику — обезьяне.

Я садился возле нее; она переставала пищать — и опять протягивала мне руку.

Снотворной сыростью обдавал нас обоих неподвижный туман; и, погруженные в одинаковую бессознательную думу, мы пребывали друг возле друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мне было другое чувство.

Все мы дети одной матери — и мне было приятно, что бедный зверёк так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному.

Голуби

Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотом, то посеребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь.

Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

Около меня солнце еще светило — горячо и тус-

кло; но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Все притаилось... все изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Не слышать, не видеть ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только где-то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий, крупный лист лопуха.

Как сильно пахнет полынь на межах! Я глядел на синюю громаду... и смутно было на душе. Ну скорей, скорей! — думалось мне, — сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнела.

И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

Летел, летел все прямо, прямо... и потонул за лесом.

Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уж *два* платка мелькают, *два* комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом *два* белых голубя.

И вот наконец сорвалась буря — и пошла потеха! Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, все закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

Но под навесом крыши, на самом краешке слу-

хового окна, рядышком сидят два белых голубя — и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привел и, может быть, спас.

Нахохлились оба — и чувствует каждый своим крылом крыло соседа...

Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них... Хоть я и один... один, как всегда.

ТОЛСТОЙ
Лев Николаевич
(1828-1910)

О муравьях

Один раз я пришла в кладовую достать варенья. Я взяла банку и увидела, что вся банка полна муравьями. Муравьи ползали и в середине, и сверху банки, и в самом варенье. Я вынула всех муравьев ложечкой, смела кругом с банки и поставила банку на верхнюю полку. На другой день, когда я пришла в кладовую, я увидела, что муравьи с полу приползли на верхнюю полку и опять заползли в варенье. Я взяла банку, опять очистила, обвязала веревкой и привесила на гвоздик к потолку. Когда я уходила из кладовой, я посмотрела еще раз на банку и увидела, что на ней остался один муравей, он скоро бегал кругом по банке. Я остановилась посмотреть, что он будет делать. Муравей побегал по стеклу, потом побежал по веревке, которой была обвязана банка, потом вбежал на веревочку, которой была привязана банка. Вбежал на потолок, с потолка побежал по стене вниз и на пол, где было много муравьев. Верно, муравей этот

рассказал другим, по какой дороге он пришел из банки, потому что сейчас же много муравьев пошли друг за другом по стене на потолок и по веревочке в банку, по той же самой дороге, по которой пришел муравей. Я сняла банку и поставила ее в другое место.

Булька

У меня была мордашка. Ее звали Булька. Она была вся черная, только кончики передних лап были белые.

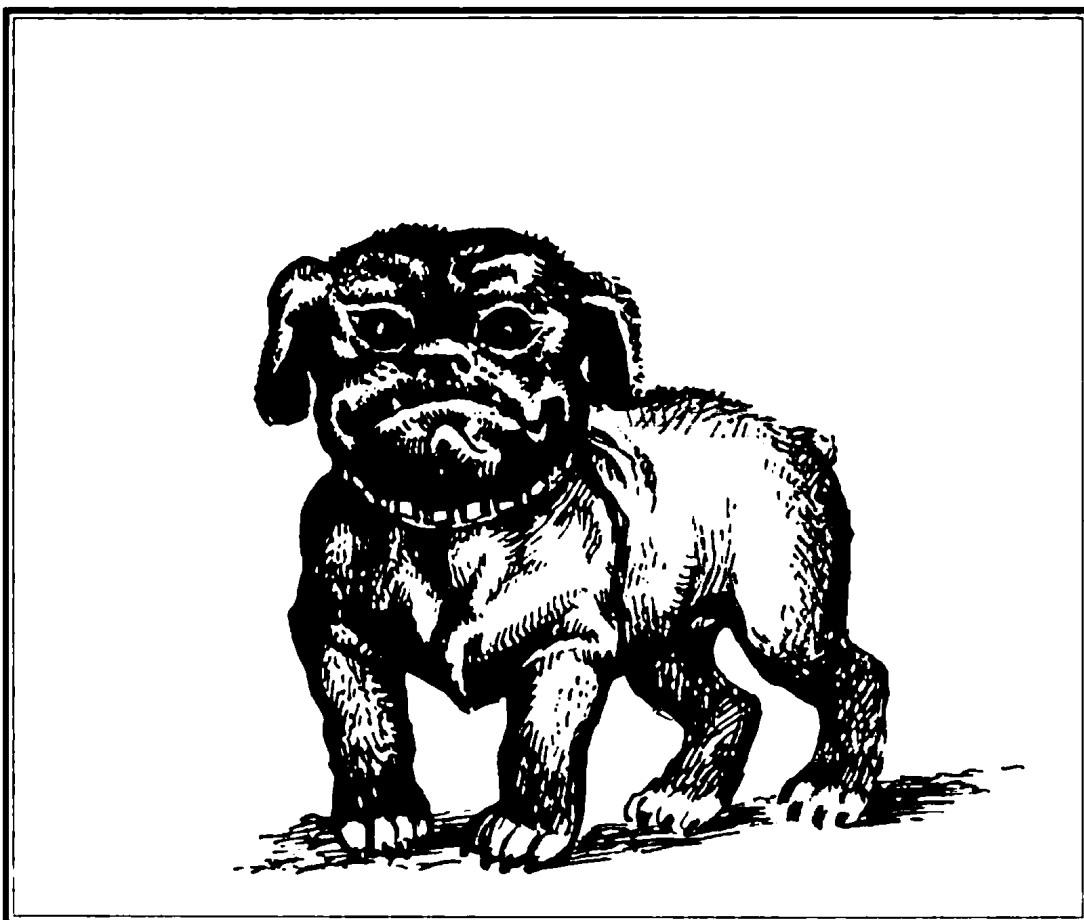
У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большие, черные и блестящие; и зубы, и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он бывало уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нем держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам откормил. Когда я ехал на Кавказ, я не хотел брать его и ушел от него потихоньку, а его велел запереть. На первой

станции я хотел уже садиться на другую перекладную, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то черное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотал слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не поспевал дышать; бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так верст двадцать в самый жар.

Орел

Орел свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орел подлетал к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла камнями.

Орел выронил рыбу, люди подняли ее и ушли.

Орел сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орел устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им перышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали.

Тогда орел отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали еще жалобнее.

Тогда орел вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю. Он вернулся только поздно вечером: он летел тихо и низко над землею; в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетел к дереву, он огляделся — нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орел разорвал рыбу и накормил детей.

Русак

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел

на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звезды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы прийти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади и скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Из ртов и носов их шел пар. Лошади их были потные, и к поту пристали иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошел к гумну. Собачонка от обоза увидела зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям; зайца держали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошел к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошел дальше. На деревне было все тихо, огни были потушены. Только слышался на улице плач ребенка в избе да треск мороза в бревнах изб. Заяц прошел на гумно и там нашел товари-

щей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесенной снегом, на овин и через плетень пошел назад к своему оврагу. На востоке свети- лась заря, звезд стало меньше, и еще гуще мороз- ный пар подымался над землею. В ближней де- ревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге еще больше шло обозов, и мужики громко разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошел к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лег задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смот- рение брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей; он ухватил на улице собачонку и принес ее в зве- ринец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клет- ки. Лев подошел к ней и понюхал ее.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком. Лев тронул ее лапой и перевер- нул.

Собачка вскочила и стала перед львом на зад- ние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал ее.

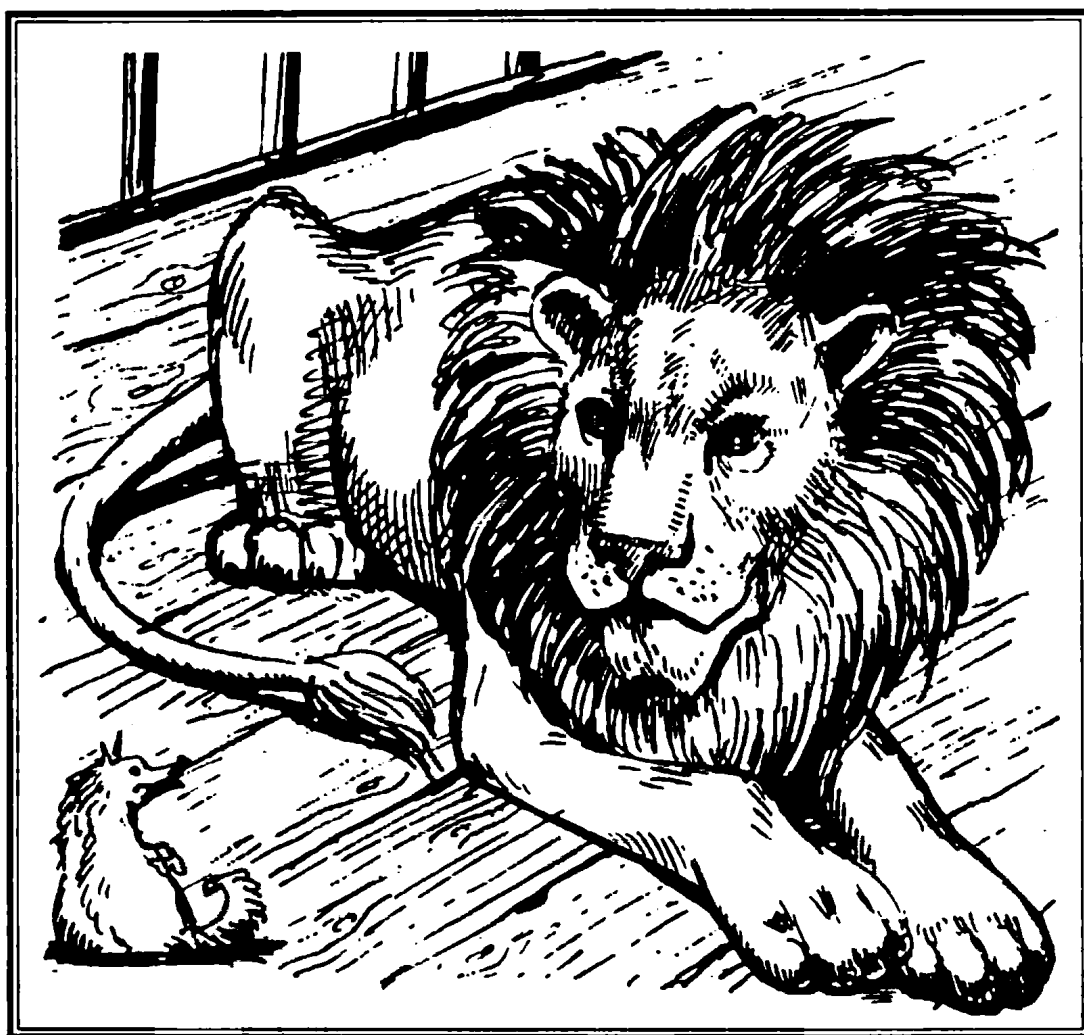
Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лег спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом. Лев не трогал ее, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришел в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а все нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался по клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих. Хозяин хотел вынести мертвую собачку, но лев никого не подпускал в ней.

Хозяин думал, что лев забудет свое горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал ее на куски. Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

КУПРИН
Александр Иванович
(1870-1938)

Белый пудель *(В сокращении)*

Дорожки сада были усыпаны ровным крупным гравием, хрустевшим под ногами, а с боков обставлены большими розовыми раковинами. На клумбах, над пестрым ковром из разноцветных трав, возвышались диковинные яркие цветы, от которых благоухал воздух. В водоемах журчала и плескалась прозрачная вода; из красивых ваз, висевших в воздухе между деревьями, спускались

гирляндами вниз вьющиеся растения, а перед домом, на мраморных столбах, стояли два блестящих зеркальных шара, в которых странствующая труппа отразилась вверх ногами, в смешном, изогнутом и растянутом виде. Перед балконом была большая утоптанная площадка. Сергей расстелил на ней свой коврик, а дедушка, установив шарманку на палке, уже приготовился вертеть ручку, как вдруг неожиданное и странное зрелище привлекло их внимание.

На террасу из внутренних комнат выскочил, как бомба, издавая пронзительные крики, мальчик лет восьми или десяти. Он был в легком матросском костюмчике, с обнаженными руками и голыми коленками. Белокурые волосы, все в крупных локонах, растрепались у него небрежно по плечам. Следом за мальчиком выбежало еще шесть человек: две женщины в фартуках; старый толстый лакей во фраке, без усов и без бороды, но с длинными бакенбардами; сухопарая, рыжая, красноногая девица в синем клетчатом платье; молодая, болезненного вида, но очень красивая дама в кружевном голубом капоте; и наконец толстый лысый господин в чесучовой паре и в золотых очках. Все они были сильно встревожены, махали руками, говорили громко и даже толкали друг друга. Сразу можно было догадаться, что причиной их беспокойства является мальчик в матросском костюме, так внезапно вылетевший на террасу.

Между тем виновник этой суматохи, ни на секунду не прекращая своего визга, с разбегу повалился животом на каменный пол, быстро перекатился на спину и с сильным ожесточением принялся дрыгать руками и ногами во все стороны. Взрослые засуетились вокруг него. Старый лакей

во фраке прижимал с умоляющим видом обе руки к накрахмаленной рубашке, тряс своими длинными бакенбардами и говорил жалобно:

— Батюшка, барин!.. Николай Аполлонович!.. Не извольте огорчать маменьку-с — встаньте... Будьте столь добренькие — выкушайте-с. Микстурка очень сладенькая, один сироп-с. Извольте подняться.

Женщины в фартуках всплескивали руками и щебетали скоро-скоро подобострастными и испуганными голосами. Красноносая девица кричала с трагическими жестами что-то очень внушительное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке. Рассудительным басом уговаривал мальчика господин в золотых очках; при этом он наклонял голову то на один, то на другой бок и степенно разводил руками. А красивая дама томно стонала, прижимая тонкий кружевной платок к глазам:

— Ах, Трилли, ах, боже мой!.. Ангел мой, я умоляю тебя. Послушай же, мама тебя умоляет. Ну, прими же, прими лекарство: увидишь, тебе сразу-сразу станет легче: и животик пройдет и головка. Ну, сделай это для меня, моя радость! Ну, хочешь, Трилли, мама станет перед тобой на коленях? Ну вот, смотри, я на коленях перед тобой. Хочешь, я тебе подарю золотой? Два золотых? Пять золотых, Трилли? Хочешь живого ослика? Хочешь живую лошадку?.. Да скажите же ему что-нибудь, доктор!..

— Послушайте, Трилли, будьте же мужчиной, — загудел толстый господин в очках.

— Ай-яй-яя-а-а-а! — вопил мальчик, извиваясь по балкону и отчаянно болтая ногами.

Несмотря на свое крайнее волнение, он все-

таки норовил попадать каблуками в животы и ноги возившихся вокруг него людей, которые от этого, впрочем, довольно ловко уклонялись. Сергей, долго глядевший с любопытством и удивлением на эту сцену, тихонько толкнул старика в бок.

— Дедушка Лодыжкин, что же это такое с ним? — спросил он шепотом. — Никак драть его будут?

— Ну вот, драть... Такой сам всякого посекает. Просто — блажной мальчишка. Больной, должно быть.

— Шамашедчий? — догадался Сергей.

— А я почему знаю. Тише!..

— Ай-яй-а-а! Дряни! Дураки!.. — надрывался все громче и громче мальчик.

— Начинай, Сергей. Я знаю! — распорядился вдруг Лодыжкин и с решительным видом завертел ручку шарманки.

По саду понеслись гнусавые, сиплые, фальшивые звуки старинного галопа. Все на балконе разом встрепенулись, даже мальчик замолчал на несколько секунд.

— Ай, боже мой, они еще больше расстроят бедного Трилли! — воскликнула плачевно дама в голубом капоте. — Ах, да прогоните же их, прогоните скорее! И эта грязная собака с ними. У собак всегда такие ужасные болезни. Что же вы стоите, Иван, точно монумент?

Человек во фраке быстро и мягко скатился с балкона и с выражением ужаса на лице, широко растопырив в стороны руки, подбежал к шарманщику.

— Эт-то что за безобразие? — захрипел он сдавленным, испуганным и в то же время начальственно-сердитым шепотом. — Кто позволил? Кто пропустил? Марш! Вон!..

Шарманка, уныло пискнув, замолкла.

— Господин хороший, разрешите вам объяснить...

— начал было деликатно дедушка.

— Никаких! Марш! — закричал с каким-то даже свистом в горле фрачный человек.

Его толстое лицо мигом побагровело, а глаза невероятно широко раскрылись, точно вдруг вылезли наружу, и заходили колесом. Это было настолько страшно, что дедушка невольно отступил на два шага назад.

— Собирайся, Сергей, — сказал он, поспешно вскидывая шарманку на спину. — Идем.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как с балкона понеслись новые пронзительные крики:

— Ай-яй-яй! Мне! Хочу! А-а! Да-й! Позвать! Мне!

— Но, Трилли!.. Ах, боже мой, Трилли! Ах, да воротите же их! — застонала нервная дама. — Ой, как вы все бестолковы!.. Иван, вы слышите, что вам говорят? Сейчас же позовите этих нищих!..

— Послушайте! Вы! Эй, как вас? Шарманщики! Вернитесь! — закричало с балконов несколько голосов.

Толстый лакей с разлетавшимися в обе стороны бакенбардами, подпрыгивая, как большой резиновый мяч, бегом бросился вслед уходящим артистам.

— Ну-ну, дела! — вздохнул, покрутив головой, дедушка, однако приблизился к балкону, снял шарманку, укрепил ее перед собою на палке и заиграл галоп с того самого места, на котором его только что прервали.

Суэта на балконе затихла. Барыня с мальчиком и господин в золотых очках подошли к самым перилам; остальные почтительно оставались на заднем плане. Из глубины сада пришел садовник

в фартуке и стал неподалеку от дедушки. Откуда-то вылезший дворник поместился позади дедушки.

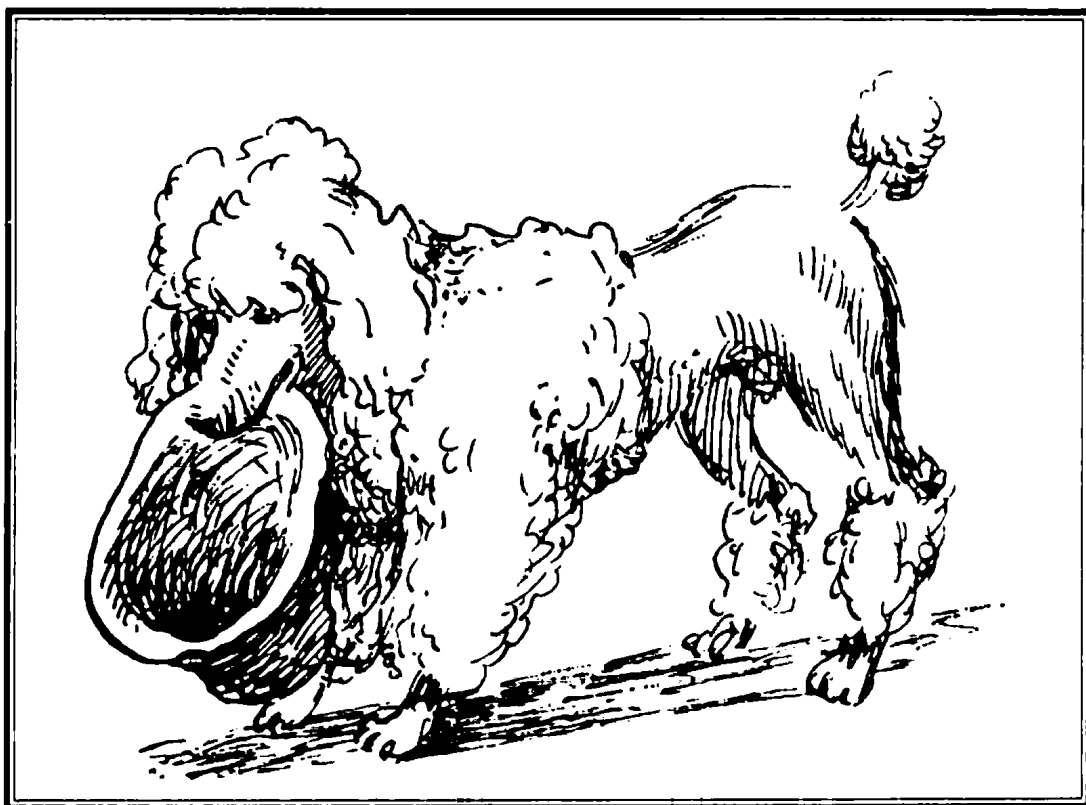
Под хриплые, заикающиеся звуки галопа Сергей разостлал на земле коврик, быстро скинул с ног парусиновые панталоны, сбросил с себя старую куртку и остался в стареньком нитяном трико, которое ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру.

Дедушка одной рукой непрерывно вертел ручку шарманки, а другой бросал мальчику разные предметы, которые тот искусно подхватывал на лету. Репертуар у Сергея был небольшой, но работал он хорошо, «чисто», как говорят акробаты, и с охотой. Он подкидывал вверх пустую пивную бутылку, так что она несколько раз перевертывалась в воздухе, и вдруг поймав ее горлышком на край тарелки, несколько секунд держал ее в равновесии; жонглировал четыремя костяными шариками, а также двумя свечками, которые он одновременно ловил в подсвечники; потом играл сразу тремя различными предметами — веером, деревянной сигарой и дождевым зонтом. Все они летали у него по воздуху, не прикасаясь к земле, и вдруг сразу зонт оказался над головой, сигара — во рту, а веер обмахивал лицо. В заключение Сергей сам несколько раз перекувырнулся на ковре, сделал «лягушку», показал «американский узел» и походил на руках. Истошив весь запас своих «трюков», он опять бросил в публику два поцелуя и, тяжело дыша, подошел к дедушке, чтобы заменить его у шарманки.

Теперь была очередь Арто. Пес это отлично знал и уже давно скакал в волнении...

— Служить, Арто! Так, так, так... — приговари-

вал старик, держа над головой пуделя хлыст. — Перевернись... Еще, еще... Танцуй, собачка, танцуй!.. Садись! Что-о? Не хочешь? Садись, тебе говорят. А-а... то-то! Смотри! Теперь поздоровайся с почтеннейшей публикой. Ну! Арто! — грозно возвысил голос Лодыжкин. «Гав!» — брехнул с отвращением пудель. Потом поглядел, жалобно моргая глазами, на хозяина и добавил еще два раза: «Гав, гав!» — Вот это — другое дело. Вежливость прежде всего. Ну, а теперь немножко попрыгаем, — продолжал старик, протягивая невысоко над землею хлыст. — Алле! Нечего, брат, язык-то высовывать. Алле! Гоп! Прекрасно! А ну-ка еще, нох ейн маль... Алле! Гоп! Алле! Гоп! Чудесно, собачка. Придем домой, я тебе морковки дам. А, ты морковку не кушаешь? Я и забыл совсем. Тогда возьми мою чилиндру и попроси у господ. Может, они тебе припожалуют что-нибудь повкуснее.

Старик поднял собаку на задние лапы и всунул ей в рот свой древний засаленный картуз, который он с таким тонким юмором называл «чилиндрой».

Держа картуз в зубах и жеманно переступая приседающими ногами, Арто подошел к террасе. В руках у болезненной дамы появился маленький перламутровый кошелек. Все окружающие сочувственно улыбались.

В это время с террасы раздался такой отчаянный, резкий, почти нечеловеческий вопль, что растерявшийся Арто выронил изо рта шапку и вприпрыжку, с поджатым хвостом, боязливо оглядываясь назад, бросился к ногам своего хозяина.

— Хочу-у-а-а! — закатывался, топая ногами, кудрявый мальчик. — Мне! Хочу! Собаку-у-у! Трилли хочет соб-а-аку-у...

— Ах, боже мой! Ах, Николай Аполлоныч!.. Батюшка барин!.. Успокойся, Трилли, умоляю тебя! — опять засуетились люди на балконе.

— Собаку! Подай собаку! Хочу! Дряни, черти, дураки! — выходил из себя мальчик.

— Но, ангел мой, не расстраивай себя! — залепетала над ним дама в голубом капоте. — Ты хочешь погладить собачку! Ну, хорошо, хорошо, моя радость, сейчас. Доктор, как вы полагаете, можно Трилли погладить эту собаку?

— Вообще говоря, я не советовал бы, — развел тот руками, — но если надежная дезинфекция, например, борной кислотой или слабым раствором карболки, то-о... вообще...

— Соба-а-аку!

— Сейчас, моя прелесть, сейчас. Итак, доктор, мы прикажем вымыть ее борной кислотой и тогда... Но, Трилли, не волнуйся же так! Старик,

подведите, пожалуйста, вашу собаку сюда. Не бойтесь, вам заплатят. Слушайте, она у вас не больная? Я хочу спросить, она не бешеная? Или, может быть, у нее эхинококки!

— Не хочу погладить, не хочу! — ревел Трилли, пуская ртом и носом пузыри. — Хочу совсем! Дураки, черти! Совсем мне! Хочу сам играть... Навсегда!

— Послушайте, старик, подойдите сюда, — силлась перекричать его барыня. — Ах, Трилли, ты убьешь маму своим криком. И зачем только пустили этих музыкантов! Да подойдите же ближе, еще ближе... еще, вам говорят!.. Вот так... Ах, не огорчайся же, Трилли, мама сделает все, что хочешь. Умоляю тебя. Мисс, да успокойте же, наконец, ребенка... Доктор, прошу вас... Сколько же ты хочешь, старик?

Дедушка снял картуз. Лицо его приняло утливое, сиротское выражение.

— Сколько вашей милости будет угодно, барыня... Мы люди маленькие, нам всякое даяние — благо... Чай, сами старичка не обидите...

— Ах, как вы бестолковы! Трилли, у тебя заболит горлышко. Ведь поймите, что собака ваша, а не моя. Ну, сколько? Десять? Пятнадцать? Двадцать?

— А-а-а! Хочу! Дайте собаку, дайте собаку, — взвизгивал мальчик, толкая лакея в круглый живот ногой.

— То есть... простите, ваше сиятельство, — замялся Лодыжкин. — Я — человек старый, глупый... Сразу-то мне не понять... к тому же и глуховат малость... то есть как это вы изволите говорить?... За собаку?..

— Ах, мой бог!.. Вы, кажется, нарочно притво-

рываетесь идиотом? — вскипела дама. — Няня, дайте поскорее Трилли воды! Я вас спрашиваю русским языком, за сколько вы хотите продать вашу собаку? Понимаете, вашу собаку, собаку...

— Собаку! Соба-аку! — залился громче прежнего мальчик.

Лодыжкин обиделся и надел на голову картуз.

— Собаками, барыня, я не торгую-с, — сказал он холодно и с достоинством. — А этот пес, сударыня, можно сказать, нас двоих... — Он показал большим пальцем через плечо на Сергея. — ...нас двоих кормит, поит и одевает. И никак этого невозможно, что, например, продать.

Трилли между тем кричал с пронзительностью паровозного свистка. Ему подали стакан воды, но он яростно выплеснул его в лицо гувернантке.

— Да послушайте же, безумный старик!.. Нет вещи, которая бы не продавалась, — настаивала дама. — Может быть, ваша собака стоит сто рублей? Ну, двести? Триста? Да отвечайте же, истукан! Доктор, скажите ему что-нибудь, ради бога!

— Собирайся, Сергей, — угрюмо проворчал Лодыжкин. — Ис-ту-ка-н... Арто, иди сюда!..

— Э-э, постой-ка, любезный, — начальственным басом протянул толстый господин в золотых очках. — Ты бы лучше не ломался, мой милый, вот что тебе скажу. Собаке твоей десять рублей красная цена, да еще вместе с тобой напридачу... Ты подумай, осел, сколько тебе дают!

— Покорнейше вас благодарю, барин, а только... — Лодыжкин, кряхтя, вскинул шарманку за плечи. — Только никак это дело не выходит, чтобы, значит, продавать. Счастливо оставаться...

— Дворник! Семен! Гоните их! — закричала с искаженным от гнева лицом барыня.

Мрачный дворник в розовой рубашке со зловещим видом приблизился к артистам. На террасе поднялся страшный разноголосый гам: ревел благим матом Трилли, стонала мать, скороговоркой причитали нянька с поднянькой, гудел доктор. Но дедушка и Сергей уже не имели времени посмотреть, чем все это кончится. Предшествоваемые изрядно струсившим пуделем, они почти бегом спешили к воротам...

Долгое время старик и мальчик шли молча, но вдруг, точно по уговору, взглянули друг на друга и рассмеялись: сначала захохотал Сергей, а потом, глядя на него, но с некоторым смущением, улыбнулся и Лодыжкин.

Выйдя из парка, бродячая труппа спустилась крутой, сыпучей тропинкой к морю.

— Тут и выкупаемся, дедушка Лодыжкин, — сказал решительно Сергей.

Он быстро разделся, звонко хлопнул себя ладонями по голому шоколадному от загара телу и

бросился в воду, подымая вокруг себя бугры кипящей пены.

Дедушка разделся не торопясь. Прикрыв глаза ладонью от солнца и щурясь, он с любовной усмешкой глядел на Сергея.

Арто неистово лаял и скакал по берегу. Его беспокоило, что мальчик заплыл так далеко.

— Эй, Сережа, вылезай что ли, в самом деле, будет тебе! — позвал старик.

— Сейчас, дедушка Лодыжкин, — отозвался мальчик. — Смотри, как я пароходом плыву. У-у-у-ух!

Он, наконец, подплыл к берегу, но прежде чем одеться, схватил на руки Арто и, вернувшись с ним в море, бросил его далеко в воду. Собака тотчас же поплыла назад, выставив наружу только одну морду со всплывшими наверх ушами, громко и обиженно фыркая. Выскочив на сушу, она затряслась всем телом, и тучи брызг полетели на старика и на Сергея..

(Вдруг неожиданно появился дворник, который принялся уговаривать дедушку продать пуделя. Но дедушка был категоричен. Однако дворнику удалось украсть собаку. Ночью Сережа решает проникнуть в барскую усадьбу, чтобы вернуть Арто.)

...Никогда в жизни мальчик не испытывал такого мучительного ощущения полной беспомощности, заброшенности и одиночества, как теперь. Огромный дом казался ему наполненным беспощадными притаившимися врагами, которые тайно, с злобной усмешкой следили из темных окон за каждым движением маленького, слабого мальчика...

— Арто! Артошка! — позвал Сергей дрожащим шепотом.

Неистовый, срывающийся лай сразу наполнил весь сад, отозвавшись во всех его уголках. В этом

лае вместе с радостным приветом смешивалась и жалоба, и злость, и чувство физической боли. Слышно было, как собака изо всех сил рвалась в темном подвале, силясь от чего-то освободиться.

— Арто! Собакушка!.. Артошенька!.. — вторил ей плачущим голосом мальчик.

— Цыц, окаянная! — раздался снизу зверский, басовый крик. — У, каторжная!

Что-то стукнуло в подвале. Собака залилась длинным прерывистым воем.

— Не смей бить! Не смей бить собаку, проклятый! — закричал в исступлении Сергей, царапая ногтями каменную стену.

Все, что произошло потом, Сергей помнил смутно, точно в каком-то бурном горячечном бреду. Дверь подвала широко с грохотом распахнулась, и из нее выбежал дворник. В одном нижнем белье, босой, бородатый, он показался Сергею великаном, сказочным чудовищем.

— Кто здесь бродит? Застрелю! — загрохотал, точно гром, его голос по саду. — Воры! Грабят!

Но в ту же минуту из темноты раскрытой двери, как белый прыгающий комок, выскочил с лаем Арто. На шее у него болтался обрывок веревки...

Не раздумывая, подчиняясь одному чувству страха, Сергей побежал вдоль стены. Острые иглы кипарисов, густо и едко пахнувших смолой, хлестали его по лицу. Он спотыкался о корни, падал, разбивая себе в кровь руки, но тотчас же вставал, не замечая даже боли, и опять бежал вперед, согнувшись почти вдвое. Арто кинулся следом за ним.

Так бежал он по узкому коридору, образованному с одной стороны высокой стеной, а с другой — тесным строем кипарисов, бежал, точно ма-

ленький обезумевший от ужаса зверек, попавший в бесконечную западню. Во рту у него пересохло, и каждое дыхание колело в груди тысячью иголок. Топот дворника доносился то справа, то слева, и потерявший голову мальчик бросался то вперед, то назад, несколько раз пробегая мимо ворот и опять ныряя в темную, тесную лазейку.

Наконец Сергей выбился из сил. Сквозь дикий ужас им стала постепенно овладевать холодная, вялая тоска, тупое равнодушие ко всякой опасности. Он сел под дерево, прижался к его стволу изнемогшим от усталости телом и зажмурил глаза. Все ближе и ближе хрустел песок под грузными шагами врага. Арто тихо повизгивал, уткнув морду в колени Сергея.

В двух шагах от мальчика зашумели ветви, раздвигаемые руками. Сергей бессознательно поднял глаза кверху и вдруг, охваченный невероятной радостью, вскочил одним толчком на ноги. Он только теперь заметил, что стена напротив того места, где он сидел, была очень низкая. Правда, верх ее был утыкан вмазанными в известку бутылочными осколками, но Сергей не задумывался над этим. Мигом схватил он поперек туловища Арто и поставил его передними лапами на стену. Умный пес отлично понял его. Он быстро вскарабкался на стену, замахал хвостом и победно залаял. Следом за ним очутился на стене и Сергей, как раз в то время, когда из расступившихся ветвей кипарисов выглянула большая темная фигура. Два гибких, ловких тела — собаки и мальчика — быстро и мягко прыгнули вниз на дорогу. Вслед им понеслась, подобно грязному потоку, скверная, свирепая ругань.

Был ли дворник менее проворным, чем два дру-

га, устал ли он от кружения по саду, или просто не надеялся догнать беглецов, но он не преследовал их больше. Тем не менее они долго еще бежали без отдыха, — оба сильные, ловкие, точно окрыленные радостью избавления. К пуделю скоро вернулось его обычное легкомыслие. Сергей еще оглядывался боязливо назад, а Арто уже скакал на него, восторженно болтая ушами и обрывком веревки, и все изловчался лизнуть его с разбегу в самые губы.

Мальчик пришел в себя только у источника, у того самого, где накануне днем они с дедушкой завтракали. Припавши вместе ртами к холодному водоему, собака и человек долго и жадно глотали свежую, вкусную воду...

Опасность миновала, все ужасы этой ночи прошли без следа, и им обоим весело и легко было идти по белой дороге, ярко освещенной луной, между темными кустарниками, от которых уже тянуло утренней сыростью и сладким запахом освеженного листа...

Сергей не хотел будить дедушку, но это сделал за него Арто. Он в одно мгновение отыскал старика среди груды валявшихся по полу тел и, прежде чем тот успел опомниться, облизал ему с радостным визгом щеки, глаза, нос и рот.

Дедушка проснулся, увидел на шее пуделя веревку, увидел лежащего рядом с собой покрытого пылью мальчика и все понял. Он обратился было к Сергею за разъяснением, но не мог ничего добиться. Мальчик уже спал, разметав в стороны руки и широко раскрыв рот.

Слон

I

Маленькая девочка нездорова. Каждый день к ней ходит доктор Михаил Петрович, которого она знает уже давно-давно. А иногда он приводит с собою еще двух докторов, незнакомых. Они переворачивают девочку на спину и на живот, слушают что-то, приложив ухо к телу, оттягивают вниз глазные веки и смотрят. При этом они как-то важно посапывают, лица у них строгие, и говорят они между собой на непонятном языке.

Потом переходят из детской в гостиную, где их дожидается мама. Самый главный доктор — высокий, седой, в золотых очках — рассказывает ей о чем-то серьезно и долго. Дверь не закрыта, и девочке с ее кровати все видно и слышно. Многого она не понимает, но знает, что речь идет о ней. Мама глядит на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный доктор говорит громко:

— Главное — не давайте ей скучать. Исполняйте все ее капризы.

— Ах, доктор, но она ничего не хочет!

— Ну, не знаю... вспомните, что ей нравилось раньше, до болезни. Игрушки... какие-нибудь лакомства...

— Нет, нет, доктор, она ничего не хочет...

— Ну, постарайтесь ее как-нибудь развлечь... Ну, хоть чем-нибудь... Даю вам честное слово, что если вам удастся ее рассмешить, развеселить, то это будет лучшим лекарством. Поймите же, что ваша дочка больна равнодушием к жизни, и больше ничем. До свиданья, сударыня!

II

— Милая Надя, милая моя девочка, — говорит мама, — не хочется ли тебе чего-нибудь?

— Нет, мама, ничего не хочется.

— Хочешь, я посажу к тебе на постельку всех твоих кукол? Мы поставим креслица, диван, столик и чайный прибор. Куклы будут пить чай и разговаривать о погоде и о здоровье своих детей.

— Спасибо, мама... Мне не хочется... Мне скучно...

— Ну, хорошо, моя девочка, не надо кукол. А может быть, позвать к тебе Катю или Женичку? Ты ведь их так любишь.

— Не надо, мама. Правда же, не надо. Я ничего, ничего не хочу. Мне так скучно!

— Хочешь, я тебе принесу шоколаду?

Но девочка не отвечает и смотрит в потолок неподвижными, невеселыми глазами. У нее ничего не болит и даже нету жара. Но она худеет и слабе-

ет с каждым днем. Что бы с ней ни делали, ей все равно, и ничего ей не нужно. Так лежит она целые дни и целые ночи, тихая, печальная. Иногда она задремлет на полчаса, но и во сне ей видится что-то серое, длинное, скучное, как осенний дождик.

Когда из детской отворена дверь в гостиную, а из гостиной дальше — в кабинет, то девочка видит папу. Папа ходит быстро из угла в угол и все курит, курит. Иногда он приходит в детскую, садится на край постельки и тихо поглаживает Надины ноги. Потом вдруг встает и отходит к окну. Он что-то насвистывает, глядя на улицу, но плечи у него трясутся. Затем он торопливо прикладывает платок к одному глазу, к другому и, точно рассердясь, уходит к себе в кабинет. Потом он опять бегаёт из угла в угол и все курит, курит, курит... И кабинет от табачного дыма делается весь синий.

III

Но однажды утром девочка просыпается немного бодрее, чем всегда. Она что-то видела во сне, но никак не может вспомнить, что именно, и смотрит долго и внимательно в глаза матери.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает мама.

Но девочка вдруг вспоминает свой сон и говорит шепотом, точно по секрету:

— Мама... а можно мне... слона? Только не того, который нарисован на картинке... Можно?

— Конечно, моя девочка, конечно, можно.

Она идет в кабинет и говорит папе, что девочка хочет слона. Папа тотчас же надевает пальто и шляпу и куда-то уезжает. Через полчаса он воз-

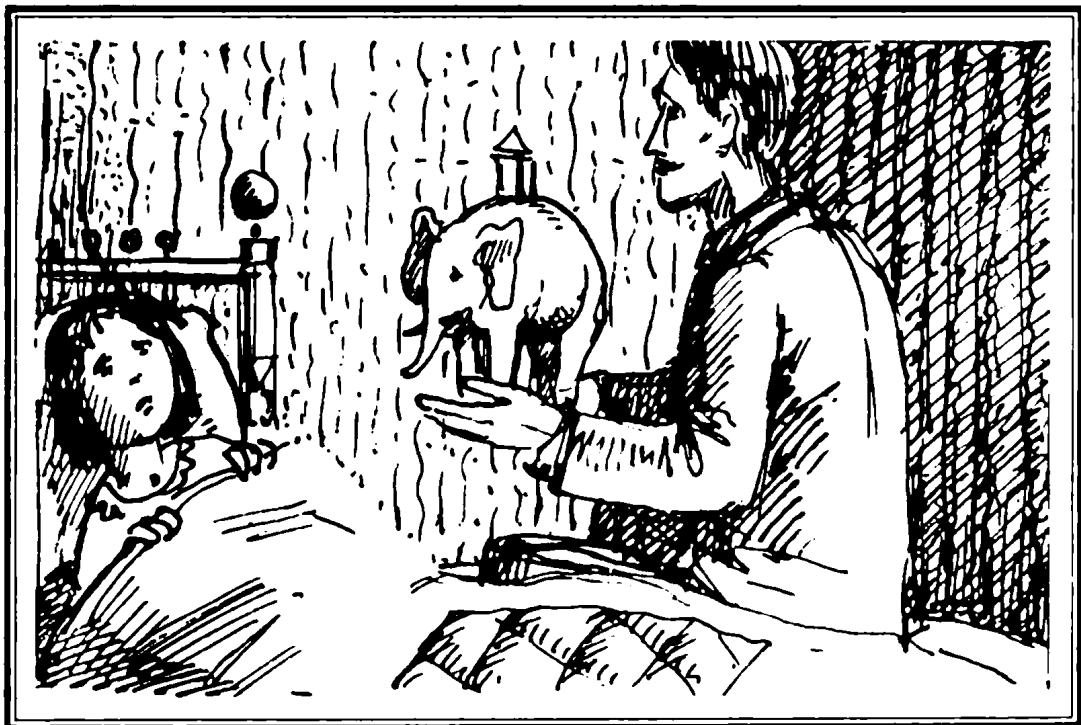
вращается с дорогой красивой игрушкой. Это большой серый слон, который сам качает головой и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка, и в ней сидят трое маленьких человечков. Но девочка глядит на игрушку так же равнодушно, как на потолок и на стены, и говорит вяло:

— Нет. Это совсем не то. Я хотела настоящего, живого слова, а этот мертвый.

— Ты погляди только, Надя, — говорит папа. — Мы его сейчас заведем, и он будет совсем-совсем как живой.

Слона заводят ключиком, и он, покачивая головой и помахивая хвостом, начинает переступать ногами и медленно идет по столу. Девочке это совсем не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчет кротко:

— Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нет такой интересной игрушки...

Только... помнишь... ведь ты давно обещал свозить меня в зверинец, посмотреть на настоящего слона... и ни разу не повез.

— Но, послушай же, милая моя девочка, пойми, что это невозможно. Слон очень большой, он до потолка, он не поместится в наших комнатах... И потом, где я его достану?

— Папа, да мне не нужно такого большого. Ну, хоть вот-вот такого... Хоть слоненышка.

— Милая девочка, я рад все для тебя сделать, но этого я не могу. Ведь это все равно, как если бы ты вдруг мне сказала: папа, достань мне с неба солнце.

Девочка грустно улыбается.

— Какой ты глупый, папа. Разве я не знаю, что солнце нельзя достать, потому что оно жжется! И луну тоже нельзя. Нет, мне бы слоника... настоящего.

И она тихо закрывает глаза и шепчет:

— Я устала... Извини меня, папа...

Папа хватается себя за волосы и убегает в кабинет. Там он некоторое время мелькает из угла в угол. Потом решительно бросает на пол недокуренную папиросу (за что ему всегда достается от мамы) и кричит горничной:

— Ольга! Пальто и шляпу!

В переднюю выходит жена.

— Ты куда, Саша? — спрашивает она.

Он тяжело дышит, застегивая пуговицы пальто.

— Я сам, Машенька, не знаю куда... Только, кажется, я сегодня к вечеру и в самом деле приведу сюда, к нам, настоящего слона.

Жена смотрит на него тревожно.

— Милый, здоров ли ты? Не болит ли у тебя голова? Может быть, ты плохо спал сегодня?

— Я совсем не спал, — отвечает он сердито. — Я вижу, ты хочешь спросить, не сошел ли я с ума? Покамест нет еще. До свиданья! Вечером все будет видно.

И он исчезает, громко хлопнув входной дверью.

IV

Через два часа он сидит в зверинце, в первом ряду, и смотрит, как ученые звери по приказанию хозяина выделывают разные штуки. Умные собаки прыгают, кувыркаются, танцуют, поют под музыку, складывают слова из больших картонных букв. Обезьянки — одни в красных юбках, другие в синих штанишках — ходят по канату и ездят верхом на большом пуделе. Огромные рыжие львы скачут сквозь горящие обручи. Неуклюжий тюлень стреляет из пистолета. Под конец выводят слонов. Их три: один большой, два совсем маленькие, карлики, но все-таки ростом куда больше, чем лошадь. Странно смотреть, как эти громадные животные, на вид такие неповоротливые и тяжелые, исполняют самые трудные фокусы, которые не под силу и очень ловкому человеку. Особенно отличается самый большой слон. Он становится сначала на задние лапы, садится, становится на голову, ногами вверх, ходит по деревянным бутылкам, ходит по катящейся бочке, переворачивает хоботом страницы большой картонной книги и, наконец, садится за стол и, повязавшись салфеткой, обедает, совсем как благовоспитанный мальчик.

Представление оканчивается. Зрители расходятся. Надин отец подходит к толстому немцу, хозя-

ину зверинца. Хозяин стоит за дощатой перегородкой и держит во рту большую черную сигару.

— Извините, пожалуйста, — говорит Надин отец. — Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мне домой на некоторое время?

Немец от удивления широко открывает глаза и даже рот, отчего сигара падает на землю. Он, кряхтя, нагибается, подымает сигару, вставляет ее опять в рот и только тогда произносит:

— Отпустить? Слона? Домой? Я вас не понимаю.

По глазам немца видно, что он тоже хочет спросить, не болит ли у Надиного отца голова... Но отец поспешно объясняет, в чем дело: его единственная дочь Надя больна какой-то странной болезнью, которой даже доктора не понимают как следует. Она лежит уже месяц в кроватке, худеет, слабеет с каждым днем, ничем не интересуется, скучает и потихоньку гаснет. Доктора велят ее развлекать, но ей ничто не нравится; велят исполнять все ее желания, но у нее нет никаких желаний. Сегодня она захотела видеть живого слона. Неужели это невозможно сделать?

И он добавляет дрожащим голосом, взявши немца за пуговицу пальто:

— Ну, вот... Я, конечно, надеюсь, что моя девочка выздоровеет. Но... но... а вдруг ее болезнь окончится плохо... вдруг девочка умрет?.. Подумайте только: ведь меня всю жизнь будет мучить мысль, что я не исполнил её последнего желания, самого последнего желания!..

Немец хмурится и в раздумье чешет мизинцем левую бровь. Наконец он спрашивает:

— Гм... А сколько вашей девочке лет?

— Шесть.

— Гм... Моей Лизе тоже шесть... Но, знаете, вам это будет дорого стоить. Придется привести слона ночью и только на следующую ночь увести обратно. Днем нельзя. Соберется публикум, и делается один скандал... Таким образом, выходит, что я теряю целый день, и вы мне должны возратить убыток.

— О, конечно, конечно... не беспокойтесь об этом...

— Потом: позволит ли полиция вводить один слон в один дом?

— Я это устрою. Позволит.

— Еще один вопрос: позволит ли хозяин вашего дома вводить в свой дом один слон?

— Позволит. Я сам хозяин этого дома.

— Ага! это еще лучше. И потом еще один вопрос: в котором этаже вы живете?

— Во втором.

— Гм... Это уж не так хорошо... Имеете ли вы в своем доме широкую лестнице, высокий потолок, большую комнату, широкие двери и очень крепкий пол? Потому что мой Томми имеет высоту три аршина и четыре вершка, а в длину пять с половиной аршин. Кроме того, он весит сто двенадцать пудов.

Надин отец задумывается на минуту.

— Знаете ли что? — говорит он. — Поедем сейчас ко мне и рассмотрим все на месте. Если надо, я прикажу расширить проход в стенах.

— Очень хорошо! — соглашается хозяин зверинца.

Ночью слона ведут в гости к больной девочке. В белой попоне он важно шагает по самой середине улицы, покачивает головой и то свивает, то развивает хобот. Вокруг него, несмотря на поздний час, большая толпа. Но слон не обращает на нее внимания: он каждый день видит сотни людей в зверинце. Только один раз он немного рассердился.

Какой-то уличный мальчишка подбежал к нему под самые ноги и начал кривляться на потеху зевакам.

Тогда слон спокойно снял с него хоботом шляпу и перекинул ее через соседний забор, утыканный гвоздями.

Городовой идет среди толпы и уговаривает ее:

— Господа, прошу разойтись. И что вы тут находите такого необыкновенного? Удивляюсь! Точно не видали никогда живого слона на улице.

Подходят к дому. На лестнице, так же как и по всему пути слона, до самой столовой, все двери растворены настежь, для чего приходилось отбивать молотком дверные щеколды.

Но перед лестницей слон останавливается в беспокойстве и упрямится.

— Надо дать ему какое-нибудь лакомство... — говорит немец. — Какой-нибудь сладкий булка или что...

Но... Томми! Ого-го... Томми!..

Надин отец бежит в соседнюю булочную и покупает большой круглый фисташковый торт. Слон обнаруживает желание проглотить его целиком вместе с картонной коробкой, но немец дает ему всего четверть. Торт приходится по вкусу Томми, и он протягивает хобот за вторым ломтем, однако

немец оказывается хитрее. Держа в руке лакомство, он подымается вверх со ступеньки на ступеньку, и слон с вытянутым хоботом, с растопыренными ушами поневоле следует за ним. На площадке Томми получает второй кусок.

Таким образом его приводят в столовую, откуда заранее вынесена вся мебель, а пол густо застлан соломой... Слона привязывают за ногу к кольцу, ввинченному в пол. Кладут перед ним свежей моркови, капусты и репы. Немец располагается рядом, на диване. Тушат огни, и все ложатся спать.

VI

На другой день девочка просыпается чуть свет и прежде всего спрашивает:

— А что же слон? Он пришел?

— Пришел, — отвечает мама. — Но только он велел, чтобы Надя сначала умылась, потом съела яйцо всмятку и выпила горячего молока.

— А он добрый?

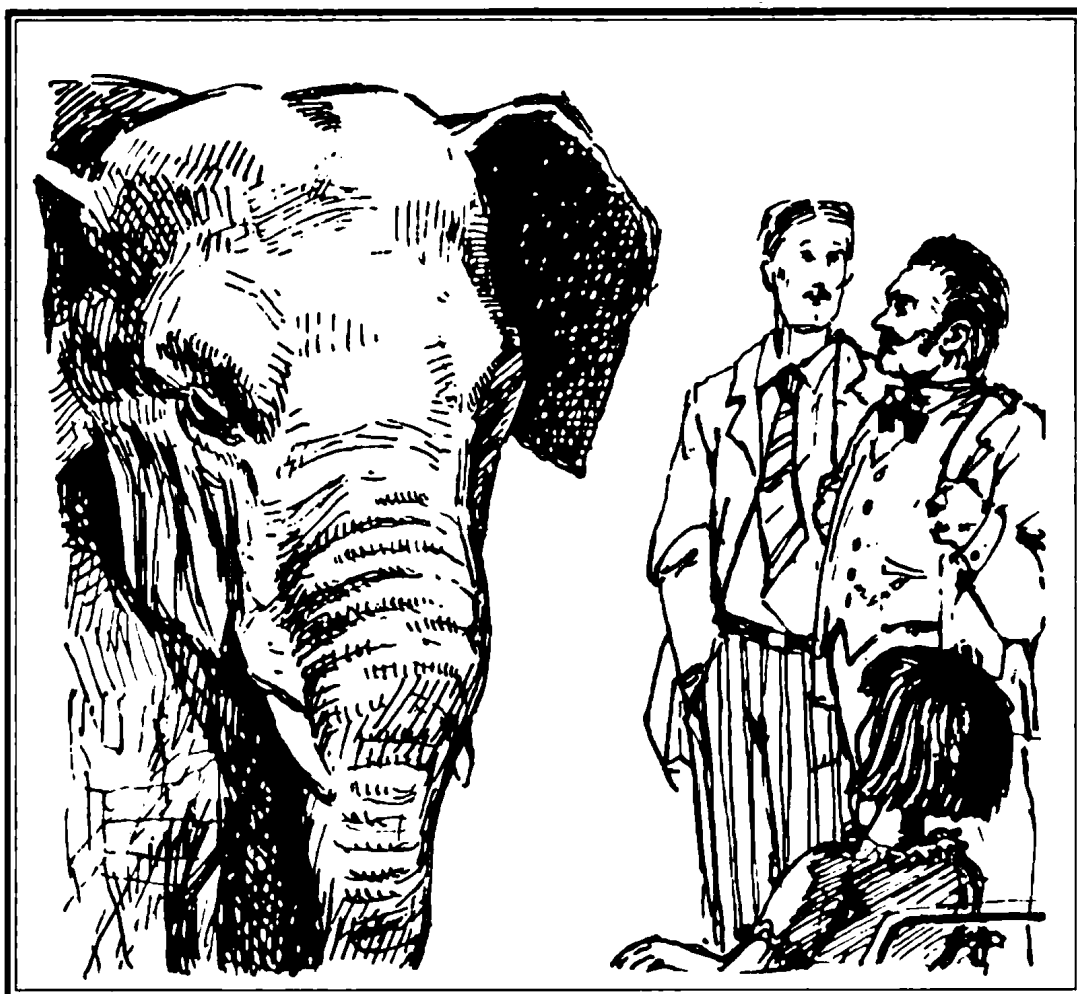
— Он добрый. Кушай, девочка. Сейчас мы пойдем к нему.

— А он смешной?

— Немножко. Надень теплую кофточку.

Яйцо быстро съедено, молоко выпито. Надю сажают в ту самую колясочку, в которой она ездила, когда была еще такой маленькой, что совсем не умела ходить, и везут в столовую.

Слон оказывается гораздо больше, чем думала Надя, когда разглядывала его на картинке. Ростом он только чуть-чуть пониже двери, а в длину занимает половину столовой. Кожа на нем грубая, в тяжелых складках. Ноги толстые, как столбы.

Длинный хвост с чем-то вроде помела на конце. Голова в больших шишках. Уши большие, как лопухи, и висят вниз. Глаза совсем крошечные, но умные и добрые. Клыки обрезаны. Хобот точно длинная змея и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижный, гибкий палец. Если бы слон вытянул хобот во всю длину, то наверно достал бы им до окна.

Девочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животного. Зато нянька, шестнадцатилетняя Поля, начинает визжать от страха.

Хозяин слона, немец, подходит к колясочке и говорит:

— Доброго утра, барышня! Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любит детей.

Девочка протягивает немцу свою маленькую, бледную ручку.

— Здравствуйте. Как вы поживаете? — отвечает она. — Я вовсе ни капельки не боюсь. А как его зовут?

— Томми.

— Здравствуйте, Томми, — произносит девочка и кланяется головой. Оттого, что слон такой большой, она не решается говорить ему на ты. — Как вы спали эту ночь?

Она и ему протягивает руку. Слон осторожно берет и пожимает ее тоненькие пальчики своим подвижным сильным пальцем и делает это гораздо нежнее, чем доктор Михаил Петрович. При этом слон качает головой, а его маленькие глаза совсем сузились, точно смеются.

— Ведь он все понимает? — спрашивает девочка немца.

— О, решительно все, барышня!

— Но только он не говорит?

— Да, вот только не говорит. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, как и ты. Ее зовут Лиза. Томми с ней большой, очень большой приятель.

— А вы, Томми, уже пили чай? — спрашивает девочка слона.

Слон опять вытягивает хобот и дует в самое лицо девочки теплым, сильным дыханием, отчего легкие волосы на голове девочки разлетаются во все стороны.

Надя хохочет и хлопает в ладоши. Немец густо смеется.

Он сам такой большой, толстый и добродушный, как слон, и Наде кажется, что они оба похожи друг на друга. Может быть, они родня?

— Нет, он не пил чаю, барышня. Но он с удовольствием пьет сахарную воду. Также он очень любит булки.

Приносят поднос с булками. Девочка угощает слона. Он ловко захватывает булку своим пальцем и, согнув хобот кольцом, прячет ее куда-то вниз под голову, где у него движется смешная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Слышно, как булка шуршит о сухую кожу. То же самое Томми проделывает с другой булкой, и с третьей, и с четвертой, и с пятой, и в знак благодарности кивает головой, и его маленькие глазки еще больше суживаются от удовольствия. А девочка радостно хохочет. Когда все булки съедены, Надя знакомит слона со своими куклами:

— Посмотрите, Томми, вот эта нарядная кукла — это Соня. Она очень добрый ребенок, но немножко капризна и не хочет есть суп. А это — Наташа, Сониная дочь. Она уже начинает учиться и знает почти все буквы. А вот это — Матрешка. Это моя самая первая кукла. Видите, у нее нет носа, и голова приклеена, и нет больше волос. Но все-таки нельзя же выгнать из дому старушку. Правда, Томми? Она раньше была Сониной матерью, а теперь служит у нас кухаркой. Ну, так давайте играть, Томми: вы будете папой, а я мамой, а это будут наши дети.

Томми согласен. Он смеется, берет Матрешку за шею и тащит к себе в рот. Но это только шутка. Слегка пожевав куклу, он опять кладет ее девочке на колени, правда немного мокрую и помятую.

Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками и объясняет:

— Это лошадь, это канарейка, это ружье... Вот клетка с птичкой, вот ведро, зеркало, печка, ло-

пата, ворона... А это вот, посмотрите, это слон! Правда, совсем не похоже? Разве слоны бывают такие маленькие, Томми?

Томми находит, что таких маленьких слонов никогда не бывает на свете. Вообще ему эта картинка не нравится. Он захватывает пальцем край страницы и переворачивает.

Наступает час обеда, но девочку никак нельзя оторвать от слона. На помощь приходит немец:

— Позвольте, я все устрою. Они пообедают вместе.

Он приказывает слону сесть. Слон послушно садится, отчего пол во всей квартире сотрясается, дребезжит посуда в шкафу, а у нижних жильцов сыплется с потолка штукатурка. Напротив него садится девочка. Между ними ставят стол. Слону подвязывают скатерть вокруг шеи, и новые друзья начинают обедать. Девочка ест суп из курицы и котлетку, а слон — разные овощи и салат. Девочке дают крошечную рюмку хересу, а слону — теплой воды со стаканом рома, и он с удовольствием вытягивает этот напиток хоботом из миски. Затем они получают сладкое: девочка — чашку какао, а слон — половину торта, на этот раз орехового. Немец в это время сидит с папой в гостиной и с таким же наслаждением, как и слон, пьет пиво, только в большем количестве.

После обеда приходят какие-то папины знакомые; их еще в передней предупреждают о слоне, чтобы они не испугались. Сначала они не верят, а потом, увидев Томми, жмутся к дверям.

— Не бойтесь, он добрый! — успокаивает их девочка.

Но знакомые поспешно уходят в гостиную и, не просидев и пяти минут, уезжают.

Наступает вечер. Поздно. Девочке пора спать. Однако ее невозможно оттащить от слона. Она

так и засыпает около него, и ее, уже сонную, отвозят в детскую. Она даже не слышит, как ее раздевают.

В эту ночь Надя видит во сне, что она женилась на Томми и у них много детей, маленьких веселых слонятков. Слон, которого ночью отвели в зверинец, тоже видит во сне милую ласковую девочку. Кроме того, ему снятся большие торты, ореховые и фисташковые, величиною с ворота...

Утром девочка просыпается бодрая, свежая и, как в прежние времена, когда она была еще здорова, кричит на весь дом, громко и нетерпеливо:

— Мо-лоч-ка!

Услышав этот крик, мама радостно спешит.

Но девочка тут же вспоминает о вчерашнем и спрашивает:

— А слон?

Ей объясняют, что слон ушел домой по делам, что у него есть дети, которых нельзя оставлять одних, что он просил кланяться Наде и что он ждет ее к себе в гости, когда она будет здорова.

Девочка хитро улыбается и говорит:

— Передайте Томми, что я уже здорова!

ЧЕХОВ
Антон Павлович
(1860-1904)

Белолобый

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ее волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла.

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно шипать. Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями в потемках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молода, и чутье у нее ослабло, так что случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая чутьем, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятами, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нее детей или забиралась к мужикам в хлев, где были ягнята.

В верстах четырех от ее логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который все кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днем бродил по лесу с ружьем-одностволкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе:

«Стоп, машина!», и, прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» При нем находилась громадная черная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забегала далеко вперед, то он кричал ей: «Задний ход!» Иногда он пел и при этом

сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: «Сошел с рельсов!» Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки¹, и когда она не так давно пробежала мимо то ей слышалось, будто в хлеву блеяли. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Ее мучил голод, она думала о том, с какой жадностью она будет есть ягненка, и от таких мыслей зубы у нее шелкали и глаза светились в потемках, как два огонька.

Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены высокими сугробами, было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем.

По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на нее вдруг прямо в морду пахнуло теплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Внизу, почувствовав холод, нежно заблеял ягненок. Прыгнув в дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и теплое, должно быть на барана, и в это время в хлеву что-то вдруг завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голоском; овцы шарахнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попало в зубы, и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, а в это время Арапка, уже почуявшая волка, неистово выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

— Полный ход! Пошел к свистку!

¹ Ярка — молодая овца.

И свистел, как машина, и потом — го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу все это затихало, волчиха успокоилась немного и стала замечать, что ее добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто тверже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе и слушались какие-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягненок, а щенок, черный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свою помятую, раненую спину и, как ни с чем не бывало, замахал хвостом и залаял на волчицу. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щелкнула зубами; он остановился в недоумении и, вероятно решив, что это она играет с ним, протянул морду по направле-

нию к зимовью и залился звонким, радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне ее были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись, и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он все стоял поодаль и лаял. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; ее мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрошеного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подскакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его. Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвы-

чайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперед широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами.

Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал ноги, а они втроем напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу и очень беспокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему; и петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала: «Пускай приучаются».

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повыл немного с голоду, потом также растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлой ночью в хлеву блеял ягненок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она все шелкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягненок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

«Съем-ка его...» — решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул ее в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былое время она едала собак, но от щенка сильно

пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодало. Щенок соскучился и ушел домой.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как и в прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и ее пугали пни, дрова, темные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то темное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло впереди, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая все в сторону, обогнала темное пятно, оглянулась на него и узнала. Это не спеша, шагом, возвращался в себе на зимовье щенок с белым лбом.

«Как бы он опять мне не помешал», — подумала волчиха и быстро побежала вперед.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые слеги¹.

Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идет ли щенок, но едва пахнуло на нее теплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял еще громче... Арапка проснулась под сараем и, почуяв волка, завывала, закудахтали куры, и когда на крыльце пока-

¹ Слега — толстая жердь.

зался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

— Фюйт! — засвистел Игнат. — Фюйт! Гони на всех парах!

Он спустил курок — ружье дало осечку; он спустил еще раз — опять осечка; он спустил в третий раз — и громадный огненный снап вылетел из ствола и раздалось оглушительное «бу, бу!». Ему сильно отдало в плечо; и взявши в одну руку ружье, а в другую топор, он пошел посмотреть, отчего шум...

Немного погодя он вернулся в избу.

— Что там? — спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.

— Ничего... — ответил Игнат. — Пустое дело. Повадился наш Белолобый с овцами спать в тепле. Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норовит все как бы в крышу. Намедни ночью разобрал крышу и гулять ушел, подлец, а теперь вернулся и опять разворошил крышу.

— Глупый.

— Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю глупых! — вздохнул Игнат, полезая на печь. — Ну, божий человек, рано еще вставать, давай спать полным ходом...

А утром он подозвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хвостом, все приговаривал:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в дверь!

МАМИН-СИБИРЯК
Дмитрий Наркисович
(1852-1912)

Приемыш

1

В дождливый день я подходил к Светлому озеру...

Когда я подходил уже совсем к избушке, из травы кубарем вылетела на меня пестрая собачонка и залилась отчаянным лаем.

— Соболько, перестань... Не узнал?

Соболько остановился в раздумье, но, видимо, еще не верил в старое знакомство. Он осторожно подошел, обнюхал мои охотничьи сапоги и только после этой церемонии виновато завилял хвостом. Дескать, виноват, ошибся, а все-таки я должен стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, то есть он, вероятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть...

Сняв намокшую куртку и развесив охотничьи доспехи по стенке, я принялся разводить огонь. Соболько вертелся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу...

В ожидании старика я прикрепил на длинной палке медный походный чайник с водой и повесил его над огнем. Вода уже начинала кипеть, а старика все не было...

Умная собака только виляла пушистым хвостом, облизывалась и нетерпеливо взвизгивала.

Когда этот «лучший друг человека» радостно взвизгнул, я понял, что он завидел хозяина. Действительно, в протоке черной точкой показалась

рыбачья лодка, огибавшая остров. Это и был Тарас... Он плыл, стоя на ногах, и ловко работал одним веслом. Когда он подплыл ближе, я заметил, к удивлению, плывшего перед лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчал старик, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вот я дам — уплыть бог знает куда... Ступай домой, гуляка!

Лебедь красиво подплыл к сайме¹, вышел на берег, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своих кривых черных ногах, направился к избушке.

2

— Здравствуй, Тарас!.. Откуда бог несет?

— А вот за Приемышем плавал, за лебедем... Все тут вертелся, в протоке, а потом вдруг и про-

¹ Сайма — рыбацкая стоянка (прим. автора).

пал... Ну, я сейчас за ним. Выехал в озеро — нет; по заводям проплыл — нет; а он за островом плавает.

— Откуда достал-то его, лебедея?

— Тут охотники наезжали; ну лебедея с лебедушкой и пристрелили, а вот этот остался. Забил-ся в камыши и сидит. Летать-то не умеет, вот и спрятался... Я, конечно, ставил сети подле камышей, ну, и поймал его. Пропадет один-то, ястреба заедят, потому как смыслу в нем еще настоящего нет. Сиротой остался. Вот я его привез и держу. И он тоже привык... Теперь вот скоро месяц будет, как живем вместе. Утром на заре поднимается, поплавает в протоке, покормится, а потом и домой. Знает, когда я встаю, и ждет, чтобы покормили. Умная птица, одним словом, и свой порядок знает.

Старик говорил необыкновенно любовно, как о близком человеке. Лебедь приковывлял к самой избушке и, очевидно, выжидал какой-нибудь подачки.

— Улетит он у тебя, дедушка... — заметил я.

— Зачем ему лететь? И здесь хорошо: сыт, кругом вода...

— А зимой?

— Перезимует вместе со мной в избушке. Места хватит, а нам с Собольком веселее. Как-то один охотник забрел ко мне на сайму, увидел лебедея и говорит вот так же: «Улетит, ежели крылья не подрежешь». А как же можно увечить божью птицу? Пусть живет... Не возьму я в толк, зачем господа лебедей застрелили. Ведь и есть не станут, а так, для озорства...

Лебедь точно понимал слова старика и посматривал на него своими умными глазами.

— А как он с Собольком? — спросил я.

— Сперва-то боялся, а потом привык. Теперь лебедь-то в другой раз у Соболька и кусок отнимает. Пес заворчит на него, а лебедь его крылом. Смешно на них со стороны смотреть. А то гулять вместе отправятся: лебедь по воде, а Соболько — по берегу. Пробовал пес плавать за ним, ну, да ремесло-то не то: чуть не потонул. А как лебедь уплывет, Соболько ищет его. Сядет на бережку и воет... Дескать скучно мне, псу, без тебя, друг единственный. Так вот и живем втроем.

3

Тарас жил на Светлом уже сорок лет. Когда-то у него были и своя семья, и дом, а теперь он жил бобылем. Дети перемерли, жена тоже померла, и Тарас безвыходно оставался на Светлом по целым годам.

— Не скучно тебе, дедушка? — спросил я, когда мы возвращались с рыбной ловли. — Жутко одному-то в лесу...

— Одному? Тоже и скажет... Я тут князь князем живу. Все у меня есть... И птица всякая, и рыба, и трава. Конечно, говорить они не умеют, да я-то понимаю все. Сердце радуется в другой раз посмотреть на божью тварь... У всякой свой порядок и свой ум. Ты думаешь, зря рыбка плавает в воде или птица по лесу летает? Нет, у них заботы не меньше нашего... Эвон, погляди, лебедь-то дожидается нас с Собольком.

Старик ужасно был доволен своим промышлем, и все разговоры в конце концов сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица, — объяснил он. — Помани его кормом, да не дай, другой

раз и не пойдет. Свой характер тоже имеет, даром что птица... С Собольком тоже себя очень гордо держит. Чуть что, сейчас крылом, а то и носом долбанет. Известно, пес в другой раз созорничать захочет, зубами норовит за хвост поймать, а лебедь его по морде... Это тоже не игрушка, чтобы за хвост хватать.

— Посмотри-ка, как лебедь разыгрался с Собольком...

Действительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоял, раскрыв крылья, а Соболько с визгом и лаем нападал на него. Умная птица вытягивала шею и шипела на собаку, как это делают гуси. Старый Тарас от души смеялся над этой сценой, как ребенок.

4

В следующий раз я попал на Светлое озеро уже поздней осенью, когда выпал первый снег...

Навстречу мне выскочил тот же Соболько. Теперь он узнал меня и ласково завилял хвостом еще издали. Тарас был дома. Он чинил невод для зимнего лова.

Старик действительно имел утомленный вид. Он казался теперь таким дряхлым и жалким... За чаем мы разговорились, и старик рассказал свое горе.

— Помнишь... лебедя-то?

— Приемыша?

— Он самый... Ах, хороша была птица!.. А вот мы опять с Собольком остались одни... Да, не стало Приемыша.

— Убили охотники?

— Нет, сам ушел... Вот как мне обидно это!.. Уж я ли, кажется, не ухаживал за ним!.. Из рук

кормил... Он ко мне и на голос шел. Плавает он по озеру, — я его кликну, он и подплывает. Ученая птица. И ведь совсем привыкла... да! Уж в заморозки грех вышел. На перелете стадо лебедей спустилось на Светлое озеро. Ну, отдыхают, кормятся, плавают, а я люблюсь. Пусть божья птица с силой соберется: не близкое место лететь... Мой-то Приемыш сначала сторонился от других лебедей: подплывет к ним, и назад. Те гогочут по-своему, зовут его, он — домой... Дескать, у меня свой дом есть. Так дня три это у них было. Все, значит, переговариваются по-своему, по-птичьему. Ну, а потом, вижу, мой Приемыш затосковал... Вот, все равно как человек тоскует. Выйдет это на берег, встанет на одну ногу и начнет кричать. Да ведь так жалобно кричит...

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— Ну, и что же, дедушка?

— Ах, и не спрашивай... Запер я его в избушку на целый день, так он и тут донял. Станет на одну ногу у самой двери и стоит, пока не сгонишь его с места. Только вот не скажет человеческим языком: «Пусти, дедушка, к товарищам. Они-то в теплую сторону летят, а что я с вами тут буду зимой делать?!» Ах ты, думаю, задача! Пустить — улетит за стадом и пропадет...

— Почему пропадет?

— А как же. Те-то на вольной воле выросли. Их, молодые которые, отец с матерью летать выучили. Ведь ты думаешь, как у них? Подрастут лебедята, — отец с матерью выведут из сперва на воду, а потом начнут учить летать. Исподволь учат: все дальше да дальше. Своими глазами я видел, как молодых обучают к перелету. Сначала особняком учат, потом небольшими стаями, а потом

уже сгрудятся в одно большое стадо. Похоже на то, как солдат муштруют... Ну, а мой-то Приемыш один вырос и, почитай, никуда не летал. Поплавает по озеру — только и всего ремесла. Выбьется из сил, отстанет от стада и пропадет... Непривычен к дальнему лету.

Старик опять замолчал.

— А пришлось выпустить, — с горечью заговорил он. — Все равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскует и схиреет. Уж птица такая особенная. Ну, и выпустил. Пристал мой приемыш к стаду, поплавал с ними день, а к вечеру опять домой... В последний-то раз отплыл от берега, остановился и как, братец ты мой, крикнет по-своему. Дескать: «Спасибо за хлеб, за соль!» Только я его и видел. Остались мы опять с Собољком одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Собољко, а где наш Приемыш?» А Собољко сейчас выть... Значит, жалеет. И сейчас на берег, и сейчас искать друга милого... Мне по ночам все грезилось, что Приемыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает. Выйду — никого нет... Вот такое дело вышло...

ЖИТКОВ
Борис Степанович
(1882-1938)

Галка

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки ко-

лечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполоснула — поглядела: где колечко? А колечка нет.

Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал, — ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услышала.

— Что у вас тут? — говорит. — Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились все искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила, — плачет бабушка. — Куда им деться? Как я теперь в иглоку вдену?

И закричала на мальчика:

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит — а над крышей галка летает и что-то у ней под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки!

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стеклышек, а потом разных денежек много штук.

Обрадовалась бабушка очкам, а сестра колечку и сказала брату:

— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка воровка.

Обезьянка

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне мой товарищ Юхименко и говорит:

— Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил, думал: он мне сейчас штуку какую-нибудь устроит, так что искры из глаз посыплются, и скажет: вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

— Ладно, — говорю, — знаем.

— Нет, — говорит, — в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Ее Яшкой зовут. А папа сердится.

— На кого?

— Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда хочешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я все еще не верил. Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет? И все спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

— Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршина. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки черные. Как будто человечьи руки в перчатках черных. На ней был надет синий жилет.

Юхименко закричал:

— Яшка, Яшка, иди, я что дам!

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала: «ай, ай!» и в два прыжка вскочила Юхименке на руки. Он сейчас же сунул ее в шинель за пазуху.

— Идем, — говорит.

Я глазам своим не верил. Идем по улице, несем

такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой.

Дорогой Юхименко мне говорил, чем кормить:
— Все ест , все давай. Сладкое любит. Конфеты
— беда! Дорвется — непременно обожрется. Чай
любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку. Два куска. Вприкуску не давай. Сахар сожрет, а чай пить не станет.

Я все слушал и думал: я ей и трех кусков не пожалею, —миленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

— Ты, — говорю, — хвост отрезал ей под корень под самый?

—Она макака, — говорит Юхименко, — у них хвостов не растет.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименкой вошли прямо в шинелях.

Я говорю:

— А кто у нас есть!..

Все обернулись.

Юхименко распахнул шинель. Никто еще ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову, оттолкнулся ножками и на буфет.. Всю прическу маме осадил.

Все вскочили, закричали:

— Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей в двери. А на него и не смотрели, все глядели на обезьяну. И вдруг девочки в один голос затанули:

— Какая хорошенькая!

А мама все прическу прилаживала.

— Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уж нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча Юхименко:

— Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

Все ждали. А Яшка и не глянул, стал чесаться мелко и часто черной лапочкой. До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

— Нельзя ее на ночь так оставлять, она всю квартиру вверх дном переверотит.

И начал я ловить Яшку. Я к буфету — он на печь. Я его оттуда щеткой — он прыг на часы. Шатнулись часы и стали. А Яшка уж на занавесках качается. Оттуда на картину, картина покосилась, — я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Вдруг отец услышал возню: «Обезьяны простой поймать не могут!» Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защелкал языком — пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком, завернули, запутали.

Яшка кричал, барахтался, но его скоро укрутили так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами, и казалось, что сейчас заплачет от обиды.

Не пеленать же обезьянку каждый раз на ночь! Отец сказал:

— Привязать. За жилет и к ножке, к столу.

Я принес веревку, нащупал у Яшки на спине

пуговицу, продел веревку в петлю и крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застегивался на три пуговицы. Потом я поднес Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал веревку к ножке и только тогда размотал платок.

Ух, как он начал скакать! Но где ему порвать веревку! Он покричал, позлился и сел печально на полу.

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил черной лапочкой кусок, заткнул за щеку. От этого вся мордочка у него скривилась. Я попросил у Яшки лапу. И он протянул мне свою ручку. Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие черные ноготки. Игрушечная живая ручка. Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребеночек. И пощекотал ему ладошку. А ребеночек-то как дернет лапку — раз и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребеночек!

Но тут меня погнали спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили. Я все прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно надо ему устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрываться одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на веревке. Веревка есть, на веревке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю — все три пуговицы сзади расстегнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на веревке, а сам удрал.

Я — искать по комнатам. Шлепаю босыми ногами. Нигде нет. Я перепугался. А ну, как убежал? Дня не пробыл — и вот на тебе. Я на шкафы заглядывал, в печку — нигде. Убежал, значит, на

улицу. А на улице мороз — замерзнет, бедный. И самому холодно стало. Побежал одеваться. Вдруг вижу — в моей кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я даже вздрогнул. Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал — и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил ему снова синий жилет.

Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашел сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что казалось — летает, не прыгает. На ногах у обезьян пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребенок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь. Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтоб у него отнимали, а он будет удирать.

Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару. Когда я ушел в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса веревкой, чтоб уж не мог сорваться. Когда я пришел домой, то из прихожей увидал, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на карусели. Оттолкнется от косяка и едет до стены. Пихнет ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером в чернила. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Промокать не хотел, чтоб не испортить. Оставил сохнуть. Прихожу и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу, ворчит и

выводит черные вавилоны по моему писанию. Ах, ты, дрянь! Я чуть не заплакал с горя. Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески — все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился...

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвет лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. Я потом привязал его в наказание на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла под ней из квартиры вниз. Вот отец идет утром на службу. Почистился, надел шляпу, спускается по лестнице.

Хлоп! Штукатурка падает. Отец остановился, стряхнул со шляпы. Глянул наверх — никого. Только пошел, — хлоп, опять кусок известки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки известки, разложил по краям ступенек, а сам прилег, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошел, а Яшка тихонечко толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу, — это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окна снегом. Яшка стал грустным. Я его все грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная, обвисшая; он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапками за рубашку и повис, будто приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрешься о

стол. Яшка сейчас лапкой заскребет мне в бок: дает мне знать, чтоб осторожней.

Вот раз в воскресенье пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка смирно сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец раздали конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А это Яшка услышал, что бумагой шелестят, и догадался, что едят конфеты. А я девочкам говорю: «Это у меня третья рука, я этой рукой прямо в живот сую, чтоб долго не возиться». Но уж все догадались, что это обезьянка, и из-под куртки слышно было, как хрустит конфета: это Яшка грыз и чавкал, как будто я животом жую.

Яшка долго злился на отца. Помирился Яшка с ним из-за конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтем, доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждет, ерзает, тянется. Вот отец раз и отдал весь портсигар Яшке. Яшка взял его в руку, а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная — и ничего не выходит у Яшеньки. Он завыл с досады. А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал открывать крышку. Отца это рассмешило. Он открыл крышку и поднес Яшке. Яшка сразу запустил лапу, нагребал полную горсть, скорей в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил — беда. Особенно за обедом. Все уж кончили, у него

на тарелке все простыло, тогда он только хватился, поковыряет наспех, глотнет два куска.

— Благодарю вас, я сыт.

Вот раз обедает он у нас, ткнул вилку в картошку и вилкой этой размахивает — говорит. Разошелся — не унять. Яшка, вижу, по спинке стула поднимается, тихонечко прокрался и сел у доктора за плечом. Доктор говорит:

— И, понимаете, тут как раз... — и остановил вилку с картошкой около уха — на один момент всего. Яшенька лапочкой тихонько за картошку и снял ее с вилки — осторожно, как вор.

А доктор дальше:

— И представьте себе... — тык пустой вилкой себе в рот. Сконфузился: думал — стряхнул картошку, когда руками махал, оглядывает. А Яшки уж нет — сидит в углу и прожевать картошку не может — всю глотку забил.

Доктор сам смеялся, а все-таки обиделся на Яшку.

Яшке устроили в корзинке постель: с простыней, одеяльцем, с подушкой. Но Яшка не хотел спать по-человечьи: все наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платьице, зелененькое, с пелеринкой, и он стал похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз слышу я звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в этом зеленом платьице, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой — ежик, и он ежиком с остервенением чистит стекло. Да в такую ярость пришел, что не слышал, как я вошел. Это он видал, как стекла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернет огонь полным пламенем, лампа коптит, сажа

летает по комнате, а он сидит в углу и рычит на лампу. Беда стала с Яшкой, хоть в клетку сажай. Я его и ругал, и бил. Но долго не мог на него сердиться.

Когда Яшка хотел понравиться, он становился ласковым, залезал на плечо и начинал в голове искать. Это значит — очень уж любит он вас. Надо ему выпросить что-нибудь — конфет там или яблоко, — сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскребывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она красавица. Разряженная. Вся так шелком и шуршит. На голове не прическа, а прямо целая беседка из волос накручена — в завитках, в локончиках. А на шее на длинной цепочке зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

— Ах, какая обезьянка милотидная! — говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел — прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшу перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за прическу. Раскопал все завитки и стал искать. Дама покраснела.

— Пошел, пошел! — говорит.

Не тут-то было — Яшка еще больше старается: скребет ноготками, зубками щелкает.

Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя любоваться, — и видит в зеркале, что вздохнул ее Яшка, и уж чуть не плачет. Я двинулся

на выручку — куда там! Яшка вцепился, что было силы, в волосы и на меня глядит дико. Дама дернула его за шиворот — совсем своротил ей Яшка прическу. Глянула на себя в зеркало — чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостья наша схватилась за голову — и в двери.

— Безобразие, — говорит, — безобразие! — и не попрощалась ни с кем.

Ну, думаю, додержу до весны и отдам кому-нибудь, если Юхименко назад не возьмет. Уж столько мне попадало за эту обезьянку.

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и еще больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор у нас был огромный, с десятину. Посреди двора был сложен горой казенный уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали на дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пес Каштан. На кого Каштан зарычит — на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит — и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Ударит, с ног собьет и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно — вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелененькое платице, чтоб он не простудился, посадил Яшку к себе на плечо и пошел. Только я двери раскрыл — Яшка прыг наземь и побежал по двору. И вдруг откуда ни возьмись вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зеленая куколка, стоит, маленький. Я уж решил, что пропал Яшка — сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке. Но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг до обезьянки, оскалился и ворчал, но

не решался броситься на такое чудо. Собаки все ошетинились и ждали, что Каштан.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не было видно. Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились, а Каштан сломя голову пустился бежать. А Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвет Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями. Каштан как с ума сошел и носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три объехал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на уголь, Взобрался, не торопясь, на самый верх. Там была деревянная будка. Он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок, как ни в чем не бывало.

Вот, мол, я, мне нипочем!

А Каштан — в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку на двор: только Яшка с крыльца — все собаки в ворота. Яшка никого не боялся. Приедут во двор подводы, весь двор забьют. Пройти негде. А Яшка с возу на воз перелетает. Вскочит лошади на спину, лошадь топчется, гривой трясет, фыркнет, а Яшка не спеша на другую перепрыгивает. Извозчики только смеются и удивляются.

— Смотри, сатана какая прыгает. Ишь ты! У-ух!

А Яшка — на мешки. Ищет щелочки. Просунет лапку и щупает, что там. Нашупает, где подсолнухи, сидит и тут же на возу щелкает. Бывало, что и орехи нащупает Яшка. Набьет за щеки и во все четыре руки старается нагрести.

Но вот нашелся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его

кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак дозваться не мог домой. Вижу: вышел на двор котище и прыг на скамью, что стояла под деревом. Яшка, как увидел кота, прямо к нему. Присел и идет не спеша на четырех лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает. Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка все ближе ползет. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка на скамью. Кот все задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яков по скамье ползет на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг прыг — да не на Яшку, а на дерево. Уцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка к дереву все тем же ходом. Кот поцарапался выше. Привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево и все, не спеша, целится на кота черными глазками. Кот выше, выше, влез на ветку и сел с самого краю. Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползет, и так уверенно, будто он сроду другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползет и ползет, цепко перебирает всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого веру на мостовую, встряхнулся и во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Йау, йау!» — каким-то страшным звериным голосом, я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царем на дворе. Дома он уж есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонал, на глазах слезы, и на всех капризно смотрел. Всем было снача-

ла очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся, стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки. Пусть знает.

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтоб ему еще дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться на волю.

Я за него не боялся: поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку.

А как настала осень — все в доме в один голос:

— Куда хочешь убирай свою обезьяну или сажай в клетку. А чтоб по всей квартире эта сатана не носилась!

То говорили: какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому бы сплавить Яшку.

Подыскал, наконец, товарища, отозвал в сторону и сказал:

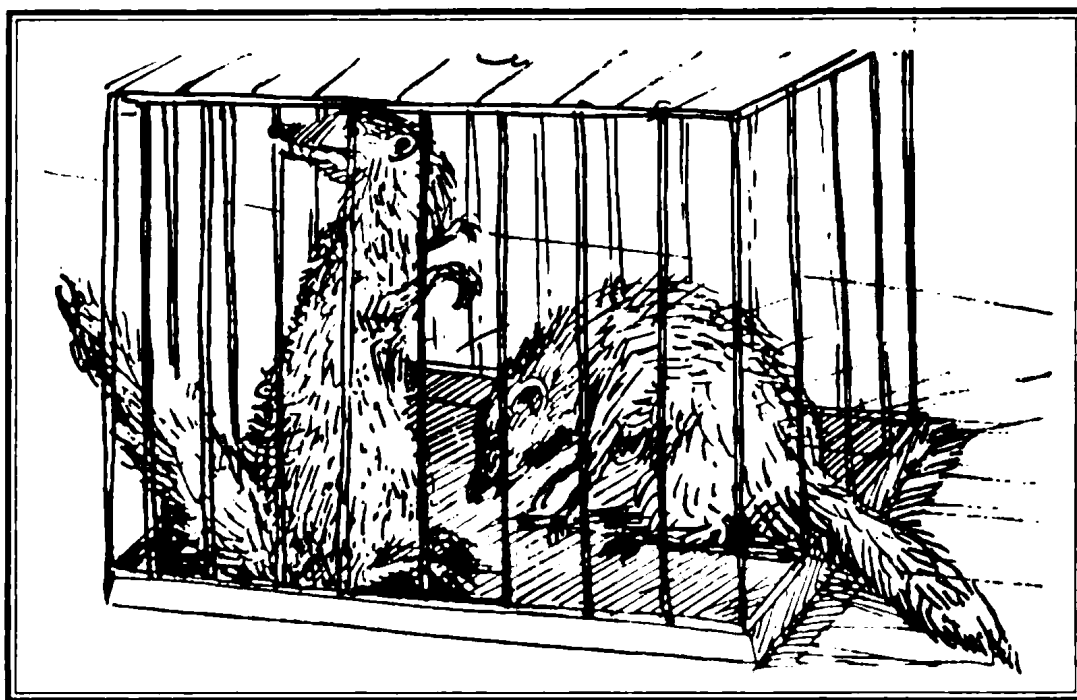
— Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

Мангуста

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая, живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придет на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят.

И вот наш пароход у острова Цейлон. Я хотел скорей бежать на берег, скорей найти, где они

продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит черный человек (тамошние люди все черные), и все товарищи обступили его, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул: «Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу — у черного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так боялся, чтобы кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

— Сколько?

Он даже испугался сначала, так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевел дух: я совсем запыхался от радости. Так обрадовался, что забыл спросить этого черного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уже и след простыл.

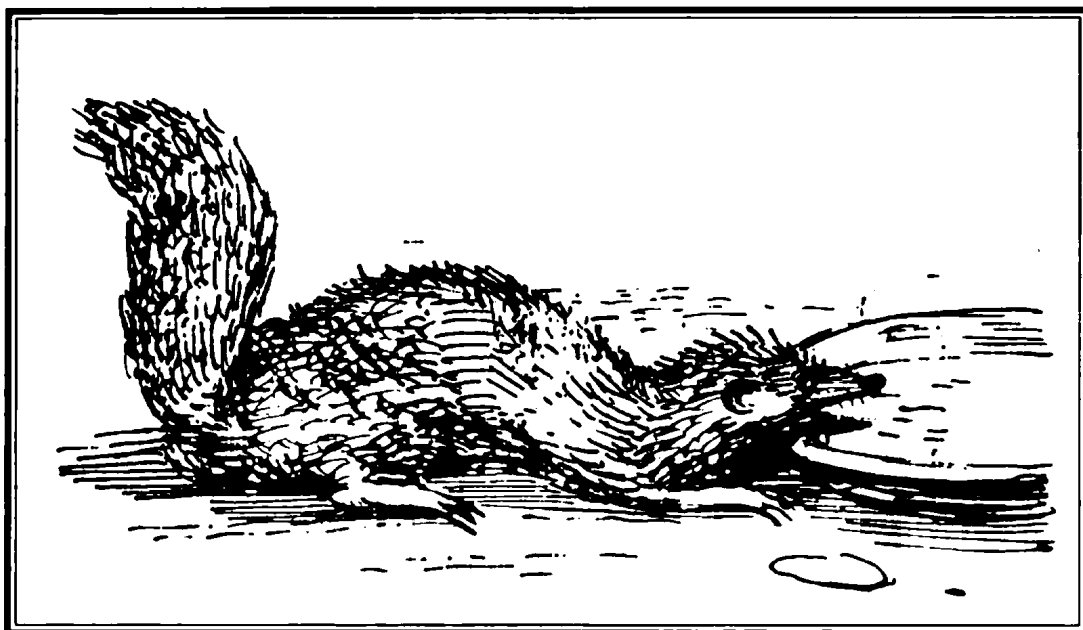
Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж слышу — готово: мой

палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с ноготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно — это она нарочно, так играет. А другая забила в угол клетки и глядит искоса черными блестящими глазами.

Мне скорее захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста — юрк! — и уж побежала по каюте. Она суетилась, бегала по полу, все нюхала и крякала: кррык! кррык! — как будто ворона. Я хотел ее поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки, и уже в рукаве. Я поднял руку — и готово, мангуста уж за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крикнула весело и снова спряталась. И вот слышу — она уже под мышкой, пробирается в другой рукав и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел ее погладить и только поднес руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырех лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдернул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня веселыми глазками и снова: кррык! И смотрю — уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернется, то вмиг расправится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали на работу.

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщенные, в коре, — как были из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые — розовые, красные, совсем черные!

Мы клали их горкой на палубу и накрепко укрывали цепями, чтобы в море на разболталось. Я

работал и все думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил».

Я спрашивал черных грузчиков, тамошних людей, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили:

— Давай что попало: она сама разберет, что ей надо.

Я выпросил у повара мяса, купил бананов, притащил хлеба, блюдце молока. Все это поставил посреди каюты и открыл клетку. Сам залез на койку и стал глядеть. Из клетки выскочила дикая мангуста, и они вместе с ручной прямо бросились на мясо. Они рвали его зубами, кричали и урчали, лакали молоко, потом ручная ухватила банан и потащила его в угол. Дикая — прыг! — и уж рядом с ней. Я хотел поглядеть, что будет, вскочил с койки, но уже поздно: мангусты бежали назад. Они облизывали мордочки, а от банана остались на полу одни шкурки, как тряпочки.

Наутро мы были уже в море. Я всю свою каюту увесил гирляндами бананов. Они на веревочках

качались под потолком. Это для мангуст. Я буду давать понемногу — надолго хватит. Я выпустил ручную мангусту, и она теперь бегала по мне, а я лежал полузакрыв глаза и недвижно.

Гляжу — мангуста прыгнула на полку, где были книги. Вот она перелезла на раму круглого пароходного окна. Рама слегка вихлялась — пароход качало. Мангуста покрепче примостилась, глянула вниз на меня, и рама поехала вбок. И в тот самый миг, когда рама была против банана, мангуста рванулась, прыгнула и обеими лапками ухватила банан. Она повисла на момент в воздухе, под самым потолком. Но банан оторвался, и мангуста шлепнулась об пол. Нет! Шлепнулся-то банан. Мангуста прыгнула на все четыре лапки. Я привскочил поглядеть, но мангуста уже возилась под койкой. Через минуту она вышла с замазанной мордой. Она побрякивала от удовольствия.

Эге! Пришлось перевесить бананы к самой середине каюты: мангуста уже пробовала по полотенцу вскарабкаться повыше. Лазала она, как обезьяна: у нее лапки, как ручки. Цепкие, ловкие, проворные. Она совсем меня не боялась. Я выпустил ее на палубу погулять на солнце. Она сразу по-хозяйски все обнюхала и бегала по палубе так, будто она и сроду нигде больше не была и тут ее дом.

Но на пароходе у нас был свой давнишний хозяин на палубе. Нет, не капитан, а кот. Громадный, откормленный, в медном ошейнике. Он важно ходил по палубе, когда было сухо. Сухо было и в этот день. И солнце поднялось над самой мачтой. Кот вышел из кухни, поглядел, все ли в порядке.

Он увидел мангусту и быстро пошел, а потом начал осторожно красться. Он шел по железной трубе. Она тянулась по палубе. Как раз у этой

трубы суетилась мангуста. Она как будто и не видела кота. А кот был уже совсем над нею. Ему осталось только протянуть лапу, чтобы вцепиться когтями ей в спину. Он выжидал, чтобы поудобней. Я сразу сообразил, что сейчас будет. Мангуста не видит, она спиной к коту, она разнюхивает палубу как ни в чем не бывало; кот уж прицелился.

Я бросился бегом. Но я не добежал. Кот протянул лапу. И в тот же миг мангуста просунула голову меж задних лап, разинула пасть, громко каркнула, а хвост — громадный пушистый хвост — поставила вверх столбом, и он стал как ламповый ежик, что стекла чистят. В одно мгновение она обратилась в непонятное, невиданное чудовище. Кота отбросило назад, как от каленого железа. Он сразу повернул и, задрвав хвост палкой, понесся прочь без оглядки. А мангуста как ни в чем не бывало снова суетилась и что-то разнюхивала на палубе. Но с тех пор красавца кота редко кто видел. Мангуста на палубе — кота и не сыщешь. Его звали и «кис-кис», и «Васенька». Повар его мясом приманивал, но кота найти нельзя было, хоть обыщи весь пароход. Зато у кухни теперь вертелись мангусты; они крикали, требовали от повара мяса. Бедный Васенька только по ночам пробирался к повару в каюту, и повар его прикармливал мясом. Ночью, когда мангусты были в клетке, наступало Васькино время.

Но вот раз ночью я проснулся от крика на палубе. Тревожно, испуганно кричали люди. Я быстро оделся и выбежал. Кочегар Федор кричал, что сейчас идет он с вахты и вот из этих самых индийских деревьев, вот из этой груды выползла змея и сейчас же назад спряталась. Что змея — во! — в руку толщиной, чуть ли не две сажени длиной. И вот

даже на него сунулась. Никто не верил Федору, но все же на индийские деревья поглядывали с опаской. А вдруг и вправду змея? Ну, не в руку толщиной, а ядовитая? Вот и ходи тут ночью! Кто-то сказал: «Они тепло любят, они к людям в койки заползают». Все примолкли. Вдруг все повернулись ко мне.

— А ну, зверюшек сюда, мангустов ваших! А ну, пусть они...

Я боялся, чтобы ночью не убежала дикая. Но думать больше некогда: уже кто-то сбегал ко мне в каюту и уже нес сюда клетку. Я открыл ее около самой груди, где кончались деревья и видны были черные ходы между стволами. Кто-то зажег электрическую люстру. Я видел, как первой юркнула в черный проход ручная. И следом за ней дикая. Я боялся, что им прищемит лапки или хвост среди этих тяжелых бревен. Но уже было поздно: обе мангусты ушли туда.

— Неси лом! — крикнул кто-то.

А Федор уже стоял с топором. Потом все примолкли и стали слушать. Но ничего не слышно было, кроме скрипа колод. Вдруг кто-то крикнул:

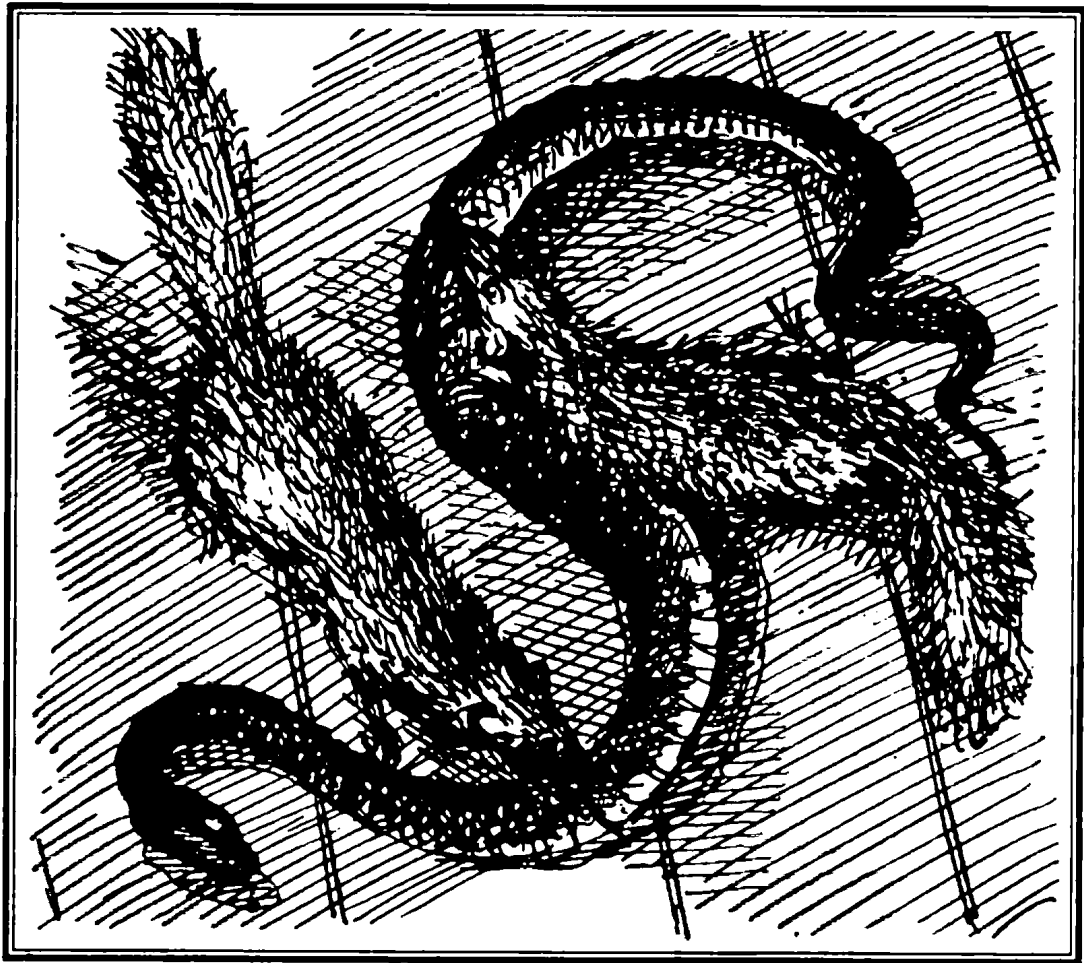
— Гляди, гляди! Хвост!

Федор замахнулся топором, другие отсунулись дальше. Я схватил Федора за руку. Он с перепугу чуть не хватил топором по хвосту: хвост был не змеи, а мангусты — он то высывался, то снова втягивался. Потом показались задние лапки. Лапки цеплялись за дерево. Видно, что-то тянуло мангусту назад.

— Помоги кто-нибудь! Видишь, ей не по силам! — крикнул Федор.

— А сам-то чего? Командир какой! — ответили из толпы.

Никто не помогал, а все пятились, даже Федор с топором. Вдруг мангуста изловчилась; видно было, как она вся извилась, цепляясь за колоды. Она рва-

нулась, вытянула за собой змеиный хвост. Хвост мотнулся, он вскинул вверх мангусту и брякнул ее о палубу.

— Убил, убил! — закричали кругом.

Но моя мангуста — это была дикая — мигом вскочила на лапы. Она держала змею за хвост, она вцепилась в нее своими острыми зубками. Змея сжималась, тянула дикую снова в черный проход. Но дикая упиралась всеми лапками и вытаскивала змею все больше и больше.

Змея была толщиной в два пальца, и она била хвостом о палубу, как плетью, а на конце держалась мангуста, и ее бросало из стороны в сторону. Я хотел обрубить этот хвост, но Федор куда-то скрылся с топором. Его звали, но он не откликал-

ся. Все в страхе ждали, когда появится змеиная голова. Сейчас уже конец, и вырвется наружу вся змея. Что это? Это не змеиная голова — это мангуста! Вот и ручная прыгнула на палубу, она впи-лась в шею змеи сбоку. Змея извивалась, рвалась, она стучала мангустами по палубе, а они держались, как пиявки.

Вдруг кто-то крикнул:

— Бей! — и ударил ломом по змее.

Все бросились и кто чем стали молотить. Я боялся, что в переполохе убьют магнуст. Я оторвал от хвоста дикую.

Она была в такой злобе, что укусила меня за руку; она рвалась и царапалась. Я сорвал с себя шапку и завернул ей морду. Ручную оторвал мой товарищ. Мы усадили их в клетку. Они кричали и рвались, хватали зубами решетку.

Я кинул им кусочек мяса, но они и внимания не обратили. Я потушил в каюте свет и пошел прижечь йодом покусанные руки.

А там, на палубе, все еще молотили змею. Потом выкинули за борт.

С этих пор все стали очень любить моих мангуст и таскали им поесть, что у кого было. Ручная перзнакомилась со всеми, и ее под вечер трудно было дозваться: вечно гостит у кого-нибудь. Она бойко лазила по снастям, что шли от борта. Все любовались на ее ловкость, глядели, задрав головы. Но вот канат дошел до мачты. Дальше шло голое, скользкое дерево. Но мангуста извернулась всем телом и ухватилась за медные трубки. Они шли вдоль мачты. В них — электрические провода к фонарю наверху. Мангуста быстро полезла еще выше. Все внизу захлопали в ладоши. Вдруг электротехник крикнул:

— Там провода голые! — и побежал тушить электричество.

Но мангуста уже схватилась лапкой за голые провода. Ее ударило электрическим током, и она упала с высоты вниз. Ее подхватили, но она уже была недвижна.

Она была еще теплая. Я скорей понес ее в каюту доктора. Но каюта его была заперта. Я бросился к себе, осторожно уложил мангусту на подушку и побежал искать нашего доктора. «Может быть, он спасет моего зверька?» — думал я. Я бегал по всему пароходу, но кто-то уже сказал доктору, и он быстро шел мне навстречу. Я хотел, чтобы скорей, и тянул доктора за руку. Вошли ко мне.

— Ну, где же она? — сказал доктор.

Действительно, где же? На подушке ее не было. Я посмотрел под койку. Стал шарить там рукой. И вдруг: кррык-кррык! — и мангуста выскочила из-под койки как ни в чем не бывало — здоровехонька.

Доктор сказал, что электрический ток, наверно, только на время оглушил ее, а пока я бегал за доктором, мангуста оправилась. Как я радовался! Я все ее к лицу прижимал и гладил. И тут все стали приходить ко мне, все радовались и гладили мангусту — так ее любили.

А дикая потом совсем приручилась, и я привез мангуст к себе домой.

БОГДАНОВ
Модест Николаевич
(1841-1888)

Мышь

Когда-то, давным-давно, старая няня, укачивая меня, рассказывала сказку про муху-бабуху и мышь-говоруху.

Я был тогда очень маленький и не умел еще как следует говорить, но помню, что сказочка няни не дала мне спать до самой полуночи. Так мне захотелось видеть эту мышь-говоруху. Расспросить няню я не умел и решительно не знал, кто это такая мышь-говоруха. Долго ли, коротко ли прошло, уж не помню, только сидел я раз на мягком диване и играл своими куколками. Няня вышла зачем-то. Остался я один. Вдруг из-под комода выставилась мордочка, хорошенькая, серенькая, с черными глазками, с ушками-торчушками. Я испугался и притих. Немного погодя мордочка зашевелилась, высунулась вперед; показалась серая спинка и длинный хвостик. Мне ужасно захотелось схватить ее. Но только что я пошевелился, чудный зверек пропал. Ах, как мне было досадно! Приходит няня, я рассказываю ей, что видел. «Да это мышка», — говорит. Так вот она какая, мышь-говоруха! С тех пор я стал отчаянным мышеловом. Я пускал в ход всякие ловушки для ловли мышей. Много раз держал их в клетках или между оконными рамами. Но прошло много лет прежде, нежели я познакомился с мышью-говорухой. Я даже забыл сказочку няни, зато могу сказать вам, что мышь-говоруха, мышь-певунья действительно есть. Это так называемая певчая мышь.

Лет двадцать назад, поздно вечером, читал я книгу, все уже спали в доме; царила глубокая тишина. Вдруг слышу: раздаются какие-то странные звуки, похожие на пение птицы.

Прислушиваюсь внимательнее — поет в моей комнате, как раз под шкафом с книгами. Только что я пошевелился — песня смолкла. Я притих, и минут через пять снова раздались веселые трели, но на этот раз уже под кроватью. Сомнение исчезло. Это мышка-певунья, мышь-говоруха, которую я тщетно искал много лет; и я дал себе слово поймать ее во что бы то ни стало. Расставил ловушки и в следующие дни поймал несколько мышей, посадил их в клетки, но — увы! — они не пели. Наконец счастье улыбнулось мне. Мышка-певунья была поймана, посажена в клетку и не замедлила выказать свой музыкальный талант. Ничего в ней особенного не было. Мышь как мышь: здоровая, бойкая. Она жила у меня больше полугода; скоро привыкла, сделалась ручной, но только всякий внезапный шум пугал ее. Она устроила себе гнездышко из ваты, которую я положил в клетку, и сидела в нем целые дни молча; но как только наступит вечер, утихнет шум, улягутся спать — мышка выходила из гнезда, ела, пила, чистила свою мордочку и шубку, проворно лазала по клетке и пела, да так хорошо, что издали можно было принять ее за птицу. Забавно бывало смотреть на нее, когда она усядется на задних лапках и начнет выводить свои трели. Я показывал ее многим как диковину, и все убеждались, что действительно есть поющие мыши. Но объяснить этого странного явления никто не мог. Я и сам не понимал его долго.

Дело объяснилось, однако, случайно, но вместе с тем очень просто.

Во время моего путешествия в Хиву, через пустыню Кызылкум, наш караван остановился на отдых среди холмов сыпучего песка, около колод-

ца. Страшная жара утомила и нас и животных. Я слез с лошади и, в то время как развьючивали верблюдов и готовили обед, прилег на войлоке отдохнуть. Вдруг слышу знакомое пение, очень похожее на пение моей мышки. Смотрю: около норки, на склоне песчаного бугра, сидит маленький рыжий зверек с пушистым хвостиком, сидит на задних лапках, поглядывает по сторонам и распевает.

Это была песчанка — один из тех мелких зверьков, которые во множестве живут в песчаных пустынях.

Песчанки очень похожи на мышей, но они крупнее и хвост их покрыт пушистой шерстью. Они питаются семенами саксаула и других пустынных растений. Живут в норах, которые вырывают в песке, целыми семействами и колониями. Наевшись, песчанки резвятся, бегают по песку, играют между собой, точь-в-точь как наши мыши. Но в это время на вершине холма, недалеко от норы, сидит непременно старая песчанка. Это часовой, который зорко стережет врага и в то же время распевает свою песенку. Вот из-за соседнего бугра выглянула хитрая мордочка, с зелеными лукавыми глазами, с большими ушками. Она то покажется, то исчезнет. Заметил ее часовой, свистнул, бросился в нору — и мигом скачут туда же песчанки. Выскочил из засады корсак — маленькая степная лисичка, но уже поздно, поживы нет; не достать ему песчанок в глубокой норе. Плетется голодный корсак дальше, авось где-нибудь попадет песчанка. С наступлением зимы многие песчанки, побуждаемые голодом и холодом, забираются в кибитки кочевников; там эти зверушки заменяют наших мышей. Но здесь вы не услышите

их песен; вы не увидите их днем. Они прячутся и живут молча, стараясь не выдать себя, и выходят грабить хозяйское добро только ночью. Точь-в-точь наши мыши.

Вы догадаетесь, что песня мышки есть старая привычка ее диких предков; когда мыши жили вдали от человека, они пели подобно песчанкам; но, поселившись в домах, мыши утратили эту особенность.

Но наследственность привычек так велика, что она иногда проявляется у мышей, правда, у немногих. Эти-то мыши-певуньи и послужили для сказки о мышке-говорухе, которую мне рассказывала старая няня.

Домашний воробей

Повадился вор-воробей
Летати,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати.
Народная песня

Подумаешь, за что такая честь? Попал в песню, да еще вором. Так и народ смотрит на беднягу, как на завязанного вора. Но вор ли действительно воробей — вот вопрос!

Как хотите, но я с этим не согласен. Воробей — честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы; и за это-то его гонят везде, бранят вором и не любят! Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а

берет только свое. Если не верите, узнайте поближе жизнь воробья.

На дворе весна. Капает, течет с крыш, шумит вода по желобам. Струйки воды бегут по тротуарам. Грязный снег на улицах с каждым часом делается еще грязнее. Идет весна! Каждый старается принарядиться в самое лучшее платье для встречи весны. Даже воробьи и те хотят встретить весну попараднее. Всюду еще снег. Как только побежали по нему первые струйки, как только слились они в первые крошечные лужицы на поверхности грязной улицы, в колеях, пробитых санями, — воробьи недолго думая начинают купаться. Им хочется пообчистить свое серенькое платье для встречи весны.

Всмотритесь, ведь это не тот воробей, которого вы видели зимой. У зимнего воробья клюв был желтый, а теперь он почернел. Зимой воробей был крайне неуклюж; он ерошил свои перья, чирикал редко, больше все хмурился. А теперь его не узнаешь. словно он причесался после ванны: перышки блестят, лежат плотно, и весь воробей выглядит таким ловким франтом. Говорлив стал просто на удивленье.

Полюбуйтесь, вот он на крыше; хвост поднят кверху, крылышки опущены, с задорным видом поглядывают глазки направо и налево.

Чип! чип! чип! Он скачет, как сорока, вертится, и нет ему покоя целый день. Встретится товарищ, вместе с которым он неделю назад искал мирно крошки хлеба около кухни, — теперь и не подходи близко. Сойдутся два воробья — мигом завяжется драка. Из-за чего они дерутся — не будем разбирать, это их дело.

Весна идет без остановки, тает снег, бежит вода

по улицам. Оголилась земля. Пробивается молодая, зеленая травка. Глядь — наш воробей уж не один. У него есть подружка, с которой он шныряет по улице, по саду, по дворам; тут съест крошку, там раздобудет зернышко. Но главная его забота теперь не в этом.

Он собирает разные редкости: в саду или на лужайке схватит сухую травинку; около конюшни зацепит конский волос; на скотном дворе подхватит клочок овечьей шерсти; в курятнике поживится перышком, из кучи сора вытащит тряпочку, мочалину, бумажку.

Ему все это нужно, все это он тащит куда-нибудь в укромный уголок — в карниз дома, в трещины каменной стены, за наличник окна, в дупло дерева, в скворечницу или же в гнездо ласточки. И из всех этих редкостей устраивается беспорядочная куча хлама, которую называют воробьиным гнездом.

Пройдет еще немного времени, и на этой куче хлама окажется шесть, семь или восемь пестрых яичек. Серенькая воробиха усаживается на них, греет их своим маленьким телом и день и ночь; а вор-воробей самодовольно чирикает возле нее и поглядывает по сторонам, чтобы стащить, что плохо лежит.

За все это время, с самого начала весны и до начала мая, нам решительно не за что упрекнуть воробья. Он берет только то, что выбрасывают, что никому не нужно; но ведь это не воровство.

Посмотрим дальше. Едва оделся лес, не успели еще прилететь последние вешние птицы, а в гнезде воробья вместо яичек уже сидят пискливые крошечные воробьята.

Тут-то забот отцу и матери! С раннего утра и до

позднего вечера снуют они около дома, по огоро-
ду, по саду, в ближайших полях и лугах, на дворе,
на улице — ищут корму, но только не зерен; птен-
чики их слабы, малы, они не в силах проглотить
жесткого зерна: им нужны те мягкие, сочные чер-
вячки, которые ползают по листьям трав и деревь-
ев, и поедают их; а червячки эти не что иное, как
гусеницы пестрых, красивых бабочек, мух и жуч-
ков. Их-то и отыскивают теперь воробьи. Поймав
гусеницу, воробей летит к гнезду, сует ее в рот
голодному воробьянку и снова летит на промы-
сел, да так целый весенний день. А этот день длит-
ся часов шестнадцать. Сколько же тысяч гусениц
перетаскает пара воробьев в это время?

Ловлей гусениц занимаются воробьи добрые две-
три недели, пока воробьята вырастут и оперятся.

Вот наконец настал желанный день! Детки вы-
росли, оперились, вылетели из гнездышка. Весе-
лой кучкой сидят они на заборах, в аллеях садика,
между грядок огорода; чирикают без умолку, а
как только увидят отца или мать, откроют желтые
рты, зачирикают еще пуще — значит, пожалуйста
червячка!..

Я и до сих пор очень люблю эти дни воробьиной
жизни. Хитрые старики заведут воробьят в такое
местечко, где они легче всего могут избежать вра-
гов. А для этого нет им лучше притона, как песча-
ная дорожка в садике, окаймленная кустами ака-
ции. Заведут они туда своих воробьяток, а сами
начнут промышлять корм для них. Иногда на од-
ной дорожке соберется несколько выводков, и она
сделается настоящим воробьиным детским садом,
а должность воспитателя исполняет один из стар-
ших воробьев — по очереди.

Молодые воробышки беззаботно чирикают, ку-

паются в песке, прыгают по дорожке, а старый воробей усядется на самую высокую ветку акации и зорко смотрит во все стороны; в это время прочие воробьи торопливо таскают гусениц и кормят своих детенышей.

Воробей-сторож невозмутим; он не бросится даже на самую жирную гусеницу, хотя бы она ползла по самой ближайшей ветке; это самый примерный часовой. Но зато его и слушаются все. Закричит он: «Чр-ррр... чр-ррр!» — и все, что беззаботно скакало по дорожке, чирикало и прыгало, с шумом бросается в самую чащу кустов акаций или сирени. В минуту все смолкнет. Ни звука, ни шелеста. Только часовой сидит на вершине; он закричал, но не пошевелился; он увидал врага и следит за ним.

А этот враг лютый, злой, беспощадный — это ястреб-перепелятник. Давно еще заметил его воробей; еще там, вдали, когда он неслышным полетом вывернулся из-за крайней избы и направился по задворкам. Суший разбойник! Перья серые, не блестящие, в которых лучше всего укрываться вору; а укрываться он и без того мастер. Он летит около заборов, между деревьев; свернет вдруг в сторону, взмахнет кверху и оглянет все быстро своими желтыми глазами.

Горе зазевавшейся птичке! Стрелой налетит на нее разбойник, всадит когти — и пропала бедняга.

Но не таков наш воробей, чтобы поддаться ястребу. Из сотни разных птиц едва ли удастся ему схватить хотя одного воробья.

Умен и осторожен наш плут. Да, кроме того, у него есть кума ласточка, востроглазая, быстрокрылая; воробей знает, как она крикнет, если увидит ястреба. Но вот он и сам увидел его. Ястреб

ближе, ближе; воробей все сидит. Воробьята ни гугу, как будто и нет их; а часовой все сидит на ветке. Заметил его ястребиный глаз, взмахнул лесной разбойник крыльями — раз, два, только бы вот впустить когти, — а воробья уж нет. Камнем упал он в куст акации, а на его месте очутился ястреб. Сидит дурак-дураком; вцепились когти в зеленую ветку и замерли. Досада гложет хищника, а ласточки еще издеваются: чивит... чивит... и одна за другой подлетают к нему.

Зло смотрят на них и кругом желтые глаза: знает ястреб, что тут целая сотня воробьев сидит в чаще ветвей, да где же их достать? Встряхнулся и полетел дальше. Если бы он оглянулся назад — на его месте опять сидит часовой-воробей, а на дорожку с шумом высыпала из зеленой листвы целая толпа воробьят.

Недаром я назвал эту аллею воробьиным детским садом. Когда-нибудь присмотритесь к воробьятам в то время, как они только что покинут гнездо. Какие это простаки и дурачки, неловкие, доверчивые, крикливые. И ноги и крылышки еще плохо служат им. Это такие же увальни, как наши Коли и Мити, когда те только что начинают ходить. Но посмотрите на воробьят три-четыре дня спустя, в их детском саду. Вот они роются на дорожке в песке. Это уже не увальни, не простаки. Чуть раздастся крик их часового — полюбуйтесь, как они ловко шнырнут в кусты, спрячутся там и замолкнут.

В эти немногие дни они лучше нас с вами выучили азбуку воробьиной жизни. Пройдет еще несколько дней — старые воробьи и воробьихи научат их всему, что нужно знать образованному воробью. Они выведут их на лужайку и научат ловить жучков, бабочек, гусениц. Они вызовут их из кустов на проезжую дорогу и научат разыскивать хлебные зернышки. Они поведут их в сад, в огород, на гумно, покажут им, как там нужно хозяйничать, растолкуют, кого бояться, где прятаться.

Наконец ученые кончено; молодые выросли: их не отличишь от старых. Тогда собирается семейный совет. Старики прощаются с детками и говорят: «Вы теперь большие, живите как хотите, мы всему вас научили», — и воробьиная семья разлетается врозь.

ПАУСТОВСКИЙ
Константин Георгиевич
(1892-1968)

Заячьи лапы

К ветеринару в наше село пришел с Урженского озера Ваня Малявин и принес завернутого в рваную ватную куртку маленького теплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слез глазами...

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не лайте, это заяц особенный, — хриплым шепотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожженные.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слезы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты чего, малый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою

единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоем слезы льете? Ай случилось что?

— Пожженный он, дедушкин заяц, — сказал тихо Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожег, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрет.

— Не умреть, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несет его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слезы и пошел лесами домой, на Урженское озеро. Он не шел, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошел стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашел по дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может пить хочешь?

Заяц повел рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрел в город. Ваня нес зайца

сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Сухолей вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберет! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку.

Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш — специалист по детским болезням — уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протер, снова нацепил на нос и уставился на дела. Дед молчал и топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрепанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрали до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бес-

шумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за Полянами уже горел стог сена, зажженный ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрепанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребенок, что заяц — все одно, — упрямо пробормотал дед. — Все одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь — бросить!

Еще через минуту Карл Петрович — старик с седыми взъерошенными бровями, — волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца.

На следующее утро дед ушел на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришел длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понес домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живет на воле. При сем остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно кричали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него окна в избе сразу запотели и звезды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, ляскал зубами и отскакивал — воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далекого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне, наконец, историю о зайце.

В августе дед пошел охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошел дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идет прямо на него. Ветер перешел в ураган. Огонь

гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав, во время урагана огонь шел со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала дела, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идет огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!» Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед — оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понес домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарем и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял все.

ВЕРЕСАЕВ
Викентий Викентьевич
(1867-1945)

Братишка

У угла моей дачи стояла кадушка, полная воды. Рядом куст бузины. На бузине сидели бок о бок два молодых воробья, совсем еще молодых, с пушком, сквозящим из-за перьев, с ярко-желтыми пазухами по краям клювов. Один бойко и уверенно перепорхнул на край кадушки и стал пить. Пил — и все поглядывал на другого, и перекликался с ним на звенящем своем языке. Другой — чуть поменьше — с серьезным видом сидел на ветке и опасливо косился на кадушку. А пить-то, видимо, хотелось — клюв был разинут от жары.

И вдруг я ясно увидел: тот, первый, — он уже давно напился и просто примером своим ободряет другого, показывает, что ничего тут нет страшного. Он непрерывно прыгал по краю кадушки, опускал клюв, захватывал воду и тотчас ронял ее из клюва, и поглядывал на брата — звал его. Братишка на ветке решился, слетел к кадушке. Но только коснулся лапками сырого, позеленевшего края, — и сейчас же испуганно порхнул назад на бузину. А тот опять стал его звать.

И добился наконец. Братишка перелетел на кадушку, неуверенно сел, все время трепыхая крылышками, и напился. Оба улетели.

Похвалите меня!

У нас в Туле была кошка. Дымчато-серая. С острою мордою, — вернейший знак, что хорошо ловит мышей; с круглой мордочкой, — такие кош-

ки больше для того, чтоб ласкаться к людям и мурлыкать. Кошка эта ловила мышей с удивительным искусством. И никогда их не ела. И совершенно по-человечески знала, что, поймав мышью, сделала нечто заслуживающее похвалы. Она появлялась с мышью в зубах и, как-то особенно призывно мурлыкая, терлась о ноги мамы. Уж по этому торжествующему, громкому мурлыканью все мы узнавали, что она поймала мышью. Мама одобрительно гладила кошку по голове; кошка еще и еще пихала голову под ее руку, чтоб еще раз погладили. Потом обходила всех нас, и каждый должен был ее погладить и похвалить. Потом она душила мышью, бросала и равнодушно уходила.

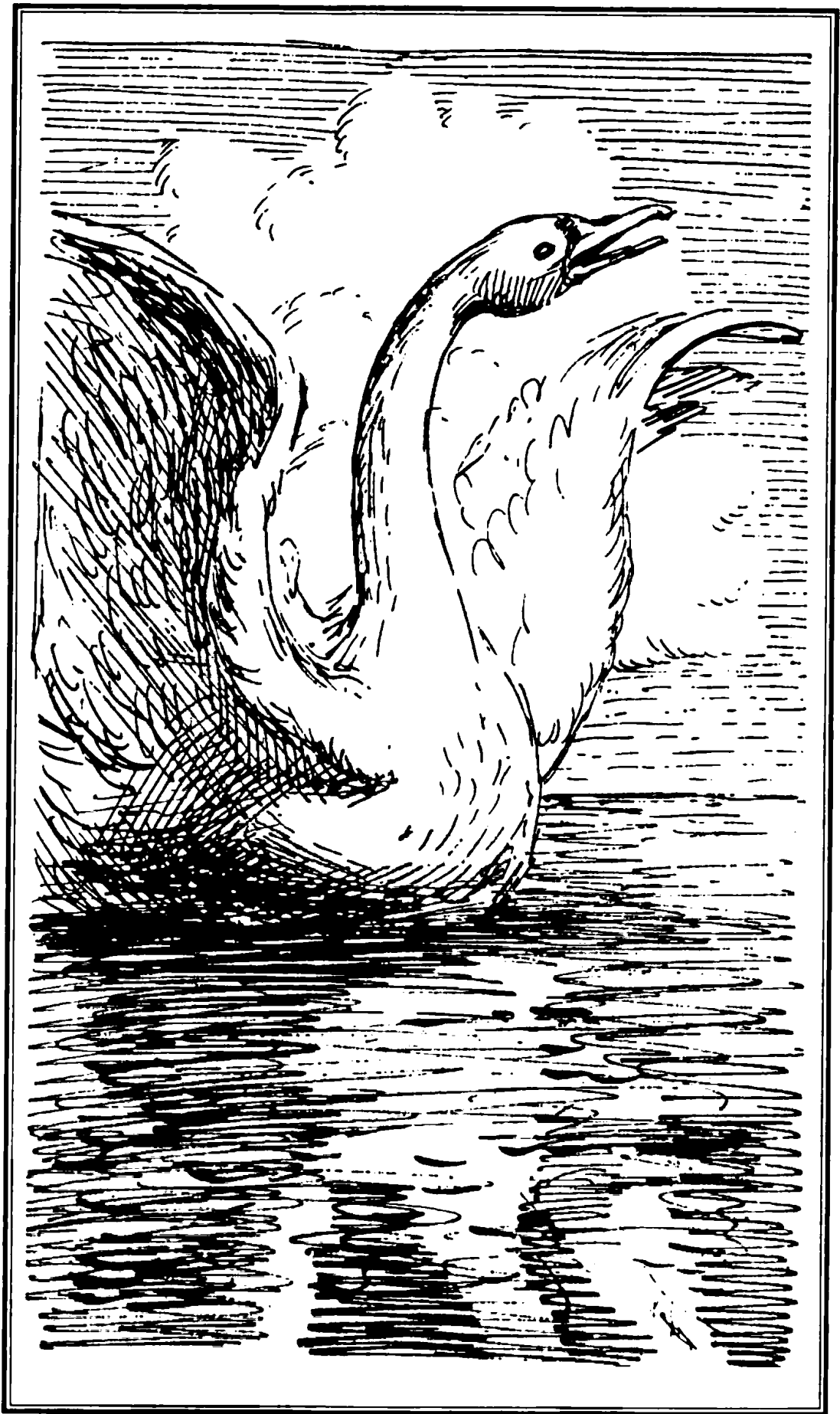
АКСАКОВ
Сергей Тимофеевич
(1791-1859)

Лебедь

Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке давно и справедливо назван царем всей водяной, или водоплавающей, птицы.

Белый как снег, с блестящими, прозрачными глазами, с черным носом и черными лапами, с длинной, гибкою и красивою шеею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывет между зеленых камышей по темно-синей гладкой поверхности воды.

Но и все его движения исполнены прелести: начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли ку-

паться, далеко забрасывая брызги воды, скатывающейся с его пушистого тела; начнет ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распушит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет также носом перебирать в нем каждое перо, проветривая и суша его на солнце, — все живописно и великолепно в нем.

В. БИАНКИ
(1894-1959)

Лесные домишки

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак ее догнать нельзя было — ото всех увертывалась. Погонится за ней пятнашка, а она туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится да как пустится лететь — только крылышки мелькают.

Вдруг, откуда ни возьмись, Чеглок-сокол мчится. Острые, изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все врассыпную кто куда — мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро.

Очень уж страшной пятнашкой был Чеглок-сокол.

Летела, летела Береговушка — из сил выбилась.

Обернулась назад — никого сзади нет. Кругом оглянулась, а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз — внизу река течет. Только не своя — чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха!

А уж вечер был, ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берег и горько заплакала.

Вдруг видит — бежит мимо нее по песку маленькая птичка с черным галстучком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у желтой птички:

— Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

— А ты чья? — спрашивает желтая птичка.

— Не знаю, — отвечает Береговушка.

— Трудно же будет тебе свой дом разыскать, — говорит желтая птичка. — Скоро солнце закатит-

ся, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зук. А дом у меня вот тут, рядом.

Зук отбежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

— Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка — кругом песок да галька, а дома никакого нет.

— Неужели не видишь? — удивился Зук. — Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговука: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке, среди гальки.

— Ну, что же ты? — спрашивает Зук. — Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, — еще хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

— Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстипочки...

— Жаль, что не привыкла, — говорит Зук. — Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя, по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

— Вот спасибо! — обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там скоро отыскала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

— Ночуй, если тебе моя хата нравится, — говорит Витютень.

А какая у Витютня хата! Один пол, да и тот как решето — весь в дырках. Просто прутьики на ветви накиданы как попало. На прутьиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно — просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

— У вашего дома, — говорит она Витютню, — один пол, даже стен нет. Как же в нем спать?

— Что ж, — говорит Витютень, — если тебе нужен дом со стенами, лети разыщи Иволгу. У нее тебе понравится.

И Витютень рассказал Береговушке, как найти Иволгин дом: в роще, на самой красивой березе.

Полетела Береговушка в рощу. А в роще березы одна другой красивее. Искала-искала Иволгин дом и вот наконец увидела: висит на березовой ветке крошечный, легкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький! — подумала Береговушка. — Даже мне в нем не поместиться».

Только она хотела постучаться, вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали — сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зеленой листвы.

Вот что-то золотое и черное блеснуло у нее перед глазами.

Подлетела ближе, видит — на ветке сидит золотая птица с черными крыльями.

— Куда спешишь, маленькая? — кричит золотая птица Береговушке.

— Иволгин дом ищу, — отвечает Береговушка.

— Иволга — это я, — говорит золотая птица. — А дом мой вот здесь, на этой красивой березе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает. Сперва она ничего заметить не могла: все только зеленые листья да белые березовые ветви. А когда всмотрелась, так и ахнула.

Высоко над землей к ветке подвешена легкая плетеная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле

домик. Затеяливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой березовой кожурки.

— Ух, — говорит Береговушка Иволге, — ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня все перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, ее ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

— Ступай к Пеночке, — обиженно говорит ей золотая Иволга. — Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у нее в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Желтая маленькая Пеночка жила в траве под той самой березой, где висела Иволгина воздушная колыбелька. Береговушке понравился ее шалашик из сухой травы и мха.

«Вот славно-то! — радовалась она. — Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких перышек. Совсем как у нас дома!» Ласковая Пеночка стала ее укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела. Береговушка встрепенулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

— Это кони в рощу скачут.

— А выдержит ваша крыша, — спрашивает Береговушка, — если конь на нее копытом наступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

— Ох, как страшно тут! — сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. — Тут я всю ночь глаз не сомкну: все буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

— Так, верно, у тебя такой дом, как у Чемги, —

догадалась Пеночка. — У нее дом не на дереве — ветер его не сдует, да и не на земле — никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

— Хочу, — говорит Береговушка.

Полетели они к Чемге.

Прилетели на озеро и видят — посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица.

На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавающий. Плывет по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи — ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чемгины яйца, прикрытые легкими, сухими тростничками.

А сама Чемга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своем суденышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чемге, как она искала и не могла найти себе ночлег, и попросилась ночевать.

— А ты не боишься спать на волнах? — спрашивает ее Чемга.

— А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

— Мой дом не пароход, — говорит Чемга. — Куда ветер гонит его, туда он и плывет. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

— Боюсь... — прошептала Береговушка. — Домой хочу, к маме...

Чемга рассердилась.

— Вот, — говорит, — какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чемга Береговушку, та и полетела. Летит и плачет.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит — на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит — теплый, мягкий.

«Вот хороший дом, — думает она, — прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

— Впустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с желтыми зубами! Да как зарычит страшилище:

— С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просят к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, сердце камнем упало. Отшатнулась прочь, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки наутек.

Летела, летела, из сил выбилась. Обернулась назад — никого нет. Кругом оглянулась — место знакомое. Посмотрела вниз —внизу река течет, своя река, родная.

Стрелой бросилась вниз, к речке, а оттуда — вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве — дырки, дырки, дырки. Это все ласточкины норки.

В одну из них и юркнула Береговушка. Юркну-

ла и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала ее мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой, теплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

Музыкант

Старый медвежатник¹ сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружье. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружье и пошел в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашел даже и следа его.

Устал старик и присел на пенек отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услышал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..» Старик удивился: «Кто же это в лесу на струне играет?» А из

¹ Медвежатник — тот, кто занимается охотой на медведя.

лесу опять: «Дзенн!» — да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошел туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за елочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил ее. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поет щепка!

Замолк звук, — медведь опять за свое: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник еще раз проходил мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дернул одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзенн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет, — ответил старик.

— Что ж так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщепленном грозой дереве.

Приспособился

Поздней осенью медведь выбрал себе место для берлоги на склоне холма, заросшего частым ельником. Надрал когтями узкие полоски еловой коры, снес в яму на холме, сверху накидал мягко-

го моху. Подгрыз елочки вокруг ямы так, что они шалашом накрыли ее, залез под них и заснул спокойно.

Но не прошло и месяца, как лайки нашли его берлогу, и он едва успел убежать от охотника. Пришлось лечь прямо на снегу — на слуху¹.

Но и тут его разыскали охотники, и опять он чуть спасся.

И вот спрятался он в третий раз. Да так, что никому и в голову не пришло, где его надо искать.

Только весной обнаружилось, что он отлично выпался высоко на дереве. Верхние ветви этого дерева, когда-то сломанного бурей, росли в небо, образуя как бы яму. Летом орел натаскал сюда хворосту и мягкой подстилки, вывел здесь птенцов и улетел. А зимой догадался забраться в эту воздушную «яму» потревоженный в своей берлоге медведь.

Кошкин выкормыш

У нашей кошки весной родились котята, но их у нее отняли. Как раз в этот день мы поймали в лесу маленького зайчонка.

Мы взяли и подложили его кошке. У кошки было очень много молока, и она охотно стала кормить зайчонка.

Так зайчонок и вырос на кошкином молоке. Они очень подружились и даже спят всегда вместе.

Смешней всего, что кошка научила зайчонка-приемыша драться с собаками. Как только собака забежит к нам на двор, кошка бросается на нее и

¹ На слуху — на открытом месте.

яростно царапает. А следом за ней подбегает заяц и так барабанит передними лапами, что у собаки шерсть клочьями летит. Все собаки кругом боятся нашей кошки и ее выкормыша-зайца.

Медведь

Многие думают, будто пойдя только в лес, где много медведей, и так они вот и набросятся, и съедят тебя, и останутся от козлика ножки да рожки. Такая это неправда!

Медведи, как и всякий зверь, ходят по лесу с великой осторожностью и, зачуяв человека, так удирают от него, что не только всего зверя, а не увидишь даже и мелькнувшего хвостика.

Однажды на севере мне указали место, где много медведей. Это место в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу. Убивать медведя мне вовсе не хотелось, и охотиться за ним было не время:

охотятся зимой, я же пришел на Коду ранней весной, когда медведи уже вышли из берлоги.

Мне очень хотелось застать медведя за едой, где-нибудь на полянке, или на рыбной ловле на берегу реки, или на отдыхе. Имея на всякий случай оружие, я старался ходить по лесу так же осторожно, как звери, затаивался возле теплых следов; не раз мне казалось, будто мне даже и пахло медведем... Но самого медведя, сколько я ни ходил, встретить мне в тот раз так и не удалось.

Случилось, наконец, терпение мое кончилось, и время пришло мне уезжать. Я направился к тому месту, где была у меня спрятана лодка и продовольствие. Вдруг вижу: большая еловая лапка передо мной дрогнула и закачалась сама.

«Зверушка какая-нибудь», — подумал я.

Забрав свои мешки, сел я в лодку и поплыл.

А как раз против места, где я сел в лодку, на том берегу, очень крутом и высоком, в маленькой избушке жил один промысловый охотник. Через какой-нибудь час или два этот охотник поехал на своей лодке вниз по Коде, нагнал меня и застал в той избушке на полпути, где все останавливаются.

Он-то вот и рассказал мне, что со своего берега видел медведя, как он вымахнул из тайги как раз против того места, откуда я вышел к своей лодке. Тут-то вот я и вспомнил, как при полном безветрии закачались впереди меня еловые лапки.

Досадно мне стало на себя, что я подшумел медведя. Но охотник мне еще рассказал, что медведь не только ускользнул от моего глаза, он еще и надо мной посмеялся... Он, оказывается, очень недалеко от меня отбежал, спрятался за выворотень¹ и оттуда, стоя на задних лапах, наблюдал

¹ Выворотень — корневище большого дерева, вывернутого из земли.

меня: и как я вышел из леса, и как садился в лодку и поплыл. А после, когда я для него закрылся, влез на дерево и долго следил за мной, как я спускался по Коде.

— Так долго, — сказал охотник, — что мне надоело смотреть и я ушел чай пить в избушку.

Досадно мне было, что медведь надо мной посмеялся. Но еще досадней бывает, когда болтуны разные пугают детей лесными зверями и так представляют их, что покажись будто бы только в лес без оружия — и они оставят от тебя только рожки да ножки.

Г. СКРЕБИЦКИЙ

КРЫЛАТЫЕ СОСЕДИ

Ворона

Зима. На земле, на крышах, на кустах и деревьях — всюду снег.

По снегу во дворе деловито разгуливают вороны: еду себе ищут.

Вот выбежал во двор пес с кусочком хлеба, лег на снег закусить, а вороны уже тут как тут. Окружили его со всех сторон, к самой морде подсакивают, того и гляди, изо рта вырвут кусок.

Пес рычит, скалит зубы, будто хочет сказать: «Убирайтесь прочь, а то живо хвосты повыдергиваю!» Но вороны — птицы дерзкие, драчливые, ничего не боятся.

Пес терпел, терпел, да как вскочит, как погонится за нахальными птицами! Но разве ворону

поймаешь? Пес — за ней, а она — от него. Сколько дуралей ни гонялся, все равно зря — только устал.

Вернулся обратно к своей еде, а хлеба-то и нет. Пока за одной вороной гонялся, другие давно уже хлеб утащили. Расселись на крыше, кричат, дерутся, друг у друга добычу выхватывают.

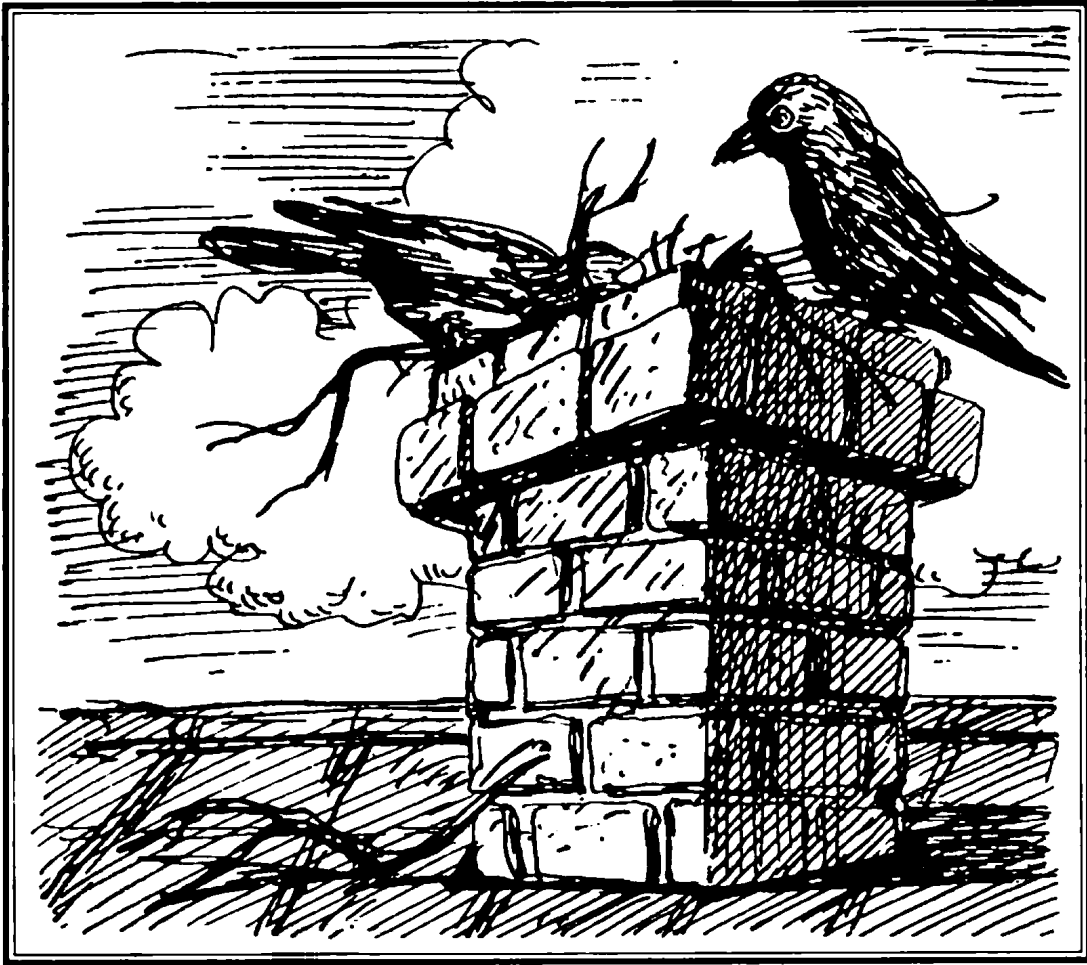
Так всю зиму и пробавляются вороны: там корочку схватят, там — мяса кусочек. Живут они в эту пору и в городах и в деревнях. Зимой возле жилища человека легче прокормиться.

Но, как только наступает весна, вороны разлетаются по лесам, по рощам, начинают строить гнезда, птенцов выводить. Все лето кочуют они по полям да по лугам. А на зиму опять к людям возвращаются.

Галка

Наступила осень. Пора и печь затопить. Наложили лучинок, сучков, поленьев и разожгли огонь. Вдруг как повалит дым, да не в трубу, а прямо в комнату. Лезет в глаза, в нос, в рот — беда, дышать нечем!

Ребята скорее на крышу — посмотреть, не разрушилась ли за лето труба, не завалились ли в дымоход кирпичи. Смотрят — труба цела. В чем же дело? Взяли длинную проволоку, согнули крючком, стали в дымоходе шарить. Вот зацепили и тащат что-то наружу — какие-то тряпки, солому, перья. Да ведь это старое галчиное гнездо! Значит, еще весною галки облюбовали эту трубу себе под квартиру, устроили в дымоходе гнездо и выве-

ли в нем галчат. Летом печи не топят, вот им никто и не помешал.

К осени галчата выросли и улетели из своей квартиры. Ни к чему им теперь гнездо в трубе. А людям возня, приходится дымоход прочищать.

Но не думайте, что галки гнездятся только по трубам, вовсе нет. Их гнезда можно найти и в сараях, под крышами, и прямо на деревьях.

Зимою галки, так же как и вороны, живут в городах и в деревнях, вместе роются в мусорных кучах, еду себе добывают. Различить их совсем нетрудно. Галка вдвое меньше вороны и вся черная, только вокруг шеи серые перышки, будто она серым платочком повязана. А у вороны наоборот: все туловище серое, черные только голова, шея, крылья да хвост.

К зиме галки собираются в большие стаи, так и летают целыми днями вместе. А вечером облепят деревья где-нибудь в городском саду или в парке, прижмутся друг к дружке и сидят греются. Вместе, в тесной компании, всегда теплее. Так и дремлют всю долгую зимнюю ночь. Только изредка между собою переговариваются, будто окликают друг друга: «Галка, галка, галка!» Недаром их галками и прозвали.

Грач

Про грача говорят, что он белоносый, а на самом деле нос у него вовсе не белый, а черный. В чем же тут дело? А вот в чем: грач целые дни носом в земле копается, достает личинок, червячков. С годами черные перышки вокруг клюва вытираются, только белая кожа видна, будто колечко. Издали поглядишь на грача, и правда, нос как будто бы белый.

Но это только у старых грачей так бывает, а у молодого все перышки вокруг клюва целы и никакого белого кольца нет. Его белоносым никак не назовешь.

Грачи — это наши первые весенние гости. Только пригреет солнышко, зажурчат ручейки, запестреют в полях проталины, смотришь — и грачи уже прилетели из теплых стран. Вот они, черные как угли, разгуливают по проталинам, копошатся в оттаявшей земле: то зернышко найдут, то корешок откопают. Ранней весной нашим гостям не очень-то сытно живется.

Но вот прошла неделя, другая, подсохли поля, выехали колхозники землю пахать. Тут грачам са-

мое раздолье: ходят целой стаей вслед за плугом, выбирают из свежей пашни разных личинок, жучков, слизняков.

Молодцы грачи! Ведь все эти жучки да личинки — наши враги. Они хоть и маленькие, а вред приносят большой — хлеб портят.

Наедятся грачи в поле и летят куда-нибудь в парк или в рощу. Облюбуют себе дерево повыше и начинают гнезда строить. Иной раз все дерево так застроят, что сучья едва видны. Грачи любят компанию, они и в поле вместе кормятся, и птенцов вместе выводят. Так веселее да и безопаснее. Захочет, к примеру, ворюга-кот на дерево к птенцам пробраться, да не тут-то было. Сразу заметят его грачи, зашумят, загорланят, бросятся на разбойника и давай его клювами бить. Грачи — птицы дружные, умеют за своих птенцов постоять. К их гнездам лучше и не наведываться.

Сорока

У сороки есть прозвище — белобока. И правда, по бокам перышки у нее совсем белые. А вот голова, крылья и хвост черные, как у вороны. Очень красив у сороки хвост — длинный, прямой, будто стрела. И перья на нем не просто черные, а с зеленоватым отливом. Нарядная птица сорока и такая ловкая, подвижная — редко, когда спокойно сидит, все больше суетится.

Есть у сороки и другое прозвище — воровка. Уж больно она плутоватая: скачет с места на место, а сама все поглядывает, нельзя ли чем поживиться, стащить что-нибудь.

Только закудахчет в курятнике курица, сорока

уже тут как тут. Она давно заприметила: раз курица кудахчет, значит, яйцо снесла. Живо заберется в курятник крылатая воровка, расклевывает скорлупу яйца, а содержимое выпьет.

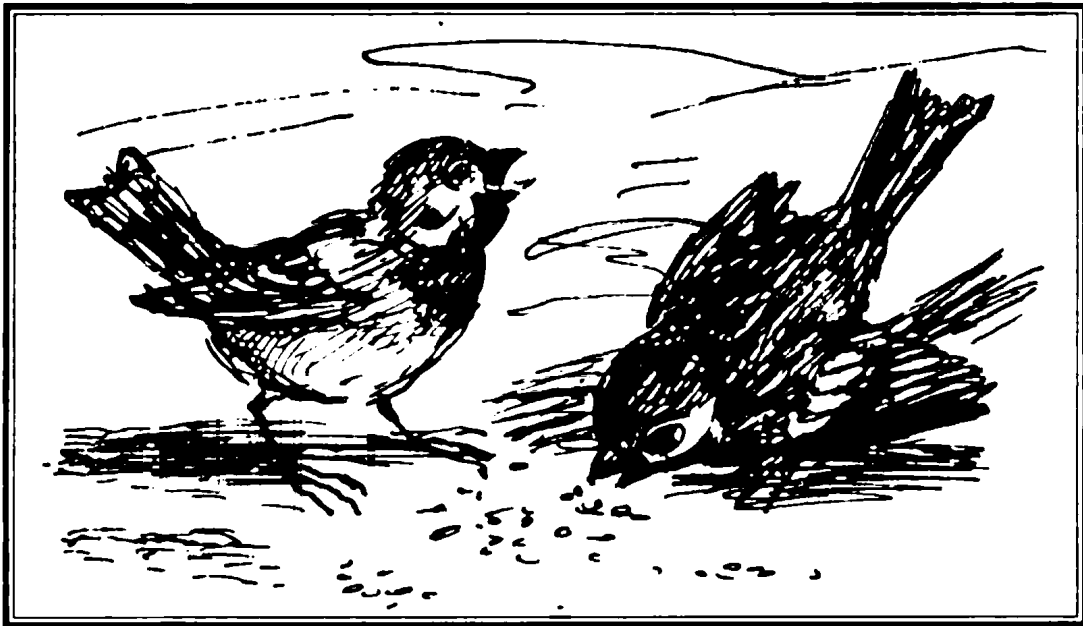
К зиме большинство сорок вместе с воронами и галками разлетаются по деревням, ищут себе еду. Зато летом их в деревне почти не увидишь. Летом им и в лесу пищи хватает. Едят сороки жуков, червяков, гусениц, не прочь они и в чужое гнездо забраться, птенцами полакомиться. Даже лесным зверькам и тем подчас от сорок достается.

Воробей

Пришла весна. Солнце светит ярко-ярко, даже больно глазам. С крыш частая капель падает. На земле разлились огромные лужи, и в них, как в зеркале, отражается небо и солнце.

А что это за шум доносится из сквера? Да это воробьи. Расселись по веткам, крылышки топорщат, наскакивают друг на друга, чирикают, дерутся. Подойдите к ним поближе и приглядитесь хорошенько: оказывается, воробьи по виду не все одинаковые. Самец очень нарядный, весь пес-тренький. На голове у него будто серая шапочка надета, под шейкой — большое черное пятнышко, словно галстук подвязан. А спинка и крылышки коричневые. Вот какой он франт! Воробьица, та поскромнее: вся серенькая и с виду невзрачная.

Кончат воробьи драку и летят искупаться в ближайшей луже. Такую кутерьму поднимут, только брызги летят!купаются, а сами покрикивают: «Чив-чив-чив!..» Издали послушаешь, будто они друг другу кричат: «Жив-жив-жив!..» — радуются, что

весна наступила. В городе воробей полезен: летом он в скверах и в парках собирает с деревьев гусениц — воробьят ими кормит.

А вот в деревне этих птиц не очень-то жалуют. Только поспеют хлеба, конопля, покраснеются вишни, тут с воробьями просто беда: и зерна в полях клюют, и вишни в садах обклеивают...

Уж их и гонят, и трещотки вешают, и пугала выставляют. Да только не очень-то воробьи боятся. Такие смелые птицы, им все нипочем.

Синица

В саду с ветки на ветку перелетает небольшая шустрая птичка, ростом поменьше воробья. Спинка у нее серая, грудка желтая, на головке черная бархатная шапочка. Это птица-синица. В сад она за добычей прилетает: за жучками и за гусеницами.

Большой вред приносят они садам. Одни грызут листья на фруктовых деревьях, другие портят

плоды. Возьмешь яблоко, разломишь его пополам, а внутри червячок. Вот этих-то вредителей и ловит синица. Недаром ее называют сторожем наших садов. Увидит своим зорким глазом добычу, схватит ее клювом и съест. А клюв у синицы тонкий, как шильце, в любую щелку пролезет. Много разных насекомых съедает она за день. Даже не верится, что у маленькой птички может быть такой аппетит. А сколько она поклюет их за лето, сколько перетаскает своим птенцам — и не сочтешь!

Зато зимой ей приходится трудно. В эту пору все насекомые от мороза прячутся, да так далеко, что редко кого удастся поймать.

Тут-то и надо помочь синице, накормить ее. Зимой она неприхотлива — все будет есть: и хлебные крошки, и зернышки, и от каши, пожалуй, не откажется.

Но особенно любит синица свежее сало. Попробуйте привязать кусочек к какому-нибудь сучку — синица живо найдет угощение, уцепится за него коготками, повиснет и давай клювом долбить. Долбит, а сама раскачивается, будто на качелях.

Забавно тогда на нее смотреть!

Скворец

Про кого в загадке говорится: «На колу дворец, а во дворце певец»? Наверное, все угадали: конечно, про скворца.

Март. Еще снег не растаял, а на деревьях уже развешаны деревянные домики — скворечники. Вернутся скворцы весной с теплого юга, погуляют денек-другой в полях и лугах и разлетятся па-

рочками по садам и огородам занимать приготовленные для них уютные квартирки.

Скворцы для нас всегда желанные гости. Прилетают они немного позже грачей, когда уже в поле много проталин и солнышко как следует пригревает.

Вот они целой стайкой хлопотливо бегают по оттаявшей земле. Их ярко-черные, блестящие перышки так и переливаются на солнце. Скачут скворцы по полю, ищут в земле червей, слизняков, жучков разных. Это их любимая пища.

Много вредных насекомых переловят они за лето для себя и для своих скворчат.

Потому и стараются люди принимать скворцов поближе к полям и огородам. Потому и развешивают для них скворечники. Добро пожаловать, дорогие гости!

Полезная птица скворец, а уж какая занятная! Занятнее, пожалуй, и не найдешь.

Послушайте как-нибудь, как он, сидя на ветке около домика, песенки распевает. То засвистит, затрещит, а то вдруг лягушкой заквакает или, как курица, закудахчет, или начнет скрипеть, как немазаное колесо у колодца... Слушаешь его — и дивишься: какие только звуки в его песенке не встречаются!.. Что услышит скворец, что запомнит, то и старается повторить.

Ласточка

Кто так звонко щебечет во дворе? Это вернулись с юга, из Африки, быстрокрылые ласточки.

Деревенскую ласточку называют еще касаткой.

Прозвали ее так потому, что хвост у нее похож на две длинные черные косицы. Головка и спинка у касатки тоже черные с синевой, а грудь и брюшко совсем беленькие, будто она в белый фартучек нарядилась.

Как только вернутся ласточки весной в деревню, сразу же начинают гнезда строить. А строят они их совсем не так, как другие птицы. Ласточки не вьют гнездо из прутьев и веток: они лепят его из комочков глины.

Выберут для гнезда подходящее место где-нибудь под крышей дома или сарая и летят скорее на берег пруда. Сядут возле воды, отщипнут клювом кусочек глины и обратно спешат. А пока несут глину во рту, она от слюны становится липкой и легко пристает к стене. Так, комочек к комочку, и вылепят птицы из глины свое уютное гнездышко. Внутри выстелют его мягким пухом — вот и готова квартира, можно птенцов выводить. Только вылупятся птенцы — новая забота появляется. С утра до ночи носятся касатки над полями и лугами, ловят мух, комаров, чтобы накормить своих ненасытных малышей.

Есть еще другие ласточки — береговушки называются.

Пойдите летом на речку, взгляните на крутой, обрывистый берег. Вверху он весь будто острой палкой истыкан, всюду темнеют круглые дырочки. Приглядитесь к ним внимательно. Видите: то в одну, то в другую из них влетают быстрокрылые птички. Это и есть береговушки. Они-то и вырыли в крутом берегу земляные норки. В глубине норки — гнездышко из перьев и мягких травинок. Там ласточки-береговушки выводят своих птенцов. Там и растят их, пока птенцы не оперятся и не вылетят из своего подземного жилища.

Береговушка сродни ласточке-касатке и похожа на нее, только не такая нарядная. Спинка у береговушки темно-бурая, а хвост, как коротенькая тупая рогатинка.

Поглядишь на обеих ласточек, на то, как они гнезда мастерят, и невольно подумаешь: вот какие замечательные строители. Только одна строитель-каменщик, а другая — строитель-землекоп.

Догадливая синичка

В детстве у нас было так заведено: как наступит осень, мы и начинаем ловить птиц для своего живого уголка. Много птиц за осень и зиму наловим и рассадим по клеткам.

А весной, только пригреет солнце, побегут по дорогам веселые ручьи, — тут мы вынесем все клетки во двор, раскроем дверцы и выпустим птичек на свободу: летите в рощи, в леса, вейте гнезда, выводите птенцов, а осенью опять возвращайтесь к нам на зимнюю квартиру.

Разные птички у нас в клетках зимовали: синицы, щеглы, снегири. Ловили мы их западней. Это небольшая клеточка, только дверца у нее устроена, как у мышеловки.

Вот мы, бывало, откроем западню, а к входу палочку-сторожок приставим, чтобы он не давал дверце захлопываться. Внутри конопляных семян насыплем и повесим западню в саду, на сучке дерева.

Прилетят в сад какие-нибудь птички, сядут на дерево, где западня висит, и увидят в ней зернышки. Подлетят к западне, полезут внутрь, что-

бы зерна клевать, сторожок зацепят —дверца за птичкой и захлопнется.

Один раз попалась нам в западню синица, да только какая-то бесхвостая. Взяли мы ее и выпустили. А через несколько дней она опять попалась. Мы ее снова выпустили. Так она за неделю несколько раз в нашей западне побывала. Прыгает, бывало, внутри, зернышки поклевывает, будто она на воле, а не в запертой клетке. Такая уж, видно, смелая! Может, раньше где-нибудь в клетке жила, вот и привыкла. И презабавная была пичужка: без хвостика, совсем кругленькая, как пушистый шарик. Важно так, бывало, в клетке сидит, словно у себя дома.

Мы уже и не знали, что с ней делать. Как в сад ни придем — западня закрыта, а в ней бесхвостая синица сидит, зерна клюет. Не дает нам других птичек ловить, да и только. А потом попадаться вдруг перестала.

Мы думали, не случилось ли с ней что-нибудь, даже пожалели, что ее к себе домой зимовать не взяли.

Только однажды утром приходим в сад, смотрим, а наша бесхвостая синичка около западни с ветки на ветку перелетает. Затем на крышку западни уселась, с крышки — на дверцу, а с дверцы прыг прямо в западню, да так ловко, что сторожок и не задела.

Стоим мы под деревом и смотрим, что же дальше будет. Наклевалась синичка досыта конопля, прыг из западни на дверцу и опять сторожок не задела. Посидела на дверце, почистила клювик, отряхнулась и улетела. Вот ведь какая догадливая: значит, смекнула, как ей в западню лазить, чтобы дверцу не захлопывать. Так всю зиму у нас и прокормилась.

Лесной голосок

Солнечный день в самом начале лета.

Я брожу неподалеку от дома в березовом пере-леске. Все кругом будто купается, плещется в золотистых волнах тепла и света. Надо мной струятся ветви берез. Листья на них кажутся то изумрудно-зелеными, то совсем золотыми. А внизу, под березами, по траве тоже, как волны, бегут и струятся легкие синеватые тени. И светлые зайчики, как отражения солнца в воде, бегут один за другим по траве, по дорожке.

Солнце и в небе, и на земле... И от этого становится так хорошо, так весело, что хочется убежать куда-то вдаль, туда, где стволы молодых березок так и сверкают своей ослепительной белизной. И вдруг из этой солнечной дали мне послышался знакомый лесной голосок: «Ку-ку, ку-ку!..» Кукушка! Я уже слышал ее много раз, но никогда еще не видел даже на картинке. Какая она из себя? Мне почему-то она казалась толстенькой, головастой, вроде совы. Но, может, она совсем не такая? Побегу погляжу.

Увы, это оказалось совсем не просто. Я — к ней на голос. А она замолчит и вот снова: «Ку-ку, ку-ку!..» — но уже в другом месте.

Как же ее увидеть? Я остановился в раздумье. А может, она играет со мною в прятки? Она прячется, а я ищу. А давай-ка играть наоборот: теперь я спрячусь, а ты поищи.

Я залез в куст орешника и тоже кукукнул раз, другой. Кукушка замолкла: может, ищет меня? Сижу молчу и я, у самого даже сердце колотится от волнения. И вдруг где-то неподалеку: «Ку-ку, ку-ку!..» Я — молчок: поищи-ка лучше, не кричи

на весь лес. А она уже совсем близко: «Ку-ку, ку-ку!...»

Гляжу: через полянку летит какая-то птица, хвост длинный, сама серая, только грудка в темных пестринках. Наверное, ястребенок. Такой у нас во дворе за воробьями охотится. Подлетел к соседнему дереву, сел на сучок, пригнулся да как закричит: «Ку-ку, ку-ку!...»

Кукушка — вот так раз! Значит, она не на сову, а на ястребенка похожа.

Я как кукукну ей из куста в ответ! С перепугу она чуть с дерева не свалилась, сразу вниз с сучка метнулась, шмыг куда-то в лесную чащу, только ее и видел.

Но мне и видеть ее больше не надо. Вот я и разгадал лесную загадку, да к тому же и сам в первый раз заговорил с птицей на ее родном языке.

Так звонкий лесной голосок кукушки открыл мне первую тайну леса. И с тех пор вот уже полве-

ка я брожу зимою и летом по глухим, нехоженным тропам и открываю все новые и новые тайны. И нет конца этим извилистым тропам, и нет конца тайнам родной природы.

Лебеди

В начале мая приехал я из Москвы на Белое море. За одни сутки скорый поезд пронесся более тысячи километров, и мы обогнали весну, которая не спеша, по старинке, со всеми своими гусями, лебедями и бесчисленной птичьей мелочью тоже двигалась с юга на север.

Так и посчастливилось мне в тот год два раза встретить весну: один раз в Москве, а другой раз у Белого моря.

И до чего же хорошо в эту пору в суровом лесном краю! Вот где природа действительно ликует после долгого зимнего сна. День прибывает не так, как у нас — «на воробьиный шаг». Весной на севере ночь словно тает, как остатки льда по рекам и озерам. Да, природе есть куда торопиться. От сплошной темноты зимой нужно перейти к летнему круглосуточному дню. Солнцу надо успеть растопить глубокие зимние снега и хорошенько прогреть землю, чтобы все кругом зацвело, зазеленело. Ведь недолго гостят на севере весна и лето. Вот солнце и спешит в этот короткий срок отдать земле побольше тепла и света.

Я наблюдал за ходом весны прямо из окна домика, где остановился по приезде. Перед моим окном был палисадник. В нем росло несколько молодых березок, и через их тонкие ветви мне была видна просторная гладь Белого моря.

Оно уже очистилось ото льда. Огромные стаи гусей и уток неслись над водой. Птица летела с юга больше ночами, когда в небе разливались прозрачные сумерки, а море серебрилось и поблескивало, отражая свет негаснувшей зари.

Иногда утки, гуси и даже лебеди опускались на море отдохнуть. Они плавали и купались в ледяной воде, радостным криком оглашая тишину весенней ночи. А как только край неба над морем начинал розоветь, птицы вновь поднимались в воздух и летели навстречу свету, куда-то в ясную предутреннюю даль.

Но вот однажды утром, выглянув, как обычно, в окно, я увидел на море совсем недалеко от берега большую снежно-белую птицу. Она беспокойно плавала взад-вперед, подняв голову на длинной шее, и тоскливо кричала.

Да ведь это же лебедь-кликун!

Воришка

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьет.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила: заберется, бывало, на рог и сидит на нем, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдешь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит — она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете,

лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовет мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто это из нас сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал, и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь все будет запирается, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щеку трется, за ухо зубами дергает — просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку — и опять на шкаф.

«Постой, — думаю, — куда это она хлеб все носит?» Подставил я стул, заглянул за шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я ее — вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!» А отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстает.

После такого случая перестали от нас запирается сладкое, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезать не могла.

Но белка на этом не успокоилась, все продолжала запасы на зиму готовить. Найдёт корочку хлеба, орех или косточку — сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером, усталые, поели — и скорее спать. Кошелку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаем — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовет. Прибежали к нему, глядим — все оленьи рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной — всюду грибы. Это белка ранехонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить.

В лесу белки всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка все старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали ее — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес. Жалко нам стало нашей белочки.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дрова, подожгли. Вдруг в печке как завопит что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идет. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунул его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим — тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Все это наша белка себе для гнезда в трубу зата-

шила. Вот ведь какая! Хоть и в доме живет, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

Сиротка

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он еще не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, моченым хлебом, давали маленькие кусочки вареного мяса; он все ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жесткими черными перьями. Он быстро научился летать и переселился на житье из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду все, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко ее. Мама даже прозвала ее Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот творогу или моченого хлеба, проглотит сорока — и опять начинает просить, а сама из тарелки никак не клюет. Учили-учили мы ее — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм запихивать. Наестся, бывало, Сиротка, встряхнется, посмотрит хитрым черным глазком на тарелку, нет ли там еще чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор... Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, ку-

рами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирает, а ее не трогает. Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет теплыми мочеными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристает Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто ее покормить не хочет. Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на нее, забормочет: «Это что за безобразие!» — и прочь отойдет. А потом вдруг захлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоеет: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы ее из рук кормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты.

Уж она приставала-приставала ко всем, никто ее не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу приметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они, как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается! Зовет, зовет, потом схватит червяка в клюв, потрясет им, бросит и опять зовет — ни за что первый съесть не хочет. Даже охрип, а куры все не идут.

Вдруг, откуда ни возьмись, сорока. Подлетела к

Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясет им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей второго подает. Съела и второго и третьего, а четвертого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам все приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!..» Кланяется, клювом червей на земле показывает: «Ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные».

И уж не знаю, как это у них там все получилось, как он ей растолковал, в чем дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула головку на бок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здоровенного червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: «Вот, мол, как по-нашему».

Но сорока, видно, поняла, в чем дело, — прыгает возле него да поклевывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз ее Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

Заботливая мамаша

Как-то раз пастухи поймали лисенка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисенок был еще маленький, весь серый, мордочка темная, а хвост на конце беленький. Зверек забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока, поставила тут же, рядом. Но напуганный зверек молоко пить не стал. Тогда папа сказал, что лисенка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но папа запер дверь, и мы ушли домой. Был уже вечер, скоро все легли спать.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом тьявкает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисенок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и, крадучись, подбежала к амбару. Сразу тьяканье в нем прекратилось, вместо него послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрывать землю под ним. Но там был крепкий каменный фундамент, и лиса ничего не могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисенок опять начал скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа

сказал, что она больше не придет, велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисенка. Что такое?.. На пороге, возле самой двери, лежал мертвый зайчонок.

Я скорее побежал к папе и привел его с собой.

— Вот так штука! — сказал папа, увидя зайчонка. — Это, значит, мать-лиса еще раз приходила к лисенку, принесла ему еду. Попасть внутрь она не смогла, так и оставила снаружи. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щелки и два раза ходил с мамой кормить лисенка. А вечером я никак не мог заснуть, все вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно темной занавеской.

Зато утром я поднялся чуть свет и сразу побежал

к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а задушенная соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисенка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детенышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисенка куда хотите, — кричали они, — а то с ним лиса всю птицу у нас переведет!

Делать было нечего. Папа посадил лисенка в мешок и отнес назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

Ушан

Охотиться я начал очень рано. Когда мне исполнилось двенадцать лет, папа подарил мне ружье и стал брать с собой в лес и на болото.

Вот как-то осенью возвращались мы с охоты. Слез я с телеги и пошел рядом — ноги размять. А проезжали мы через лесок. Вся дорога была завалена желтыми листьями: они лежали толстым пушистым слоем, шуршали под ногами. Так я и шел, глядя под ноги, и гнал перед собою большую пушистую волну листьев. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то темнеет. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький! Я так и ахнул: ведь только что здесь телега проехала, как же она зайчонка не раздавила?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, заяка, счастливый!

Взял я его на руки, а он съежился на ладони, сидит дрожит, а бежать и не собирается. «Возьму-

ка, — думаю, — его к себе домой, может, он у меня и выживет, а то все равно погибнет — уж очень поздно родился. Ведь скоро зима настанет, замерзнет, бедняга, или попадет лисе на завтрак».

Настелил я в охотничью сумку листьев, посадил туда зайчонка и привез домой. Дома мама налила в блюдечко молока, предложила зайке. Только он пить не стал — мал еще, не умеет. Тогда мы взяли пузырек, вылили туда молоко, надели на пузырек соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, поводит усами. Мама выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку нос. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда кончик соски и всунули. Зайчонок зачмокал, засосал да так весь пузырек и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам, никого не боится.

Прошел месяц, другой, третий... Вырос наш заяц, совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана, у нас жил старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка. Зимой, когда в доме становилось холодно, придет, бывало, Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку, свернется клубочком. Джек сейчас же к нему: уткнется своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, а сам дышит тепло-тепло, так что Иваныч тоже доволен.

Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко побеспокоился, но скоро тоже привык; а потом все трое очень подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, когда затопят печку. Сейчас же все они к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печки по стенам бегают, а за ними черные тени, и от этого кажется, что все в комнате движется: и столы и стулья будто живые. Дрова в печке горят, горят, да вдруг как треснут — и вылетит золотой уголек. Тут друзья от печки — врассыпную. Отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивая: «Что случилось?» Потом понемножку успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так. Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг

Иваныч Ушана легонько лапой хватать! Раз тронет, другой... Заяц лежит-лежит да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч — за ним, а Джек — за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. А как зайцу надоест, он марш под печку, вот и игре конец.

А перед тем как улечься спать, Ушан каждый раз, бывало, следы свои запутывает. На воле заяц всегда так делает: начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберешь, куда заяц ушел. Недаром такие следы называются «заячьи петли». Наткнется охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал ее и убежал.

Вот и наш Ушан каждый день, прежде чем залезть под печку, старался следы свои запутать. Бывало, прыгает взад и вперед по комнате, выделывает свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака Джек и посматривает на него одним глазом, будто смеется над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, дружная, теплая... Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу, выпустить. Посадил я его в корзинку, пошел в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзинку посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы в лес, вынул я Ушана из корзинки, пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, не бежит, только ушами шевелит. Тут я хлопнул в ладоши. Заяц прыг-прыг! — и поскакал к кустам. Джек увидел — скорей догонять. А Ушан все в лес не бежит, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

«Вот, — думаю, — по кустам-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам».

Я на зайца кепкой махнул, кричу:

— Беги в лес, косой! Чего здесь вертишься?

Ушан испугался, поскакал в лес, и Джек за ним.

Подождал я — Джек не возвращается. Только вдруг слышу в лесу заячий крик, еще и еще. Я на крик бросился, добежал, гляжу — а уж Джек держит в зубах Ушана.

Я — на помощь:

— Брось! Что ты делаешь? Ведь это наш Ушан!

А Джек смотрит на меня и хвостом виляет.

Е. ЧАРУШИН
(1901-1965)

Волчишко

Жил в лесу волчишко с матерью. Вот как-то раз ушла мать на охоту. А волчишку поймал человек, сунул его в мешок и принес в город. Посреди комнаты мешок положил.

Долго не шевелился мешок. Потом забарахтался в нем волчишко и вылез.

В одну сторону посмотрел — черный кот фыркает, пыжится, самого себя вдвое толще, еле стоит. А рядом пес зубы скалит.

Совсем забоялся волчишко, полез в мешок обратно, да не влезть, — лежит пустой мешок на полу, как тряпка.

А кот пыжился, пыжился да как зашипит!

Прыгнул на стол, блюдце свалил. Разбилось
блюдце.

Пес залаял.

Человек закричал громко:

— Ха! Ха! Ха! Ха!

Забился волчишко под кресло и там стал жить —
дрожать.

Кресло посреди комнаты стоит.

Кот со спинки кресла вниз посматривает.

Пес вокруг кресла бегаёт.

Человек в кресле сидит — дымит.

А волчишко еле жив под креслом.

Ночью человек уснул, и пес уснул, и кот зажму-
рился.

Коты — они не спят, а только дремлют.

Вылез волчишко осмотреться.

Походил, походил, понюхал, а потом сел и за-
выл.

Пес залаял.

Кот на стол прыгнул.

Человек на кровати сел. Замахал руками, за-
кричал. А волчишко опять под кресло залез. Стал
тихонько там жить.

Утром ушел человек. Молока налил в плошку.

Стали кот с собакой молоко лакать.

Вылез из-под кресла волчишко, подполз к две-
ри, а дверь-то открыта!

Из двери на лестницу, с лестницы на улицу, с
улицы по мосту, с моста в огород, из огорода в
поле.

А за полем стоит лес.

А в лесу мать-волчиха.

Обнюхались, обрадовались и дальше побежали
по лесу.

Медвежата

В трех областях охотники убили трех медведиц. Три выводка медвежат продали в зоопарк.

В зоопарке их всех посадили в одну клетку: бурых, рыжих, черноватых, неодинаковых и мастью и ростом — кто побольше, кто поменьше.

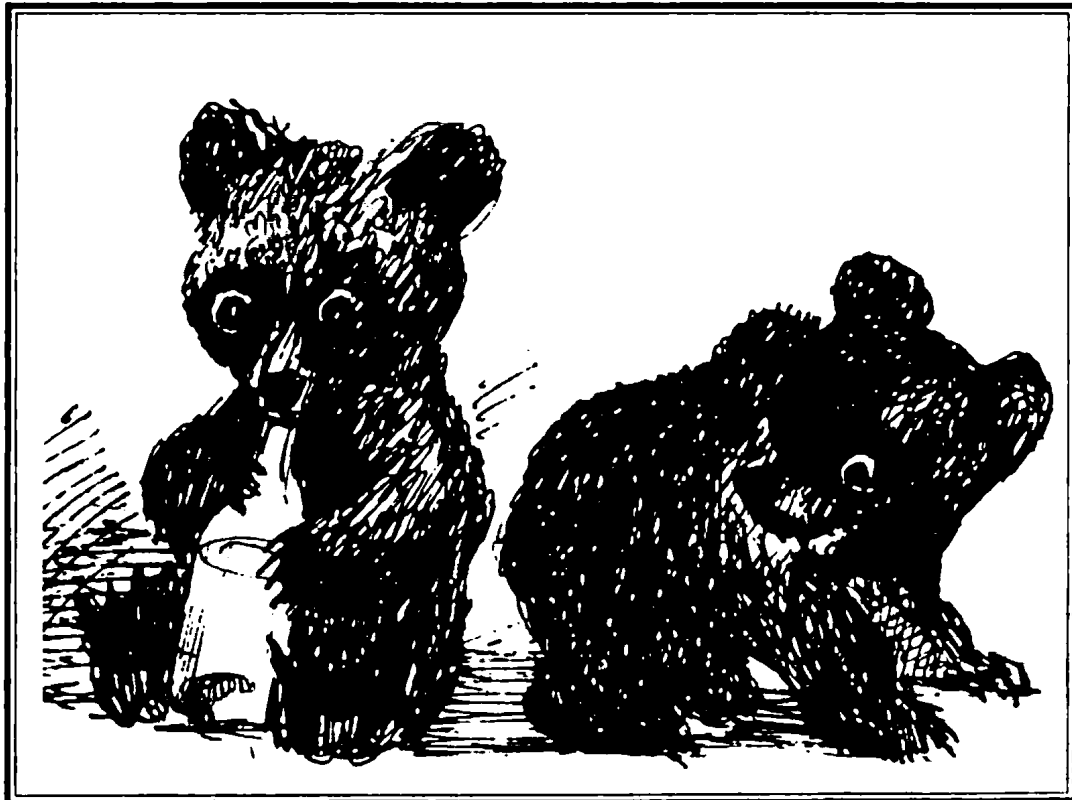
Самый маленький — самый угрюмый.

Сидит в углу, чешет животик, лапу сосет и все время ворчит.

А другие веселые: борются, по клетке лазят, барахтаются, кричат, пыhtят, мохнатые, пузатые, большеголовые, косолапые медвежатаки.

Один хоть всех перерос, а есть не умеет по-настоящему.

Его служительница соской кормит. В бутылку молока нальет, тряпку в горлышко сунет и отдаст ему. Он бутылку облапит и сосет. Никого к себе не подпускает, ворчит. Страшно так!

Другой, черноватый, с белым пятном-нагрудником, все лазает, карабкается. Полез он по железным прутьям клетки к потолку. Прутья-то скользкие, два вершка пролезет да на вершок обратно съедет. Лез, лез, до половины добрался, а дальше никак. Вовсю лапами работает, визжит со злости, хочется ему на потолок, а ничего не выходит — вниз съезжает.

Придумал. Вцепился зубами в железный прут и висит — лапы отдыхают.

Повисел, отдохнул и сразу до потолка добрался. Потом и по потолку полез, да сорвался, упал и завопил отчаянным голосом.

Прибежала служительница, взяла его на руки, укачивает, гладит.

Медвежишка успокоился, учуял в кармане конфету, достал и вместе с бумажкой давай ее сосать, причмокивать.

Принесли медвежатам молочной каши. Все на корытце навалились, толкаются, прямо в кашу лезут, огрызаются, чавкают, чмокают, сопят.

Вдруг опять кто-то закричал.

Орет благим матом — надрывается.

А это тот самый сосун, который по-настоящему есть не умеет. Выбрался он из клетки, когда кашу давали, и полез по метле — у клетки метла стояла.

Полез Миша по метле и вместе с ней свалился. Об пол ушибся, да еще и палка от метлы его по голове ударила.

Лежит, закрыл глаза и вопит. А метлу из лап не выпускает.

Дали ему опять соску.

Медвежата съели кашу: так вывозились, что никакой масти не узнаешь — все в каше. Стали полосатые, пятнистые. Поели и снова давай играть.

Захотелось мне купить медвежонка, да нельзя. В зоопарке медвежат не продают.

Олешки

Привезли в зоосад двух олешков. Маленьких, ростом с козу.

Назывались они «мунджак» и родом были из Индии.

У оленя рога с развилиной, а самка безрогая.

Глаза у обоих большие, черные и с ресницами. Как у человека.

Совсем людей не боялись олешки, тыкались холодными носами в руки — корм выпрашивали. И очень любили, когда у них за ушами чешут.

Однажды увидел я — завешена их клетка брезентом, и брезент прибит гвоздями по бокам, чтобы народ его не отворачивал.

— Зачем, — спрашиваю, — завесили оленей?

— Олениха обьягнилась!

Ну, я не вытерпел, все-таки посмотрел за брезент.

И увидел: два маленьких-маленьких, желтых с белыми пятнами олешка — не больше кошки ростом — стоят и на меня глазами и ушами наставились.

Ножки — тонкие, вроде карандашей, передние в коленях сходятся, а у земли разошлись в стороны.

Лупоглазые, глупые олешки.

Смотрели они, смотрели, испугались и повернулись ко мне задом.

А олениха, всегда ласковая, вдруг бросилась на меня и стукнулась безрогим лбом о решетку.

Долго не был я в зоосаду. Прихожу — в клетке не четверо, а трое. Вырос олененок, ростом с мать уже, рога шишками на лбу прорастают, а шкура все еще ребячья — желтая в белых пятнышках.

— А где же другой? — спрашиваю.
— А как сняли брезент с клетки, дал ему кто-то конфету, он конфету съел и к утру издох.
Слабенький был олешек!

Верный Трой

Сговорились мы с приятелем побегать на лыжах. Зашел я за ним утром. Он в большом доме живет — на улице Пестеля.

Вошел я во двор. А он увидел меня из окна и машет рукой с четвертого этажа.

— Жди, — мол, — сейчас выйду.

Вот я и жду на дворе, у двери. Вдруг сверху кто-то как загремит по лестнице.

Стук! Гром! Тра-та-та-та-та-та-та-та! Деревянное что-то стучит-трещит по ступенькам, как трещотка какая.

«Неужели, — думаю, — это приятель мой с лыжами да с палками свалился, ступеньки пересчитывает?» Я поближе к двери подошел. Что же там по лестнице катится? Жду.

И вот смотрю — выезжает из дверей пятнистая собака — бульдог. Бульдог на колесиках.

Туловище у него прибинтовано к игрушечному автомобильчику — грузовичок такой, «Амо».

А передними лапами бульдог по земле ступает — бежит и сам себя катит.

Морда курносая, морщинистая. Лапы толстые, широко расставленные. Выехал он из дверей, посмотрел сердито по сторонам. А тут рыжая кошка двор переходила. Как бросится за кошкой бульдог — только колеса подпрыгивают на камнях да ле-

дядьках. Загнал кошку в подвальное окно, а сам ездит по двору — углы обнюхивает.

Тут я вытащил карандаш и записную книжку, уселся на ступеньке и давай его рисовать.

Вышел мой приятель с лыжами, увидел, что я собаку рисую, и говорит:

— Рисуй его, рисуй — это герой собачий. Он из-за храбрости своей калекой стал.

— Как так? — спрашиваю.

Погладил мой приятель бульдога по складкам на загривке, конфету ему в зубы дал и говорит мне:

— Пойдем, я тебе по дороге всю его историю расскажу. Замечательная история, ты прямо и не поверишь.

— Так вот, — сказал приятель, когда мы вышли за ворота, — слушай.

Имя у нашей собаки немецкое — Трой. По-нашему это значит — верный.

И правильно его так называли.

Ушли мы как-то раз на службу. У нас в квартире все служат — один командиром в Красной армии, другой на почте телеграфистом, жены тоже служат, а дети учатся. Ну вот, ушли мы все, а Трой один остался — квартиру сторожить.

Выследил какой-то ворище — молодой бандит, что пустая у нас осталась квартира, вывернул замок из двери и давай у нас хозяйничать.

У него с собой мешок был громадный. Хватает он все, что попало, и сует в мешок, хватает и сует. Ружье мое в мешок попало, сапоги новые, командирские часы наградные, бинокль Цейса, валенки ребячьи.

Штук шесть пиджаков да френчей да курток всяких он на себя натянул, — в мешке уж места, видно, не было.

А Трой лежит у печки, молчит, — вор его и не видит.

Такая уж у Троя привычка: впустить он кого угодно впустит, а вот выпустить — так нет.

Ну вот, обобрал вор всех нас дочиста. Самое дорогое, самое лучшее взял. Уходить ему пора. Сунулся он к двери...

А в дверях Трой стоит.

Стоит и молчит.

А морда у Троя — видал какая?

А грудища-то!

Стоит Трой, насупился, глаза кровью налились, и клык изо рта торчит.

Вор так и прирос к полу. Попробуй, уйди!

А Трой ощерился, избочился и боком стал наступать.

Тихонько подступает. Он всегда так врага запугивает — собаку ли, человека ли.

Ворюга, видно, от страха совсем обалдел, метаться начал без толку, а Трой на спину ему прыгнул и все шесть пиджаков на нем разом прокусил.

Ты знаешь, как бульдоги мертвой хваткой хватают?

Глаза закроют, челюсти захлопнут как на замок, да так и не разомкнут зубов, хоть убей их тут.

Мечется вор, об стены спиной трется. Цветы в горшках, вазочках, книги с полок сбрасывает. Ничего не помогает. Висит на нем Трой, как гиря какая.

Ну, догадался наконец вор, вывернулся он как-то из своих шести пиджаков и весь этот куль вместе с бульдогом раз за окно!

Это с четвертого-то этажа!

Полетел бульдог головой вниз во двор.

Хлоп!

Жижа в стороны брызнула, картошка гнилая, головы селедочные, дрянь всякая.

Угодил Трой со всеми нашими пиджаками прямо в помойную яму. До краев была навалена в этот день наша помойка.

Ведь, вот какое счастье! Если бы о камни он брякнулся — все бы косточки переломал и не пикнул бы.

Сразу бы ему смерть.

А тут будто кто ему нарочно помойку подставил — все же помягче падать.

Вынырнул Трой из помойки, выкарабкался — будто целый совсем. И подумай только, успел он еще вора на лестнице перехватить.

Опять в него вцепился, в ногу на этот раз. Тут сам вор себя выдал, заорал, завыл.

Сбежались на вой жильцы со всех квартир, и с третьего, и с пятого, и с шестого этажа, со всей черной лестницы.

А вор только кричит не своим голосом:

— Собаку держите. О-о-ой! Сам в милицию пойдете. Оторвите только черта окаянного.

Легко сказать — оторвите.

Два человека тянули бульдога, а он только хвостиком-обрубком помахивал и еще сильнее челюсти зажимал.

Принесли жильцы из первого этажа кочергу, просунули Трою между зубов. Только таким манером и разжали ему челюсти.

Вышел вор на улицу — бледный, всклокоченный. Трясется весь, за милиционера держится.

— Ну и собачка, — говорит. — Ну и собачка!

Увели вора в милицию. Там он и рассказал, как дело было.

Прихожу я вечером со службы. Вижу — в дверях

замок выворочен. В квартире мешок с добром нашим валяется.

А в уголке, на своем месте, Трой лежит. Весь грязный, вонючий.

Позвал я Троя.

А он и подойти не может. Ползет, повизгивает. У него задние ноги отнялись.

Ну, теперь вот мы всей квартирой по очереди его гулять выводим. Я ему колесики приспособил. Он сам скатывается на колесиках по лестнице, а назад взобраться уж не может. Надо приподнимать кому-нибудь автомобильчик сзади. Передними-то лапами Трой сам переступает.

Так сейчас и живет пес на колесиках.

В. АСТАФЬЕВ
(р. 1924)

Птицы живут повсюду и часто так привычны, что люди их почти не замечают; более того, людям, особенно ребятишкам, кажется, что жизнь птичья совершенно беззаботная, полна сплошного счастья, а между тем птицы — это едва ли не самые бесстрашные и великие труженики на земле. Только вот труд их и жизнь незаметны; очень уж ненадоедливы, скромны птицы, и оттого обижают их иногда люди, особенно ребятишки: разоряют гнезда, крадут яйца, а то и птенцов ради потехи.

В этой книжке я вспомнил и рассказал всего лишь о трех разных птицах, а их только в нашей стране вьют гнезда тысячи. Присмотритесь к их жизни внимательней, ребята, и вы узнаете, какой

это веселый, приветливый народ — птицы, и, я уверен, зимой, в стужу, вам непременно захочется помочь им — покормить крошками хлеба, крупкой — это так нетрудно сделать и так приятно.

В городе, в деревне ли проснулся ты рано утром, мой маленький читатель, только открыл глаза, только начал слышать мир, а за окном звонкое, чистое: «вить-витю-витю», — это маленькая хлопотунья чечевица приветствует тебя, а дальше хорянка, зяблик, ласточка, щегол, овсянка — и все они тебе рады-прерады. Порадуйся и ты им, полюби их ответно, ведь без них онемела бы наша земля и жизнь на ней сделалась бы скучной.

В.И. БЕЛОВ
(р. 1932)

МАЛЬКА

Малька провинилась

Как-то зимой, по снегу, я пошел к Лидии за молоком и услышал, как в доме ругалась хозяйка.

«Что такое? — подумалось мне. — Кого это Лидия так честит».

— Кривоногая! Шельма! — слышался за дверью голос Лидии. — Чего уши-то выставила? Ох, блудная! Ну, погоди! Не стыдно тебе в глаза глядеть, батявке? Не стыдно?

Я вошел в комнату. Лидия поздоровалась со мной и продолжала ругаться:

— Ремень-то бы взять да нахлестать! Либо совсем на волю выставить, бессовестную!

Оказывается, Лидия ругала Мальку. За то, что та принесла двух щенят. Малька с недоумением глядела в глаза хозяйке, виновато мотала хвостом и не понимала, за что ее так ругают. Я поглядел под лавку: там в старой шапке-ушанке беспомощно барахтались два крохотных кутенка. Малька едва не вцепилась мне в нос.

— Сиди! — осадил ее Лидия. — Сиди, никто не возьмет твоих шаромыжников! Кому они нужны...

Лидия ругала Мальку два дня, а на третий сказала:

— Ладно, пускай живут.

Потом я слышал, что одного щеночка забрал тракторист, который часто проезжал через деревню. Второго Лидия отнесла за реку в соседнюю деревню, а взамен принесла рыжего молодого кота.

Не знаю уж, как отнеслась ко всему этому Малька, наверно, не очень-то ей было приятно. Лидия, во всяком случае, была довольна.

Деревня, где я жил, размещалась на горке, а на другой стороне засыпанной снегом речки, тоже на горке, стоит другая соседняя деревня. Летом через речку ходили по лаве. Лава — это два стесанных бревна, перекинутых с одного берега на другой. Тропка на ту сторону оставалась прежняя, люди и зимой ходили по лаве, хотя можно было и по льду, напрягами. Я каждый день катался тут на лыжах. Однажды смотрю — по тропке из соседней заречной деревни бежит Малька. Одна-одинешенька. Бежит домой деловито, ни на что не оглядываясь. Кривые ножки так и мелькают по белому снегу. На следующий день — опять. Я удивился: куда это она бегаёт? Да ещё каждый день и всегда в одно и то же время. Спросил у Лидии:

— Куда это Малька каждый день бегаёт?

— Да кормить! — весело пояснила Лидия. — Изо дня в день так и бегаёт, ничем не остановить. Уж я ее в избе запирала, все впустую. Только отвернешься — готово дело. Была да нет, побежала кормить свое дитяtko.

Вот так, думаю, Малька! Какая верная оказалась мамаша. Каждый день за два километра в чужую деревню, несмотря ни на какие опасности, бегаёт кормить своего сынка. Не каждая так может.

Еще про Мальку

Так Малька и бегала ежедневно в ту деревню. Она ни разу не забыла свою обязанность. Между тем со всех сторон наступила весна. Снег таял, и

речка сначала потемнела, потом разлилась. Теперь, если и захочешь не по лаве, то не проберешься на тот берег.

Как-то утром я пошел за водой, смотрю, за ночь река разлилась, вода подступила к баням. Широкое водное плесо заполнило всю низину.

Федя уже ездил на лодке, приглядывая места, где можно поставить верши. Весело свистели прилетевшие ночью долговязые кулики. Постой, а где же лава? Я взглянул на то место, где образовалась тропка, и обомлел. Бревен-то не было. Ночью их подняло водой и унесло. Связь с тем берегом оборвалась, подумалось мне, проехать можно только на Фединой лодке. А как же Малька?

Малька была легка на помине. Я видел, как она подбежала к воде, сунулась туда-сюда. Везде одна вода и лав не было. Малька ступила в воду и вдруг поплыла. Такая маленькая, беспомощная собачка не испугалась широкой быстрой реки и холодной воды! Я с волнением глядел, что будет дальше. А что дальше? Малька, видимо, изо всех сил плыла наперерез струям, но ее несло все быстрее. Сил у нее было немного, а течение сильное, и вот ее несло по реке. Когда Мальку проносило мимо меня, я бросил ей какую-то дощечку. Но все напрасно. Малька стремилась на тот берег. Я видел, как она, выбиваясь из сил, с головой окунулась в воду. И закричал Феде, чтобы он выловил Мальку. Федя и сам видел, к чему идет дело. Он поставил лодку поперек течения и подправил ее веслом, чтобы поймать собачонку.

— Ой, дура, куда сунулась, — приговаривал он.
— Ну, матушка, давай, давай сюда!

Он бросил весло в реку и рукой выхватил Мальку из ледяной воды. Наверное, еще немного бы и

она захлебнулась, потому что была еле жива.

— Матушка! — уговаривал ее Федя. — Да разве дело? Его, дурака, да еще и кормить! Ведь большой уж обормот, а ты все бегаешь.

Федя причалил к берегу и выпустил дрожащую от холода и ставшую совсем крохотной Мальку.

— Беги, беги домой! — сказал он и обернулся ко мне. — Что значит животное.

И мы оба подивились Малькиной материнской верности.

ДУРОВ
Владимир Леонидович
(1863-1934)

Наша Жучка

Когда я был маленький, я учился в военной гимназии. Там, кроме всяких наук, учили нас еще стрелять, маршировать, отдавать честь, брать на караул — все равно как солдат.

У нас была своя собака Жучка. Мы ее очень любили, играли с ней и кормили ее остатками от казенного обеда.

И вдруг у нашего надзирателя, у «дядьки» появилась своя собака, тоже Жучка. Жизнь нашей Жучки сразу переменилась: «дядька» заботился только о своей Жучке, а нашу бил и мучал. Однажды он плеснул на нее кипятком. Собака с визгом бросилась бежать, а потом мы увидели: у нашей на боку и на спине полезла шерсть и даже кожа! Мы страшно разозлились на «дядьку». Собрались в укромном уголке коридора и стали придумывать, как отомстить ему.

— Надо его проучить, — говорили ребята.

— Надо вот что...

— Правильно! Утопить!

— А где утопить? Лучше камнем убить!

— Нет, лучше повесить.

— Правильно! Повесить! Повесить!

«Суд» совещался недолго. Приговор был принят единогласно: смертная казнь через повешение.

— Пойдите, а кто будет вешать?

Все молчали. Никому не хотелось быть палачом.

— Давайте жребий тянуть! — предложил кто-то.

— Давайте!

В гимназическую фуражку были положены записки. Я почему-то был уверен, что мне достанется пустая, и с легким сердцем сунул руку в фуражку. Достал записку, развернул и прочитал:

«Повесить».

Мне стало неприятно. Я позавидовал товарищам, которым достались пустые записки, но все же пошел за «дядиной» Жучкой.

Собака доверчиво виляла хвостом.

Кто-то из наших сказал:

— Ишь, гладкая! А у нашей весь бок облезлый.

Я накинул Жучке на шею веревку и повел в сарай. Жучка весело бежала, натягивая веревку и оглядываясь. В сарае было темно. Дрожащими пальцами я нащупал над головой толстую поперечную балку; потом размахнулся, перекинул веревку через балку и стал тянуть.

Вдруг я услышал хрипение. Собака хрипела и дергалась. Я задрожал, зубы у меня защелкали, как от холода, руки сразу стали слабые, пальцы разжались... Я выпустил веревку, и собака тяжело упала на землю.

Я почувствовал страх, жалость и любовь к собаке. Что делать? Она, наверно, задыхается сейчас в предсмертных мучениях! Надо скорее добить ее, чтобы не мучилась. Я нашарил камень и размахнулся. Камень ударился обо что-то мягкое. Я не выдержал, заплакал и бросился вон из сарая. Убитая собака осталась там.

В ту ночь я плохо спал. Все время мне мерещилась Жучка, все время в ушах слышалось ее предсмертное хрипение.

Наконец настало утро. Разбитый, с головной болью, я кое-как поднялся, оделся и пошел на занятия.

И вдруг на плацу, где мы всегда маршировали, я увидел чудо. Что такое? Я остановился и протер глаза. Собака, убитая мною накануне, стояла, как всегда, около нашего «дядьки» и помахивала хвостом. Завидев меня, она как ни в чем не бывало, подбежала и с ласковым повизгиванием стала тереться у ног.

Как же так? Я ее вешал, а она не помнит зла и еще ласкается ко мне! Слезы выступили у меня на глазах. Я нагнулся к собаке и стал ее обнимать и целовать в косматую морду. Я понял: там, в сарае, я угодил камнем в глину, а Жучка осталась жива.

Вот с тех пор я и полюбил животных. А потом, когда вырос, стал воспитывать зверей и учить их, то есть дрессировать.

Только я их учил не палкой, а лаской, и они меня тоже любили и слушались.

Леонид АНДРЕЕВ
(1871-1919)

Кусака

1

Она никому не принадлежала; у нее не было собственного имени, и никто не мог бы сказать, где находилась она во всю долгую морозную зиму и чем кормилась. От теплых изб ее отгоняли дворовые собаки, такие же голодные, как и она, но гордые и сильные своею принадлежностью к дому; когда, гонимая голодом или инстинктивной потребностью в общении, она показывалась на улице, — ребята бросали в нее камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали. Не помня себя от страха, переметываясь со стороны на сторону, натываясь на загородки и людей, она мчалась на край поселка и пряталась в глубине большого сада, в одном ей известном месте. Там она и зализывала ушибы и раны и в одиночестве копила страх и злобу.

Только один раз ее пожалели и приласкали. Это был пропойца-мужик, возвращавшийся из кабака. Он всех любил и всех жалел и что-то говорил себе под нос о добрых людях и своих надеждах на добрых людей; пожалел он и собаку, грязную и некрасивую, на которую случайно упал его пьяный и бесцельный взгляд.

— Жучка! — позвал он ее именем, общим всем собакам. — Жучка! Пойди сюда, не бойся!

Жучке очень хотелось подойти; она виляла хвостом, но не решалась. Мужик похлопал себя рукой по коленям и убедительно повторил:

— Да пойдя, дура! Ей-Богу, не трону!

Но, пока собака колебалась, все яростнее размахивая хвостом и маленькими шажками подвигаясь вперед, настроение пьяного человека изменилось. Он вспомнил все обиды, нанесенные ему добрыми людьми, почувствовал скуку и тупую злобу и, когда Жучка легла перед ним на спину, с размаху ткнул ее в бок носком тяжелого сапога

—У-у, мразь! Тоже лезет!

Собака завизжала, больше от неожиданности и обиды, чем от боли, а мужик, шатаясь, побрел домой, где долго и больно бил жену и на кусочки изорвал новый платок, который на прошлой неделе купил ей в подарок.

С тех пор собака не доверяла людям, которые хотели ее приласкать, и, поджав хвост, убегала, а иногда со злобою набрасывалась на них и пыталась укусить, пока камнями и палкой не удавалось ее отогнать. На одну зиму она поселилась под террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и бескорыстно сторожила ее: выбегала по ночам на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улегшись на свое место, она все еще злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало некоторое довольство собой и даже гордость.

Зимняя ночь тянулась долго-долго, и черные окна пустой дачи угрюмо глядели на обледеневший неподвижный сад. Иногда в них как будто вспыхивал голубоватый огонек: то отражалась на стекле упавшая звезда, или остророгий месяц посылал свой робкий луч.

II

Наступила весна, и тихая дача огласилась громким говором, скрипом колес и грозным топотом людей, переносящих тяжести. Приехали из города дачники, целая веселая ватага взрослых, подростков и детей, опьяненных воздухом, теплом и

светом; кто-то кричал, кто-то пел, смеялся высоким женским голосом.

Первой, с кем познакомилась собака, была хорошенькая девушка в коричневом форменном платье, выбежавшая в сад. Жадно и нетерпеливо, желая охватить и сжать в своих объятиях все видимое, она посмотрела на ясное небо, на красноватые сучья вишен и быстро легла на траву, лицом к горячему солнцу. Потом так же внезапно вскочила и, обняв себя руками, целуя свежими устами весенний воздух, выразительно и серьезно сказала:

— Вот весело-то!

Сказала и быстро закружилась. И в ту же минуту беззвучно подкрадываясь собака яростно вцепилась зубами в раздувавшийся подол платья, рванула и так же беззвучно скрылась в густых кустах крыжовника и смородины.

— Ай, злая собака! — убегая, крикнула девушка, и долго еще слышался ее взволнованный голос: — Мама, дети! Не ходите в сад: там собака! Огромная!.. Злю-у-щая!..

Ночью собака подкралась к заснувшей даче и бесшумно улеглась на свое место под террасой. Пахло людьми, и в открытые окна разносились тихие звуки короткого дыхания. Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их: спала одним глазом и при каждом шорохе вытягивала голову с двумя неподвижными огоньками фосфорически светящихся глаз. А тревожных звуков было много в чуткой весенней ночи: в траве шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось к самому лоснящемуся носу собаки; хрустела прошлогодняя ветка под заснувшей птицей, и на близком шоссе грохотала телега и скрипе-

ли нагруженные возы. И далеко окрест в неподвижном воздухе расстилался запах душистого, свежего дегтя и манил в светлеющую даль.

Приехавшие дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко от города, дышали хорошим воздухом, видели вокруг себя все зеленым, голубым и беззлобным, делало их еще добрее. Теплом входило в них солнце и выходило смехом и расположением ко всему живущему. Сперва они хотели прогнать напугавшую их собаку и даже застрелить ее из револьвера, если не уберется; но потом привыкли к лаю по начам и иногда по утрам вспоминали:

— А где же наша Кусака?

И это новое имя «Кусака» так и осталось за ней. Случалось, что днем замечали в кустах темное тело, бесследно пропадавшее при первом движении руки, бросавшей хлеб, — словно это был не хлеб, а камень, — и скоро все привыкли к Кусаке, называли ее «своей» собакой и шутили по поводу ее дикости и беспричинного страха. С каждым днем Кусака на один шаг уменьшала пространство, отделявшее ее от людей; присмотрелась к их лицам и усвоила их привычки: за полчаса до обеда уже стояла в кустах и ласково помаргивала. И та же гимназистка Леля, забывшая обиду, окончательно ввела ее в счастливый круг отдыхающих и веселящихся людей.

— Кусачка, подойди ко мне! — звала она к себе. — Ну, хорошая, ну, милая, подойди! Сахару хочешь?.. Сахару тебе дам, хочешь? Ну подойди же!

Но Кусачка не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря так ласково, как это можно было при красивом голосе и кра-

сивом лице, Леля продвигалась к собаке и сама боялась: вдруг укусит.

— Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенький носик и такие выразительные глазки. Ты не веришь мне, Кусачка?

Брови Лели поднялись, и у самой у нее был такой хорошенький носик и такие выразительные глаза, что солнце поступило умно, расцеловав горячо, до красноты щек, все ее молоденькое, наивно-прелестное личико.

И Кусачка второй раз в своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная наверно, ударят ее или приласкают. Но ее приласкали. Маленькая, теплая рука прикоснулась нерешительно к шершавой голове и, словно это было знаком неотразимой власти, свободно и смело забегала по всему шерстистому телу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дети! Смотрите: я ласкаю Кусаку! — кричала Леля.

Когда прибежали дети, шумные, звонкоголосые, быстрые и светлые, как капельки разбежавшейся ртути, Кусака замерла от страха и беспомощного ожидания: она знала, что, если теперь кто-нибудь ударит ее, она уже не в силах будет впиться в тело обидчика своими острыми зубами: у нее отняли ее непримиримую злобу. И когда все наперебой стали ласкать ее, она долго еще вздрагивала при каждом прикосновении ласкающей руки, и ей больно было от непривычной ласки, словно от удара.

III

Всею своею собачьей душою расцвела Кусачка. У нее было имя, на которое она стремглав неслась из зеленой глубины сада; она принадлежала

людям и могла им служить. Разве недостаточно этого для счастья собаки?

С привычкою к умеренности, создающейся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило ее до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшей грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас. И когда от нечего делать выбегала к воротам, становилась у порога и важно осматривала улицу вверх и вниз, никому уже не приходило в голову дразнить ее или бросать камнем.

Но такую гордою и независимою она бывала только наедине. Страх не совсем еще выветрился огнем ласк из ее сердца, и всякий раз при виде людей, при их приближении она терялась и ждала побоев. И долго еще всякая ласка казалась ей неожиданностью, чудом, которого она не могла понять и на которое она не могла ответить. Она не умела ласкаться. Другие собаки умеют становиться на задние лапки, тереться у ног и даже улыбаться, и тем выражают свои чувства, но она не умела.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить ее восторга, благодарности и любви, — и с внезапным наитием Кусака начала делать то, что, быть может, когда-нибудь она видела у других собак, но уже давно забыла. Она нелепо кувыркалась, неуклюже прыгала и вертелась вокруг самой себя, и ее тело, бывшее всегда таким гибким и ловким, становилось неповоротливым, смешным и жалким.

— Мама, дети! Смотрите, Кусака играет! — кри-

чала Леля и, задыхаясь от смеха, просила: — Еще, Кусачка, еще! Вот так! Вот так...

И все собирались и хохотали, а Кусака вертелась, кувыркалась и падала, и никто не видел в ее глазах странной мольбы. И как прежде на собаку кричали и улюлюкали, чтобы видеть ее отчаянный страх, так теперь нарочно ласкали ее, чтобы вызвать в ней прилив любви, бесконечно смешной в своих неуклюжих и нелепых проявлениях. Не проходило часа, чтобы кто-нибудь из подростков или детей не кричал:

— Кусачка, милая Кусачка, поиграй!

И Кусачка вертелась, кувыркалась и падала при несмолкаемом веселом хохоте. Ее хвалили при ней и за глаза и жалели только об одном, что при посторонних людях, приходивших в гости, она не хочет показать своих штук и убегает в сад или прячется под террасой.

Постепенно Кусачка привыкла к тому, что о пище не надо заботиться, так как в определенный час кухарка даст ей помоев и костей, уверенно и спокойно ложилась на свое место под террасой и уже искала и просила ласк. И отяжелела она: редко бегала с дачи, и когда маленькие дети звали ее с собой в лес, уклончиво виляла хвостом и незаметно исчезала. Но по ночам все так же громок и бдителен был ее сторожевой лай.

IV

Желтыми огнями загорелась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустеть дачи и умолкать, как будто непрерывный дождь и ветер гасили их, точно свечи, одну за другой.

— Как же нам быть с Кусакой? — в раздумье спрашивала Леля.

Она сидела, охватив руками колени, и печально глядела в окно, по которому скатывались блестящие капли начавшегося дождя.

— Что у тебя за поза, Леля! Ну кто так сидит? — сказала мать и добавила: — А Кусаку придется оставить. Бог с ней!

— Жа-а-лко, — протянула Леля.

— Ну что поделаешь? Двора у нас нет, а в комнатах ее держать нельзя, ты сама понимаешь.

— Жа-а-лко, — повторила Леля, готовая заплакать.

Уже приподнялись, как крылья ласточки, ее темные брови и жалко сморщился хорошенький носик, когда мать сказала:

— Догаевы давно уже предлагали мне щеночка. Говорят, очень породистый и уже служит. Ты слышишь меня? А эта что — дворняжка!

— Жа-а-лко, — повторила Леля, но не заплакала.

Снова пришли незнакомые люди, и заскрипели возы, и застонали под тяжелыми шагами половицы, но меньше было говора и совсем не слышно было смеха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя беду, Кусака убежала на край сада и оттуда, сквозь поредевшие кусты, неотступно глядела на видимый ей уголок террасы и на сновавшие по нем фигуры в красных рубахах.

— Ты здесь, моя бедная Кусачка, — сказала вышедшая Леля. Она уже была одета по-дорожному — в то коричневое платье, кусок от которого оторвала Кусака, и черную кофточку. — Пойдем со мной!

И они вышли на шоссе. Дождь то принимался

идти, то утихал, и все пространство между почерневшей землей и небом было полно клубящимися, быстро идущими облаками. Снизу было видно, как тяжелы они и непроницаемы для света от насытившей их воды и как скучно солнцу за эту плотной стеной.

Налево от шоссе тянулось потемневшее жнивье, и только на бугристом и близком горизонте одинокими купами поднимались невысокие разрозненные деревья и кусты. Впереди, недалеко, была застава и возле нее трактир с железной крышей, а у трактира кучка людей дразнила деревенского дурачка Илюшу.

— Дайте копеечку, — гнусавил протяжно дурачок, и злые, насмешливые голоса наперебой отвечали ему:

— А дрова колоть хочешь?

И Илюша цинично и грязно ругался, а они без веселья хохотали.

Прорвался солнечный луч, желтый и анемичный, как будто солнце было неизлечимо больным; шире и печальнее стала туманная осенняя даль.

— Скучно, Кусачка! — тихо проронила Леля и, не оглядываясь, пошла назад.

И только на вокзале она вспомнила, что не простилась с Кусачкой.

V

Кусака долго металась по следам уехавших людей, добежала до станции и — промокшая, грязная — вернулась на дачу. Там она проделала еще одну новую штуку, которой никто, однако, не видел: первый раз взошла на террасу и, приподнявшись на задние лапы, заглянула в стеклянную

дверь и даже поскребла когтями. Но в комнатах было пусто, и никто не ответил Кусаке.

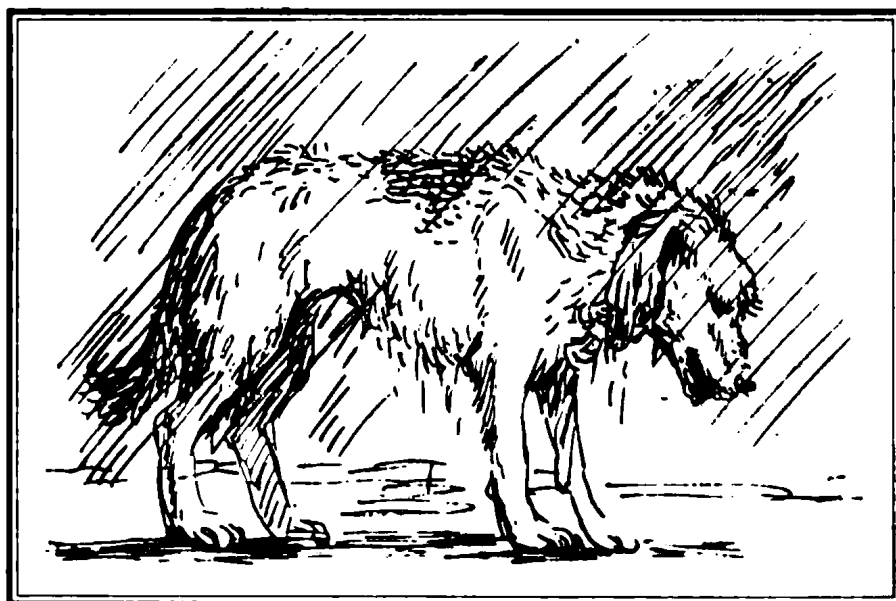
Начался частый дождь, и отовсюду стал надвигаться мрак осенней ночи. Быстро и глухо он заполнил пустую дачу; бесшумно выползал он из кустов и вместе с дождем лился с неприветливого неба. На террасе, с которой была снята парусина, отчего она казалась обширной и странно пустой, свет долго еще боролся с тьмой и печально озарял следы грязных ног, но скоро уступил и он.

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнений, что она наступила, собака жалобно и громко завывала. Звенящей, острой, как отчаяние, нотой ворвался этот вой в монотонный, угрюмо покорный шум дождя, прорезал тьму и, замирая, понесся над темным и обнаженным полем.

Собака выла — ровно, настойчиво и безнадежно спокойно. И тому, кто слышал этот вой, казалось, что это стонет и рвется к свету сама беспросветно-темная ночь, и хотелось в тепло, к яркому огню, к любящему женскому сердцу.

Собака выла.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I ПОЭЗИЯ XIX — начала XX вв.

От составителя _____	4
Жуковский В.А.	
«Отчизне кубок сей, друзья!» _____	5
Мальчик с пальчик _____	5
Море _____	6
Лесной царь _____	7
Перчатка _____	8
Жаворонок _____	10
Легкий вечер _____	11
Колосик _____	13
Пушкин А.С.	
«... Как часто в горестной разлуке...» _____	14
«Люблю тебя, Петра творенье...» _____	14
«... Люблю песчаный косягор...» _____	16
Кавказ _____	16
«Во глубине сибирских руд...» _____	17
«У лукоморья дуб зелёный...» _____	18
Песнь о вещем Олеге _____	19
Конь _____	23
«Румяной зарёю...» _____	24
«Птичка Божия не знает...» _____	25
Осень _____	26
«... Уж небо осенью дышало...» _____	26
«... В тот год осенняя погода...» _____	27
Туча _____	28
Зимнее утро _____	28

Бесы _____	29
«Еще дуют холодные ветры...» _____	30
«Гонимы вешними лучами...» _____	31
Няне _____	31
Зимний вечер _____	32
Узник _____	33
Зимняя дорога _____	33
«... Вот север, тучи нагоняя...» _____	34
«... Встает заря во мгле холодной...» _____	35
«Какая ночь! Мороз трескучий...» _____	35

Баратынский Е.А.

«Весна, весна! как воздух чист!» _____	36
Осень _____	36
«Чудный град порой сольётся...» _____	37
«Где сладкий шёпот...» _____	38
«... Суровый край: его красам...» _____	39

Тютчев Ф.И.

«Умом Россию не понять...» _____	39
«Зима недаром злится...» _____	40
Весенние воды _____	40
Весенняя гроза _____	41
Могила Наполеона _____	42
«Как неожиданно и ярко...» _____	42
«В небе тают облака...» _____	43
«Смотри, как роща зеленеет...» _____	44
«Неохотно и несмело...» _____	44
«Песок сыпучий по колени...» _____	45
«Есть в осени первоначальной...» _____	45
Листья _____	46
«Ещё земли печален вид...» _____	47

Кольцов А.В.

Песня пахаря _____	48
--------------------	----

Лес _____	50
«Весною степь зелёная...» _____	53
Косарь _____	53
Раздумье селянина _____	55

Лермонтов М.Ю.

«Москва, Москва... люблю тебя как сын...» _____	56
Родина _____	56
Парус _____	57
Бородино _____	58
Казачья колыбельная песня _____	62
Дары Терека _____	63
Тучи _____	64
Листок _____	65
Утес _____	66
«На севере диком стоит одиноко...» _____	66
«Листья в поле пожелтели...» _____	67

Толстой А.К.

Илья Муромец _____	67
Колодники _____	70
«Колокольчики мои...» _____	71
«Где гнутся над омутом лозы...» _____	72
«Клонит к лени полдень жгучий...» _____	72
«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» _____	73

Фет А.А.

Ещё майская ночь _____	73
Рыбка _____	74
Первый ландыш _____	74
Бабочка _____	75
«Я пришёл к тебе с приветом...» _____	75
«Ещё весны душистой нега...» _____	76
Весенний дождь _____	76

«Зреет рожь над жаркой нивой...» _____	77
«... А там, вдали, сверкает воздух жгучий...» _____	77
«Ель рукавом мне тропинку завесила...» _____	78
«Ласточки пропали...» _____	78
«Чудная картина...» _____	79
«Мама! глянь-ка из окошка...» _____	79
«Печальная берёза...» _____	81
«Учись у них — у дуба, у берёзы...» _____	81

Некрасов Н.А.

Тишина _____	82
«Стихи мои! Свидетели живые...» _____	83
«Что ни год — уменьшаются силы...» _____	83
Сеятелям _____	84
Плач детей _____	84
Дедушка Мазай и зайцы _____	85
Крестьянские дети _____	88
Мужичок с ноготок _____	90
Соловьи _____	90
Школьник _____	93
«Зажгло грозою дерево...» _____	95
«В полном разгаре страда деревенская...» _____	95
Зелёный шум _____	96
Несжатая полоска _____	98
«Дорого-любю, кормилица-нива...» _____	99
«Славная осень! Здоровый, ядрёный...» _____	99
«Белый снег недолог...» _____	100
Перед дождём _____	100
Мороз-воевода _____	100
Саша _____	102

Майков А.Н.

Мать _____	103
Летний дождь _____	104
Колыбельная песня _____	104

«Весна! Выставляется первая рама...» _____	105
«Уходи, Зима седая!» _____	105
«Вот уж снег последний в поле тает...» _____	106
«Ласточка примчалась...» _____	106
В мае _____	106
«Поле зыблется цветами...» _____	107
«Люблю дорожкой лесною...» _____	108
Сенокос _____	108
Осень _____	109
«Осенние листья по ветру кружат...» _____	110
Ласточки _____	110

Никитин И.С.

Русь _____	111
Лес _____	116
Утро _____	117
Утро на берегу озера _____	118
«Ярко звёзд мерцанье...» _____	120
«Полно, степь моя, спать беспробудно...» _____	121
«В синем небе плывут над полями...» _____	122
«В чистом поле тень шагает...» _____	123
Встреча зимы _____	123

Плещеев А.Н.

Отчизна _____	127
Нищие _____	128
Старик _____	130
«Отдохну-ка, сяду у лесной опушки...» _____	132
«Уж тает снег, бегут ручьи...» _____	133
«Травка зеленеет...» _____	133
Мой садик _____	134
«Деревья весело шумели...» _____	135
«Скажи, фиалка, отчего...» _____	135
«Осень наступила...» _____	135
Осенняя песенка _____	136

Птичка _____	136
«Скучная картина!» _____	137

Суриков И.З.

«Не корите, други...» _____	137
«Что шумишь, качаясь...» _____	138
Степь _____	139
В ночном _____	140
Детство _____	142
Зима _____	146

Дрожжин С.Д.

Родине _____	146
Родина _____	147
«Я для песни задушевной...» _____	148
«Не нужно для меня ни блага богачей...» _____	149
«Ценою жгучих слёз и муки...» _____	149
Привет _____	149
Первая борозда _____	150
В крестьянской семье _____	151
Весеннее царство _____	152
«Тени вечера сгущаются...» _____	154
Летняя ночь в деревне _____	154
«На улице стало безлюдно...» _____	155
«Растаял снег среди полей...» _____	156
«Распустились почки...» _____	156
Ласточка _____	157
«Всё зазеленело...» _____	157
«Миновало лето...» _____	157
«Жёлтый лист за листом...» _____	158
«Мороз в окно глядит и дышит...» _____	158
«Люблю я жгучие морозы...» _____	158

Бунин И.А.

Родине _____	159
--------------	-----

Запустение _____	160
Вечер _____	161
Берёзка _____	161
Змея _____	162
«Бушует полая вода...» _____	162
«Догорел апрельский светлый вечер...» _____	164
Детство _____	164
«Густой зелёный ельник у дороги...» _____	165
«Всё темней и кудрявей берёзовый лес зеленеет...» _____	166
«Весна, и ночь, и трепет звезд...» _____	166
Чибисы _____	166
«Крупный дождь в лесу зелёном...» _____	167
После половодья _____	167
«Лес шумит невнятным, ровным шумом...» _	167
«Раскрылось небо голубое...» _____	168
Полевые цветы _____	168
На озере _____	169
«Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...»	170
«Ясным утром на тихом пруде...» _____	170
Розы _____	170
«Таинственно шумит лесная тишина...» _____	171
Листопад _____	172
«Осыпаются астры в садах...» _____	173
«Осень. Чащи леса...» _____	173
Сквозь ветви _____	174
«... Льёт дождь холодный, точно лёд...» _____	174
«Шумели листья, облетая...» _____	174
«Морозное дыхание метели...» _____	175

Брюсов В.Я.

Полно! _____	175
Только русский _____	176
Родной язык _____	178
Мы _____	179

Довольным _____	180
Мыши _____	180
Каменщик _____	181
Труд _____	181
Работа _____	182
Юному поэту _____	182
Летняя гроза _____	183

Блок А.А.

Россия _____	184
Русь _____	185
«О, я хочу безумно жить...» _____	186
«Ветер принёс издалика...» _____	186
«Леса вдали виднее...» _____	187
После грозы _____	187
«Вот ворона на крыше покато́й...» _____	188
«Тяжко нам было под выюгами...» _____	188
«Гроза прошла, и ветка белых роз...» _____	189
Летний вечер _____	189
«... Осенний день высок и тих...» _____	189
«Глушь родного леса...» _____	190
«Там неба осветлённый край...» _____	190
«Разгулялась осень в мокрых долах...» _____	191
Ветхая избушка _____	191
Зайчик _____	192
Учитель _____	193
Снег да снег _____	194

Есенин С.А.

«Гой ты, Русь, моя родная...» _____	195
«Из-за леса, леса тёмного...» _____	196
«Топи да болота...» _____	196
Мне плакать хочется... _____	197
Пора безжизния _____	197
«Жалейте каждого больного...» _____	198

С добрым утром _____	198
«Закружилась листва золотая...» _____	199
Черёмуха _____	200
«Сыплет черёмуха снегом...» _____	200
Ночь _____	201
«Нивы сжаты, рощи голы...» _____	201
Пороша _____	202
Берёза _____	202
«Поёт зима — аукает...» _____	204

Часть II РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

От составителя _____	206
----------------------	-----

Зайцевский Е.П.

Книга природы _____	208
---------------------	-----

ВЕСНА! ВЕСНА! И ВСЁ ЕЙ РАДО!

<i>Гоголь Н.В.</i> _____	208
---------------------------------	-----

Гумилев Н.С.

Детство _____	209
---------------	-----

Прокофьев А.А.

Я поднял дерево _____	210
-----------------------	-----

Паустовский К.Г.

Моя Россия _____	210
------------------	-----

Толстой А.Н.

Весна _____	211
-------------	-----

Ушинский К.Д.	
Летом в лесу _____	213
Тургенев И.С.	
Лес и степь _____	213
Лес _____	214
Толстой Л.Н.	
Пришла весна _____	215
Весна _____	216
Воробей на часах _____	217
Куприн А.И.	
Степь весной _____	218
Скворцы _____	219
Песня скворца _____	220
Детские годы Багрова-внука _____	221
Чехов А.П.	
Уже совсем весна _____	222
Паустовский К.Г.	
Словарь родной природы _____	223
Соколов-Микитов И.С.	
Весна _____	224
Здравствуй, весна! _____	227
Звуки весны _____	227
Жаворонок _____	228
Григорович Д.В.	
Прекрасное время _____	229
Астафьев В.П.	
«Темнели осинники в глуби...» _____	230

Абрамов Ф.А.

На мартовском солнышке _____	232
Дождались _____	232
«И день не день, и ночь не ночь...» _____	232

Пришвин М.М.

Весенние миниатюры

Весна воды _____	233
Дорога _____	234
Капля и камень _____	234
Первые ручьи _____	235
Живительный дождик _____	236
Первый цветок _____	236
Вечер освящения почек _____	236
Весна _____	238
Светлая капель _____	238
Вода _____	239
Песня воды _____	239
Запоздалая весна _____	239
Весенняя уборка _____	240
Весенний переворот _____	241
Реки цветов _____	242
Цветут березки _____	242
Первый рак _____	242
Недовольная лягушка _____	243
Рождение звука _____	243
Жаркий час _____	245
«Утро подвигалось все больше к рассвету...» _____	246

«АХ, ЛЕТО КРАСНОЕ...»

Ушинский К.Д.

На поле летом _____	247
Утренние лучи _____	247

Достоевский Ф.М.	
«Мне припомнился август месяц в нашей деревне...» _____	248
Толстой А.Н.	
Детство Никиты _____	249
Тургенев И.С.	
Бежин луг _____	250
«Летнее июльское утро...» _____	252
«Ранним летним утром...» _____	252
Летний вечер _____	253
Гроза в лесу _____	253
«Недавно вставшее солнце...» _____	254
«Погода была прекрасная...» _____	254
«А летнее, июльское утро!» _____	256
«Жара заставила нас войти в рощу...» _____	258
Гоголь Н.В.	
«... Степь чем далее...» _____	260
«Как томительны жаркие те часы...» _____	261
Короленко В.Г.	
Лес шумит _____	261
Толстой Л.Н.	
Какая бывает роса на траве _____	262
Репейник _____	263
Чехов А.П.	
Степь _____	264
Мамин-Сибиряк Д.Н.	
Молодая поросль _____	271
Летние ночи на Урале _____	272

В начале августа _____	273
<i>Аксаков С.Т.</i>	
Покос _____	273
Лебедь _____	275
Движения лебеда _____	275
<i>Арсеньев В.К.</i>	
Травяное море _____	276
<i>Горький М.</i>	
В лесу _____	277
Ночной пожар в лесу _____	278
<i>Паустовский К.Г.</i>	
Родные места _____	279
Летние грозы _____	279
Летний зной _____	279
«Зарница... Самое звучание этого слова...» _____	280
Цветы _____	281
<i>Шолохов М.А.</i>	
Благодатный дождь _____	282
«В степи пырей поднялся выше колена...» _____	283
<i>Соколов-Микитов И.С.</i>	
Дождик в лесу _____	284
<i>Абрамов Ф.А.</i>	
Началось лето _____	285
Жара _____	285
<i>Пришвин М.М.</i>	
Поэтические миниатюры о лете	
Цветущие травы _____	286

Бал на реке _____	287
Красные шишки _____	287
Лодочка _____	288
Лесная книга _____	288
Вода и любовь _____	289
Пастушья свирель _____	289
Старая липа _____	289
Зарастающая поляна _____	290
Расцвет шиповника _____	290
Рожь наливают _____	291
Светотени _____	291
Силач _____	292
Ель и березка _____	292
Иван-чай _____	292
У старого пня _____	293
Пень-муравейник _____	293
Лесной ручей _____	294
Роса _____	295
Золотой луг _____	296

«ЛЮБЛЮ Я ПЫШНОЕ ПРИРОДЫ УВЯДАНЬЕ...»

Тургенев И.С.

«Осенний, ясный, немножко холодный...» _____	297
Осенний день в березовой роще _____	297

Куприн А.И.

«... К началу сентября погода ...» _____	298
--	-----

Короленко В.Г.

Поздняя осень _____	299
---------------------	-----

Бунин И.А.

Антоновские яблоки _____	300
--------------------------	-----

Паустовский К.Г.

Словарь родной природы _____	302
«Часто осень я пристально следил...» _____	303
Мой дом _____	304
Какие бывают дожди _____	305
Подарок _____	307

Пришвин М.М.

Поэтические миниатюры об осени

Птицы и листья _____	312
Последние грибы _____	312
Иван-да-Марья _____	314
Разлука _____	315

«ЗДРАВСТВУЙ, ГОСТЬЯ ЗИМА!»

Шолохов И.А.

Здравствуй, зима! _____	315
-------------------------	-----

Толстой А.Н.

«Здравствуй, зима долгожданная, бодрая!» _____	317
Сугробы _____	317

Аксаков С.Т.

Буря _____	320
------------	-----

Мамин-Сибиряк Д.Н.

Зима _____	321
------------	-----

Чехов А.П.

Шел первый снег _____	322
-----------------------	-----

Паустовский К.Г.

Прощание с летом _____	322
------------------------	-----

Соколов-Микитов И.С.	
Зимняя ночь _____	324
Осина _____	325

Абрамов Ф.А.	
Серебряные сполохи _____	326
На воробьиный скок _____	326

Пришвин М.М.	
Поэтические миниатюры о зиме	
Деревья в плену _____	326
Голубые тени _____	327
Тихий снег _____	328
Прозрачный лед _____	328

Часть III РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

От составителя _____	330
----------------------	-----

Пушкин А.С.	
Птичка _____	332

Фет А.А.	
«Ты прав. Одним воздушным очертаньем...» _____	332

Бальмонт К.Д.	
Детский мир _____	333

Блок А.А.	
Ворона _____	334

Есенин С.А.	
«Озябли пташки малые...» _____	334
Ушинский К.Д.	
Ласточка _____	335
Толстой А.Н.	
Желтухин _____	337
Тургенев И.С.	
Воробей _____	343
Морское плавание _____	345
Голуби _____	346
Толстой Л.Н.	
О муравьях _____	348
Булька _____	349
Орел _____	351
Русак _____	351
Лев и собачка _____	353
Куприн А.И.	
Белый пудель _____	355
Слон _____	370
Чехов А.П.	
Белолобый _____	384
Мамин-Сибиряк Д.Н.	
Приемыш _____	392
Житков Б.С.	
Галка _____	398
Обезьянка _____	400
Мангуста _____	412

Богданов М.Н.	
Мышь _____	422
Домашний воробей _____	425
Паустовский К.Г.	
Заячьи лапы _____	431
Вересаев В.В.	
Братишка _____	437
Похвалите меня! _____	437
Аксаков С.Т.	
Лебедь _____	438
Бианки В.	
Лесные домишки _____	440
Музыкант _____	447
Приспособился _____	448
Кошкин выкормыш _____	449
Медведь _____	450
Скребицкий Г.	
Крылатые соседи	
Ворона _____	452
Галка _____	453
Грач _____	455
Сорока _____	456
Воробей _____	457
Синица _____	458
Скворец _____	459
Ласточка _____	460
Догадливая синичка _____	462
Лесной голосок _____	464
Лебеди _____	466
Воришка _____	467

Сиротка _____	470
Заботливая мамаша _____	473
Ушан _____	475
 <i>Чарушин Е.</i>	
Волчишко _____	479
Медвежата _____	481
Олешки _____	483
Верный Трой _____	485
 <i>Астафьев В.</i>	
«Птицы живут повсюду...» _____	488
 <i>Белов В.И.</i>	
Малька	
Малька провинилась _____	490
Еще про Мальку _____	491
 <i>Дуров В.Л.</i>	
Наша Жучка _____	493
 <i>Андреев Л.</i>	
Кусака _____	497